

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies
Center of Korean Studies

KOREA: A DECADE OF NEW OPPORTUNITIES

Papers presented
at the 15th Academic Conference
of Russia
and CIS Koreanists

Moscow, March 24–25, 2011

Moscow
IFES RAS
2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Учреждение Российской академии наук
Институт Дальнего Востока РАН
Центр корейских исследований

КОРЕЯ: ДЕСЯТИЛЕТИЕ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Доклады, представленные
на XV научной конференции
корееведов России
и стран СНГ

Москва, 24–25 марта 2011 г.

Москва
ИДВ РАН
2011

УДК [308+32+908](519)

ББК 66.3(5 Кор)

К66

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Редакторы

к. полит. н. А. З. Жебин (отв. ред.), к. и. н. К.В. Асмолов,
к. ф. н. Ким Ен Ун, к. э. н. В. Г. Самсонова, д. э. н. С.С. Суслина

К66 **Корея: десятилетие новых возможностей.** Доклады, представленные на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 24–25 марта 2011 г. – М.: ИДВ РАН, 2011. 280 с.

ISBN 978-5-8381-0198-3

В очередном сборнике материалов научной конференции корееведов России и стран СНГ рассмотрены: ситуация на Корейском полуострове в контексте интересов безопасности России; различные аспекты взаимного восприятия в России и Республике Корея имиджа наших стран и народов; актуальные проблемы межкорейских политических и экономических отношений; некоторые малоисследованные вопросы истории Кореи и российско-корейских отношений. Особое внимание уделено опыту инновационного развития и внедрения «зеленых технологий» в РК.

The 15th annual collection of works by Russian specialists on Korea analyses the situation on the Korean peninsula in the context of Russia's security interests, some aspects of mutual perceptions in Russia and the ROK images of our countries and peoples, the current problems of inter-Korean political and economic relations. Little-known questions of Korea's history and the Russian-Korean relations were also explored. Particular attention is paid to the experience of innovative development and implementation of «green technologies» in the Republic of Korea. The volume includes papers presented at the 15th Conference of Russia and CIS' Koreanists held on March 24–25, 2011 at the IFES in Moscow.

ISBN 978-5-8381-0198-3

УДК [308+32+908](519)

ББК 66.3(5 Кор)

© Коллектив авторов, 2011

© ИДВ РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие
начальника отдела Кореи Первого департамента Азии
МИД РФ А.П.Минаева..... 10

ПОЛИТИКА

- Жебин А.З.**
Геополитические интересы США в СВА и некоторые аспекты корейского урегулирования..... 13
- Воронцов А.В.**
Ядерная проблема Корейского полуострова на фоне обострения межкорейских отношений..... 21
- Асмолов К.В.**
Корейский полуостров: угрозы реальные и мнимые..... 31
- Дмитриева В.Н.**
Роль культуры и языка в формировании имиджа РК..... 41
- Ким Ен Ун**
Эволюция имиджа и роли России в Корее 51
- Самсонов Д.А.**
Взгляд друг на друга: результаты соцопросов на выставках к 20-летию дипотношений между Россией и Республикой Корея 61
- Ли Б.С.**
Культура в бизнесе и экономике (опыт коммуникации с корейцами)..... 70
- Курбанов С.О.**
Историческая инерция в межкорейских отношениях второй половины 2000-х годов 73
- Казарьян Р.Л.**
К вопросу об актуальности политики «солнечного тепла» 82
- Захарова Л.В.**
Кэсонский промышленный комплекс: некоторые практические аспекты функционирования..... 92

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Акуленко В. С. «Эпоха Когуре» в националистической исторической школе Республики Корея.....	104
Пастухов А. М. Японо-китайская война 1894–1895 гг. и Корея	114
Муסיнова И. А. Корейский вопрос в российской дипломатии конца XIX в. – начала XX в. (анализ американской исторической традиции)	127
Лыниша О. Б. Миссионерские училища русской православной церкви для корейцев Южно-Уссурийского края в конце XIX в.	136
Пак А. В. Проникновение протестантизма в Корею: начальный этап....	148
Овчинникова Л. В. Колониальная Корея в материалах японской тайной полиции (конец 1910-х годов – 1945 г.).....	158
Ким Н. Н. В поисках методологии исследования социальной структуры Кореи колониального периода	168
Шарафетдинова А. И. Основные объекты культурного наследия в КНДР.....	179
Ли Сан Юн Женские темы в современной литературе Республики Корея, Японии и Китая	187

ЭКОНОМИКА

Суслина С. С. Роль инноваций в современном экономическом развитии Южной Кореи	198
Самсонова В. Г. Современное состояние научно-технических разработок в России и перспективы российско-южнокорейского сотрудничества в этой сфере	210

Синякова А. Ф. Республика Корея: «зеленые» технологии как новый источник экономического роста	221
Эм П. П. Влияние процессов урбанизации и расселения на экономическое развитие Республики Корея	229
Верхотуров Д. Н. Трансформация экономических отношений Индонезии и Республики Корея.....	240
Ставров И. В. Положение корейцев в современном Китае.....	248
Тен В. А. Особенности корейской иммиграции в Канаду (конец XX в. – начало XXI в.).....	258
Краткое содержание докладов на английском языке	269

CONTENT

Welcome address by A.Minaev, Head of Korean desk, The First Department of Asia of the Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation.....	10
--	----

POLITICS

Zhebin A. Z. U.S. Geopolitical Interests in Northeast Asia and Some Issues of the Korean Settlement.....	13
Vorontsov A. V. The Korean Peninsula Nuclear Problem against a Background of North – South Relations' Aggravation	21
Asmolov K. V. Threats from the Korean Peninsula: Reality and Delusion.....	31
Dmitrieva V. N. Role of Culture and Language in Forming the ROK's Image	41
Kim En Un The Evolution of the Russia's Image and Role in Korea	51

Samsonov D. A.	Looking at Each Other: Results of Survey at the Exhibitions Dedicated to the 20th Anniversary of Establishment of Diplomatic Relationships between Russia and Republic of Korea	61
Lee B. S.	Culture in Business and Economics (experience of communications with Koreans)	70
Kurbanov S. O.	Historical Inertia in inter-Korean Relations of the 2nd Half of 2000s.....	73
Kazaryan R. L.	On the Issue of Sunshine Policy's Actuality	82
Zakharova L. V.	Gaeseong Industrial Complex: Practical Aspects of its Operation at the Current Stage.....	92

HISTORY AND CULTURE

Akulenko V. S.	«The Age of Goguryeo» in Nationalist Historical School of the ROK.....	104
Pastukhov A. M.	Sino-Japanese War 1894–1895 and Korea.....	114
Musinova I. A.	Korean Question in Russian Diplomacy (the end of XX – the beginning of XXI century).....	127
Lynsha O.B.	The Russian Orthodox Church's Missionary Schools for the Koreans in the Southern Ussuriysk Krai at the End of XIX Century	136
Pak A. V.	The Penetration of Protestantism in Korea: An Initial Stage.....	148
Ovchinnikova L. V.	Colonial Korea Reflected in the Documents of Japanese Colonial Administration	158
Kim N.N.	Colonial Korea's social structure: in search of research methodology	168

Sharafetdinova A. I.	Main Objects of the DPRK's Cultural Heritage.....	179
Lee San Youn	Female Themes in Modern Literature of the Republic of Korea, Japan, and China.....	187

ECONOMICS

Suslina S. S.	The Role of Innovation Factors in the Current Economic Development of the ROK	198
Samsonova V. G.	Modern Situation in Science-Technological Development in Russia and the Perspectives of Russia-South Korea's Cooperation in This Sphere.....	210
Sinyakova A. F.	South Korea: Green Technology as a New Growth Engine.....	221
Em P. P.	The Influence of Urbanization and Settlemental Factors upon the Economic Development in the Republic of Korea	229
Verkhoturov D. N.	The Transformation of Economic Relations between Indonesia and the Republic of Korea	240
Stavrov I. V.	The Koreans Minority Status in Contemporary China	248
Ten V. A.	On the Peculiarities of Korean Immigration to Canada (the end of XX – the beginning of XXI century)	258
	Summary of the Papers in English.....	269

ПРИВЕТСТВИЕ

начальника отдела Кореи Первого департамента Азии МИД РФ
А. П. Минаева

Уважаемые участники и гости конференции!

Прежде всего хотелось бы поблагодарить руководство ИДВ РАН и Центр корейских исследований за усилия по ежегодной организации этого важного корееведческого форума.

Думаю, что в этой аудитории нет необходимости кого-либо убеждать в важности тесной увязки развития корееведения как отдельной научной дисциплины с вопросами, решаемыми практической дипломатией России и стран СНГ на корейском направлении.

Объективный научный анализ процессов, происходящих в отношениях России с двумя корейскими государствами – КНДР и РК, новых моментов в их внешней и внутренней политике, подходов к урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП), ситуации в межкорейских отношениях, является необходимым условием выработки конкретных внешнеполитических решений. Поэтому в МИД России уделяют повышенное внимание взаимодействию с корееведческим научным сообществом, в частности с ИДВ РАН и Центром корейских исследований, придают большое значение сложившейся практике подготовки ведущими российскими учеными аналитических докладов по конкретным вопросам российско-корейского взаимодействия.

Последние события в мире актуализировали потребность в более глубоком анализе военно-политической ситуации на Корейском полуострове и состояния межкорейских отношений. Необходима проработка различных вопросов возможного «силового срыва» на случай обострения конфронтации между КНДР и Республикой Корея.

Жесткая линия администрации Ли Мен Бака в отношении КНДР, расчеты политической элиты РК на скорый крах северокорейского режима во многом стали причиной того, что межкорей-

ские отношения были заведены в тупик, выход из которого пока не просматривается. Замораживание отношений между Севером и Югом отдалило на неопределенный срок перспективу возобновления шестисторонних переговоров по ЯПКП.

Вместе с тем в условиях обострения военно-политической конфронтации на Корейском полуострове, известных сложностей в отношениях Сеула с Пекином и Токио и обострения энергетических трудностей политическое руководство, бизнес и общественные круги Южной Кореи, сохраняя приверженность союзническим отношениям с США, одновременно рассматривают партнерство с Россией как весомый элемент национальной безопасности и укрепления международных позиций страны. Это создает хороший задел для перевода нашего сотрудничества на инновационные рельсы в соответствии с договоренностями, достигнутыми в ходе визита президента России Д.А. Медведева в Сеул в ноябре 2010 г. Российско-южнокорейские переговоры на высшем уровне, подписание ряда важных соглашений продемонстрировали, что наши страны выходят на принципиально новый уровень взаимодействия, отражающий возросшее доверие между Москвой и Сеулом, равно как и высокую зрелость российско-южнокорейских связей в целом.

Важным геополитическим партнером для России, в силу географической близости и исторических традиций двусторонних отношений, остается КНДР. Вместе с тем северокорейские ядерные эксперименты весьма негативно отразились на наших отношениях с Пхеньяном. В КНДР не скрывают раздражения в связи с участием России в выработке и поддержании режима международных санкций в отношении этой страны. Несмотря на это, российская сторона в принципе готова к преодолению трудностей в политических взаимоотношениях с КНДР, стремится к активизации диалога с Пхеньяном.

К сожалению, пока не будет решена ЯПКП, перспектива реализации наиболее эффективных и взаимовыгодных проектов с участием России, КНДР и РК – трансграничных газо- и нефтепроводов, переброска электроэнергии в РК через КНДР и соединение железных дорог трех стран – остается маловероятной.

По-прежнему важной задачей является отслеживание роли и влияния уходящих своими корнями в эпоху холодной войны

фальсификаций или искаженных интерпретаций истории в процессе формирования общественного сознания. Трудно переоценить роль науки в деле сглаживания имеющихся в этой области острых углов в наших отношениях с обоими корейскими государствами, нейтрализации отдельных антироссийских выпадов в ходе отмечавшихся в 2010 г. мероприятий по случаю 60-летия начала Корейской войны и 65-летия освобождения Кореи.

Все это говорит о том, что сегодняшний день ставит перед корееведческой наукой серьезные задачи. Позвольте выразить надежду, что открывающаяся сегодня научная конференция корееведов России и стран СНГ внесет свой вклад в дело обеспечения мира и стабильности на Корейском полуострове, укрепления сотрудничества между всеми государствами в регионе Северо-Восточной Азии.

ПОЛИТИКА

*А.З.Жебин**

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ США В СВА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОРЕЙСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Конфликтная ситуация на Корейском полуострове порождена расколом Кореи в результате Второй мировой войны и продолжающимся противоборством двух корейских государств за лидерство на полуострове. Вместе с тем геополитическое положение Корейского полуострова, примыкающего к Китаю, России и находящегося рядом с Японией, всегда привлекало к себе внимание внешних сил. Они стремились получить военные или экономические преимущества в этом ключевом районе Азии, и вряд ли в этом отношении здесь что-либо существенно изменится в обозримом будущем¹.

Корейская война 1950–1953 гг. была попыткой решить проблему с помощью силы, но объединить страну тогда не удалось. Интернационализация конфликта способствовала тому, что Корейский полуостров надолго стал ареной столкновения интересов крупнейших держав – США, СССР, Китая и Японии, – что, естественно, осложняло решение корейских проблем, осложненных антагонизмом между Севером и Югом. Весь этот комплекс факторов породил один из острейших очагов региональной напряженности.

Неоднократные попытки подвести черту под Корейской войной оказались неудачными. Корейский полуостров вот уже более полувека продолжает жить в режиме военного перемирия. При этом пока нет ясности, кто и с кем должен подписать мирный договор. На стороне КНДР воевала армия китайских народных добровольцев (АКНД), а на стороне Южной Кореи – войска ООН, основу которых составляли вооруженные силы США.

* Институт Дальнего Востока РАН, Москва.

Помимо Верховного главнокомандующего Корейской народной армией Ким Ир Сена под Соглашением о военном перемирии в Корее — именно таково точное название этого документа — стоят подписи командующего АКНД Пэн Дэхуая и американского генерала М. Кларка, представлявшего Командование ООН в Корее².

Тогдашний президент РК Ли Сын Ман настаивал на продолжении военных действий до победного конца, и поэтому представитель Южной Кореи соглашение о перемирии не подписал. Поэтому в Пхеньяне считают, что участниками мирного договора, который призван заменить соглашение о перемирии, должны быть КНДР и США. Такая идея не устраивает американцев по многим причинам, и прежде всего потому, что они не намерены брать на себя юридическую и материальную ответственность за последствия этой войны. Категорически возражают против такого расклада и в Сеуле, опасаясь, что, в отсутствие представителей РК, США и КНДР могут сторговаться за счет южнокорейской стороны.

К настоящему времени концентрация вооруженных сил на полуострове достигла критической отметки. По обе стороны демилитаризованной зоны, разделяющей Север и Юг, сосредоточено около 1,6 млн военнослужащих, большое количество современной военной техники. Во второй половине первого десятилетия нашего века КНДР провела два ядерных испытания и объявила о создании ядерных «сил сдерживания». Пхеньян утверждает о наличии такого же оружия у воинского контингента США, оставшегося на юге полуострова после Корейской войны и до сих пор продолжающего прикрываться флагом ООН.

Последние два десятилетия ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП) выдвинулась на авансцену многопланового комплекса корейского урегулирования. С 2003 г. ее обсуждение с переменным успехом ведется в формате шестисторонних переговоров с участием РФ, КНР, США, Японии, КНДР и РК. С декабря 2008 г. переговоры прерваны. Одна из главных причин тому — попытки США использовать переговорный процесс не только для обсуждения проблемы нераспространения, важной самой по себе, но и для реализации собственных стратегических замыслов в регионе.

К началу второго десятилетия стало совершенно ясно, что главная причина отсутствия прогресса по всем аспектам урегулирования

в Корее заключается не в «несговорчивости» Пхеньяна, а в стремлении США во что бы то ни стало реализовать свои геополитические планы на полуострове, детерминантом которых является сдерживание Китая и принуждение его к действиям, вписывающимся в рамки возглавляемого США нынешнего мирового порядка.

Именно поэтому для США было и продолжает оставаться выгодным поддержание определенного уровня напряженности на полуострове. Это позволяет им оправдывать сохранение уже на протяжении более полувека своих сил передового базирования у границ России и КНР на Дальнем Востоке, а также разворачивать в регионе ПРО ТВД под предлогом остающейся весьма проблематичной «северокорейской ракетной угрозы». Программа-максимум США — сменить режим в КНДР и объединить полуостров под своим патронатом, заполучив важнейший плацдарм на стыке границ РФ и КНР.

Достижение этой цели призвано способствовать решению Вашингтоном сразу нескольких важных задач в регионе СВА: «поставить на место», да еще и публично унизить при этом Китай, показав Пекину и его соседям, что США будут действовать, как им заблагорассудится, даже в традиционных сферах китайского влияния; заставить РК и Японию активнее подключиться к реализации других военно-политических планов США в АТР и во всем мире. И, наконец, США избавятся от необходимости соблюдать собственные обязательства по Пекинскому совместному заявлению «шестерки» от 17 сентября 2005 г., которые Вашингтон и не намеревался выполнять (полная нормализация межгосударственных отношений с КНДР, отмена санкций, замена соглашения о перемирии на мирный договор и т.п.).

Нынешняя стратегия США в отношении Корейского полуострова фактически блокирует реализацию многосторонних экономических проектов в регионе, в которых заинтересована Россия. И здесь американцы пытаются решить сразу несколько задач: сохранение ориентации поставок Россией углеводородного сырья на рынки Запада и во все больше возрастающей степени — США, торможение социально-экономического развития нашего Дальнего Востока и замедление его экономической интеграции в АТР, т.е. недопущение усиления позиций России на Тихом океане.

Определенные надежды на дальнейший прогресс в разрешении ЯПКП многие обозреватели связывали с приходом к власти в США администрации Б. Обамы. В связи с этим представляется важным не упускать из виду следующее обстоятельство: с появлением в Белом доме новой администрации, будь то демократической или республиканской, фундаментальные цели американской внешней политики в послевоенный период практически не менялись. Перемены, как правило, касались лишь методов их достижения³.

Стратегия национальной безопасности США, принятая в 2010 г., содержит важные элементы, которые свидетельствуют о преемственности политики нынешней администрации США с политикой Дж. Буша-мл. Мнение Б. Обамы о том, что «Соединенные Штаты будут и впредь гарантировать глобальную безопасность», явно напоминает мировоззренческие установки эпохи предыдущего президента. Не изменены ключевые установки стратегии о том, что Соединенные Штаты должны сохранить военное превосходство и оставляют за собой право на применение силы в одностороннем порядке, если это необходимо для защиты американских интересов. И, наконец, стратегия рассматривает продвижение демократии в качестве цели американской внешней политики. Как последняя задача осуществляется на практике, мы имеем возможность наблюдать на примере Ливии⁴.

Основополагающие высказывания Б. Обамы и госсекретаря США Х. Клинтон о политике США в АТР подтверждают, что США намерены и впредь, как и на протяжении всего периода после своей победы в холодной войне, отдавать приоритет своим двусторонним альянсам с Японией, РК, Австралией и с некоторыми другими странами АТР как фундаменту американского «участия и руководства» в регионе⁵.

В этой фразе слово «руководство» всего лишь эвфемизм для политически некорректных для западной политики, но более точно описывающих суть явлений таких понятий, как «доминирование» и «господство». Вся американская стратегия в АТР нацелена на то, чтобы любой ценой сохранить там свое военно-политическое превосходство. Для этого «миролюбец» Б. Обама намеревается не сокращать, а наращивать военное присутствие в АТР⁶.

Новый очередной «Обзор ядерной политики», подготовленный администрацией Б. Обамы в 2010 г., исключил КНДР из спис-

ка стран, которым США готовы предоставить так называемые «негативные ядерные гарантии», т.е. обещание не применять ядерное оружие против неядерных государств. Тем самым не исключается, что КНДР может стать объектом американского превентивного ядерного удара, приходят к выводу сотрудники Центра американо-корейской политики из США⁷.

Такой подход практически ничем не отличается от концепции превентивных ядерных ударов по неудобным государствам, принятой администрацией Дж. Буша в 2002 г.

Администрация Б. Обамы избрала в отношении КНДР линию так называемого «стратегического терпения», а на самом деле – пренебрежительного невнимания к вопросам нормализации отношений с КНДР и урегулирования ядерной проблемы. На практике «стратегическое терпение» вылилось в комплекс мер, призванных подтолкнуть северокорейский режим к краху. Эта политика базируется на двух предпосылках. *Во-первых*, надеждах на то, что ухудшение состояния здоровья северокорейского лидера и его возможный уход с политической сцены вызовет борьбу за власть и даже раскол в руководстве КНДР, что приведет к дестабилизации политической ситуации в стране.

Во-вторых, расширительно толкуемые Западом санкции ООН в сочетании с дополнительными ограничениями, введенными США и их союзниками в одностороннем порядке, должны были максимально затруднить всю, даже легальную, внешнеэкономическую и внешнеэкономическую деятельность этой страны, предельно осложнить ее экономическое положение. Все это, в конечном итоге, должно было вызвать недовольство партийно-хозяйственной номенклатуры и широких слоев населения КНДР. Фактически речь шла о попытке создать в этой стране классическую революционную ситуацию, при которой верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому.

Однако события 2010 г. показали, что авторы курса «стратегического терпения» приняли желаемое за действительное. Пхеньяну удалось стабилизировать ситуацию в верхних эшелонах власти. Северокорейцы провели партконференцию правящей партии, обновили состав центральных партийных органов, введя в них деятелей, которые призваны стать опорой, а отнюдь не соперниками будущего руководителя страны, на роль которого на

партконференции был выдвинут, похоже, Ким Чен Ын – третий сын нынешнего лидера.

В Вашингтоне забеспокоились, что политика стратегического терпения поставила США в пассивное положение и даже, более того, привела к росту нестабильности в регионе, что наглядно продемонстрировали события вокруг о. Енпхендо. К такому заключению пришли даже такие столпы американского внешнеполитического истеблишмента, как посол Д. Гудби и бывший советник Обамы по азиатским проблемам Д. Гросс⁸.

События 2010 г. в Корее еще раз показали, что полномасштабный конфликт на полуострове может быть инициирован или, вероятнее всего, спровоцирован только Соединенными Штатами либо с их ведома – Республикой Корея.

При этом есть достаточно оснований подозревать, что США с помощью РК преднамеренно провоцируют руководство КНДР на акции, подобные обстрелу о. Енпхендо. Расчет строится на создании вокруг Северной Кореи международной обстановки, благоприятной для оправдания военного удара по этой стране. В этих целях США преднамеренно всячески демонизируют КНДР и ее руководство. С этой целью в СМИ вбрасывают самые невероятные слухи и откровенную клевету о применении «ядов», смертных казнях чиновников, которые потом почему-то вновь появляются на ответственных постах, и даже о неумении северокорейских лидеров пользоваться биноклем.

Созданию образа несговорчивого, закоснелого адепта холодной войны служит также предъявление КНДР чересчур завышенных требований, например увязывание нераспространенческих проблем с вопросами сокращения обычных вооруженных сил и вооружений и соблюдения Пхеньяном прав человека в их западном понимании. Это же касается и инспекций по «иракскому сценарию». Такие заходы не приемлемы для КНДР по ряду политических и экономических причин, в силу глубоко укоренившейся за годы холодной войны ксенофобии, отсутствия достаточно надежных, по мнению режима, гарантий его безопасности.

Однако навязываемый американцами тезис о «северокорейской угрозе» остается малоубедительным. Специалистам ясно, что при нынешнем соотношении сил на полуострове и в мире, с учетом боевых возможностей вооруженных сил и состояния эко-

номики КНДР, сознательное инициирование какого-либо крупного конфликта Пхеньяном исключено. Очевидно, что Северная Корея не в состоянии вести сколько-нибудь масштабные наступательные военные действия, тем более без поддержки извне. Такой поддержки сейчас ей ожидать неоткуда.

Какова же в этих обстоятельствах может оказаться линия КНДР? В Пхеньяне, конечно же, учитывают, что нынешние меры принуждения против Ливии, предпринимаемые Западом, вряд ли были бы возможны, если бы эта страна несколько лет назад не отказалась от своей ядерной программы. Какие выводы сделали из нынешней ситуации вокруг Ливии руководители КНДР, да и ряда других так называемых «пороговых стран», догадаться было несложно.

Позицию Пхеньяна озвучил представитель МИД КНДР. «Теперь перед всем миром отчетливо обнажился тот факт, что так называемый “ливийский вариант отказа от ядерной программы”, о котором так любили трубить американцы, на самом деле является способом агрессии после разоружения противной стороны путем обмана ее сладкими обещаниями о “гарантиях безопасности” и “улучшении отношений”», – отмечается в его заявлении. «Выбранный КНДР путь приоритета армии является полностью оправданным, и созданная на этом пути самозащитная военная мощь КНДР служит сдерживающей силой, которая предотвращает войну и защищает мир и стабильность на Корейском полуострове», – подчеркнули в Пхеньяне⁹.

Таким образом, можно ожидать, что КНДР продолжит начатую в 2006 г. линию на решение ЯПКП по индийскому образцу, настаивая на необходимости отказа США и других участников «шестисторонки» от двойных стандартов в области ядерного и ракетного нераспространения. Такая линия Пхеньяна была в значительной степени спровоцирована действиями самих США, в том числе их ядерной сделкой с Индией.

Вместе с тем настойчивые попытки выйти на прямой диалог с США (визиты в КНДР в 2009–2011 гг. бывших президентов США Дж. Картера и Б. Клинтона, губернатора штата Нью-Мехико Б. Ричардсона, ряд других шагов) свидетельствуют о том, что в основе линии КНДР остается курс на нормализацию межгосударственных отношений с США. Таким образом, руководство

КНДР рассчитывает если не полностью устранить, то существенно уменьшить угрозу режиму извне и получить доступ к средствам международных финансовых институтов, западным инвестициям, новым технологиям, рынкам. Только при этих условиях возможна экономическая модернизация страны.

Дипломатическое наступление, предпринятое Пхеньяном в начале 2011 г. с целью возобновления шестисторонних переговоров и межкорейского диалога, явно застало врасплох США и РК. В Вашингтоне и в Сеуле вынуждены придумывать различные предлоги, чтобы замаскировать свое нежелание договариваться с КНДР. Делается это путем выдвижения разного рода предварительных условий, заведомо не приемлемых для другой стороны. Практические действия США и РК свидетельствуют о том, что их цель — не достижение договоренностей, учитывающих интересы безопасности всех расположенных в регионе государств, а ликвидация КНДР тем или иным путем во имя реализации эгоистических глобальных и региональных амбиций.

¹ *Ткаченко В.П.* Корейский полуостров и интересы России. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 7–8.

² Text of the Korean War Armistice Agreement. July 27, 1953. <http://news.findlaw.com>

³ *Жебин А.З.* Своеобразная денуклеаризация // Независимая газета. Дип-курьер. 02.02.2009.

⁴ Obama's NSS: Promise and Pitfalls. The Council for Foreign Relations // The New York Times. 28.05.2010.

⁵ Regional architecture in Asia: Principles and Priorities. Remarks by Secretary of State Hillary; *Rodney Clinton*. January 12, 2010. Department of State. Office of Spokesman.

⁶ США планируют наращивать военное присутствие в АТР. www.newsinfo.ru 30.10.2010.

⁷ *Kim Hyun Wook.* Nuclear Posture Review And Its Implications on the Korean Peninsula. Center for U.S.–Korea Policy // Newsletter. May 2010. Vol. 2. No. 5.

⁸ *Goodby J.E., Gross D.* Strategic Patience Has become Strategic Passivity. December 22, 2010. <http://www.nautilus.org/publications/essays/napsnet/forum/strategic-patience-has-become-strategic-passivity>.

⁹ Foreign Ministry Spokesman Denounces US Military Attack on Libya. KCNA. 22.03.2011.

*А.В. Воронцов**

ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА НА ФОНЕ ОБОСТРЕНИЯ МЕЖКОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

С сожалением мы вынуждены констатировать, что ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП), так же, как ядерные программы КНДР, на фоне резкого обострения межкорейских отношений, имевшего место в 2010 г., развивалась сама по себе, причем достаточно интенсивно и беспрепятственно. А вот механизмы их урегулирования, замораживания и в перспективе ликвидации в рассматриваемый период практически полностью бездействовали. Это относится как к двусторонним форматам, так и, прежде всего, к главному международному инструменту, предназначенному для выполнения вышеуказанных целей — механизму шестисторонних переговоров по урегулированию ЯПКП в Пекине.

Невзирая на последовательные усилия китайской дипломатии, активно поддерживаемые Россией, которым к началу года удалось не только убедить КНДР вернуться в «шестерку», (а ведь эта цель, напомним, была главным официальным требованием в подходах всех участников пекинского процесса на протяжении 2009 г. и начала 2010 г.), но и разработать вполне реалистичный план трехфазного подготовительного этапа к началу нового официального раунда «шестерки»: прямая встреча представителей США и КНДР согласованного уровня, неофициальная встреча делегаций уже шести стран и, наконец, полноценные переговоры в шестистороннем формате.

Эти предложения Пекина «внимательно изучались» в столицах США, Японии и РК, хотя и неторопливо, но все-таки сдер-

* Институт востоковедения РАН, Москва.

жанно-положительное отношение к ним начинало прорисовываться. Однако все эти позитивные наработки рухнули в связи с резким разворотом курса Вашингтона и Сеула, поводом для чего стал трагический инцидент с потоплением южнокорейского фрегата «Чхонан» 26 марта 2010 г.

Достаточно напомнить, что если началом мини-Апокалипсиса 2010 г. стал трагический эпизод с кораблем ВМС РК, то его апофеозом можно считать артперестрелку примерно в том же районе спорных территориальных вод 23 ноября 2010 г., в результате которой в зоне огня оказался южнокорейский о. Енпхендо, расположенный на спорной северной разделительной линии в Желтом море. Это боестолкновение чуть было не переросло в крупномасштабный военный конфликт между Севером и Югом Кореи.

Тогда, как известно, Россия осудила КНДР за обстрел южнокорейского острова, повлекший за собой человеческие жертвы, и, вместе с тем, призвала Республику Корея воздержаться от каких-либо мер военного характера с тем, чтобы предотвратить дальнейшую эскалацию напряженности¹. Одновременно ко всем вовлеченным сторонам был обращен призыв «проявлять максимальную выдержку и сдержанность, не допускать шаги, которые могли бы спровоцировать дальнейшее обострение ситуации»².

Тем более своевременными, как первоначально казалось, стали январские мирные инициативы Пхеньяна, адресованные южнокорейцам в начале 2011 г., включая подтверждение готовности вернуться в «шестисторонние переговоры» в Пекине. Напомним, что уже 5 января в Пхеньяне совместное заседание представителей правительства, политических партий и общественных организаций КНДР приняло заявление с предложением провести консультации с партиями и организациями Южной Кореи, независимо от их политической ориентации, а главное — переговоры по линии официальных властей. Главной целью такого диалога объявлялось обсуждение и решение всех вопросов, связанных с «важными делами нации», включая разрядку напряженности, обеспечение мира, достижение примирения и налаживание сотрудничества. Для этого прежде всего призывалось прекратить пропагандистские нападки друг на друга и приложить активные усилия к нахождению точек соприкосновения в позициях сторон³.

Затем в развитие данных инициатив представитель Комитета по мирному объединению родины (КНДР) выступил с официальным предложением безотлагательно и без каких-либо предварительных условий начать межправительственные переговоры; провести консультации по линии обществ Красного Креста для возобновления туристического проекта в горах Кымгансан и переговоры по вопросам деятельности совместного технопарка в г. Кэсоне, включая возобновление работы ранее созданного Консультативного центра экономического сотрудничества между Севером и Югом. 10 января северяне направили соответствующие письма в адрес Министерства по делам объединения РК и других заинтересованных южнокорейских организаций с предложениями конкретных дат проведения двусторонних мероприятий. 12 января, после 8-месячного перерыва, вновь заработала линия «горячей связи», связывающая общества Красного Креста двух корейских государств⁴.

Однако быстро стало очевидным, что такая мирная активность северян застала Сеул врасплох, о чем свидетельствует противоречивая и невнятная реакция южан в первые дни. Вместо углубленного анализа северокорейских предложений и поиска в них рационального зерна южнокорейские власти занялись, в основном, отысканием причин, по которым предложения КНДР могли бы быть представлены не приемлемыми для Юга и отвергнуты.

Официальные лица Сеула выступили с серией заявлений и комментариев, ставивших под сомнение искренность целей и намерений Пхеньяна. По их мнению, новый демарш северян не выходит за рамки традиционной тактики руководства КНДР: сначала до предела взвинтить ситуацию, а затем столь же резко отыграть назад, демонстрируя показное миролюбие, дабы «размягнуть» противника и добиться от него уступок. По мнению официального Сеула, целями Пхеньяна, затеявшего «мирное наступление», являются получение экономической помощи от РК, внесение раскола в южнокорейское общество и создание предпосылок для плавной передачи власти в Северной Корее.

Но Сеул поначалу отвечал на это категорическим отказом. Однако в конце концов под влиянием «дружеских советов» из Вашингтона, особенно после американско-китайского саммита 20 января 2011 г., в совместном коммюнике по итогам которо-

го лидеры двух стран настойчиво призвали Северную и Южную Корею наладить конструктивный мирный диалог, администрация Ли Мен Бака оказалась вынужденной маневрировать. Это выразилось, в том числе, в появлении примирительных жестов в адрес Пхеньяна, заявлениях в духе того, что «военная конфронтация между Севером и Югом не вечна и надо вырабатывать мирное решение путем межкорейского диалога», а также в согласии с идеей организации военных контактов, выдвинутой Пхеньяном.

Тем не менее и сейчас многие наблюдатели приходят к заключению, что команда Ли Мен Бака продолжает «избегать искреннего диалога с Севером и преисполнена решимости дожидаться эвентуального коллапса северокорейского режима и “мирного демократического объединения”», для достижения которого Ли Мен Бака призывает работать с соседними странами — Китаем и Россией, а министр по делам объединения — с населением Северной Кореи с целью ускорить процесс объединения, имея в виду задачу обратиться их против режима Ким Чен Ира⁵. При этом аналитики подчеркивают, что «мало кто из специалистов верит, что такая стратегия сработает»⁶.

Накануне начала военных переговоров южнокорейская общественность оказалась расколота в отношении ответа на мирные инициативы КНДР, призывающей к возобновлению переговоров между представителями официальных властей без предварительных условий.

При этом необходимо подчеркнуть, что сам Пхеньян показал пример в этом отношении и де-факто снял с повестки дня свои еще недавние предварительные требования к согласию вернуться в «шестисторонние переговоры» — отмена санкций ООН, обещание США вступить в двустороннюю дискуссию по вопросу мирного договора.

Несмотря на это, консервативные сторонники Ли Мен Бака убеждали общественность, что последние предложения Севера как всегда несут в себе «коварные намерения» и нацелены на то, чтобы вызвать нестабильность в Южной Корее, обострить внутривнутриполитические споры и противоречия; вбить клин в отношения между РК и США; привлечь южнокорейские ресурсы для обеспечения своей важнейшей внутривнутриполитической цели — достойной встречи 100-летия со дня рождения Ким Ир Сена в 2012 г.; и т.д.

Их оппоненты из «прогрессивного» лагеря возражали: диалог снизит напряженность и предотвратит дальнейшее обострение ситуации на полуострове; «шестисторонние переговоры» могут возобновиться и вопреки обструкционистской позиции Сеула, что поставит его в положение аутсайдера в международных региональных отношениях; правительству Ли Мен Бака пора отказаться от враждебной политики, единственным результатом которой стало то, что межкорейские отношения оказались в самой низкой точке за последние 20 лет, и необходимо вернуться к политике «вовлечения» президентов Ро Дэ У, Ким Дэ Чжун и Но Му Хена.

Однако, к сожалению, как показали результаты «военных переговоров» в феврале 2011 г., в конечном итоге при формировании позиции Сеула возобладали доводы консерваторов, логика которых вкратце сводилась к тому, что Северная Корея за свое «плохое поведение» должна быть наказана, а не вознаграждена переговорами и экономической помощью. При этом их не смущает, что именно эту формулу дословно сделали своим девизом неоконсерваторы в команде Дж. Буша-мл. в первые годы его президентства и что основанный на ней подход США, в конце концов, полностью провалился.

Привлекает внимание и другое явное логическое противоречие в концептуальных разработках «новых правых» в Сеуле. Когда Пхеньян жестко, порой с использованием вооруженных сил, отвечает на «провокационные», с его точки зрения, действия Сеула, руководство РК пытается убедить весь мир в неискоренимости враждебности КНДР и необходимости новых военных усилий и маневров с тем, чтобы сдержать иррационального агрессора. Когда же Пхеньян меняет свой подход на 180° и выступает с серией мирных инициатив, эти же идеологи утверждают, что это-де есть проявление слабости КНДР, свидетельство того, что курс Сеула на усиление военно-политического давления и экономической изоляции Севера приносит свои плоды и, следовательно, его надо продолжать еще более энергично с тем, чтобы дожать Пхеньян окончательно.

Понятно, что за всеми вышеобозначенными особенностями концептуальных разработок и декларативной политики нынешней администрации РК находится так называемая «скрытая по-

вестка» — до сих пор незыблемый курс на «смену режима» в КНДР, в осуществимость которого, причем в скором будущем, идеологи официального Сеула упорно верят. Это, в частности, подтвердили материалы, опубликованные сайтом «Вики Ликс», касающиеся конфиденциальных переговоров высокопоставленных дипломатов РК и США⁷.

И никаким многочисленным экспертам и политикам как в самой Южной Корее, так и за рубежом, а главное — реальным фактам жизни пока не удастся убедить «лиц, принимающих решения» в Сеуле в том, что эта вера практически ничем убедительным не обоснована, иллюзорна, фактически иррациональна, а выстраивание на ее основе реальной политики — опасно.

8–9 февраля 2011 г. в пограничном местечке Пханмунджом, расположенном на 38-й параллели, состоялись консультации между представителями военных ведомств двух корейских государств на рабочем уровне. Их целью было согласование повестки дня, времени, места и уровня переговоров на высоком уровне, с предложением о проведении которых в конце января выступил Пхеньян.

Старт консультаций вселял определенные надежды, и после первого дня переговоров казалось, что все идет неплохо. Американские и южнокорейские СМИ, со ссылкой на представителей Министерства обороны РК, сообщали об «углубленной дискуссии», проходящей в «жаркой, но деловой, временами даже дружелюбной атмосфере»⁸. Однако уже 9-го числа, после непродолжительного обмена мнениями, консультации были прерваны, а северокорейская делегация демонстративно покинула зал переговоров и вернулась в Пхеньян, даже не предприняв попытку договориться о дате новой встречи⁹.

Представители официальных кругов РК характеризуют итоги встречи как «полный провал», отмечая, что участникам не удалось договориться ни по одному из обсуждавшихся вопросов, естественно упрекая во всем противную сторону. В сообщении представителя КНДР на военных переговорах, в свою очередь, вина возлагается исключительно на южнокорейцев. Представители КНДР мотивировали свой уход с переговоров тем, что «зацикленность» южан на предварительных условиях, стремление сделать вопросы о гибели корвета «Чхонан» и об артперестрелке центральными

пунктами переговоров военных на высоком уровне «эквивалентно отказу от проведения» самих этих переговоров¹⁰.

Очевидно, что главным камнем преткновения стал различный подход к вопросу об урегулировании инцидентов с загадочным потоплением «Чхонана» и с уже упоминавшейся артперестрелкой, в результате которых погибли южнокорейские граждане. В ходе переговоров южане упорно добивались от северокорейцев признания ответственности за обе эти трагедии, извинений, наказания виновных и твердых обещаний недопущения в будущем «провокаций» в качестве предварительного условия проведения диалога руководителей оборонных ведомств.

Северокорейцы поначалу заняли достаточно гибкую позицию, предлагая обсудить актуальные меры по снижению напряженности на Корейском полуострове, включая урегулирование спора о прохождении разграничительной линии между акваториями Севера и Юга в Желтом море, и в этом контексте — вопрос о произошедших инцидентах. Однако, поскольку представители РК упорно стояли на своем, главе делегации КНДР не оставалось иного выбора, как вновь озвучить известную позицию Пхеньяна, состоящую в том, что Север «абсолютно непричастен» к гибели военного корабля, а что касается обстрела южнокорейского острова, то эти действия были предприняты «в порядке самообороны» — в ответ на артиллерийский огонь с его берегов.

Анализируя ход переговоров, можно сделать вывод о том, что северокорейцы в принципе были готовы к компромиссам, а заявленная ими исходная позиция создавала основу для поиска развязок по вопросам, являющимся предметом острых споров между сторонами. Просчет, как и чрезмерная самоуверенность южан, состоял в том, что они вышли на консультации, основываясь на ложной предпосылке, что сам переход Севера к мирным инициативам есть проявление его слабости. Соответственно, на этой основе появились необоснованные ожидания того, что Северная Корея, испытывающая сейчас серьезные экономические трудности, и прежде всего недостаток продовольствия, может пойти на крупные уступки по важным для Сеула вопросам. Выдвигая заведомо не приемлемые для руководства КНДР предварительные условия, южане явно стремились воспользоваться сложным положением соседа для оказания на него дополнительного давления.

Такого рода расчеты себя не оправдали: демонстрируя определенную тактическую гибкость, Пхеньян вместе с тем показал, что не намерен сдавать свои позиции.

Палитра оценок, касающихся правомерности занятых сторонами подходов, наличия или отсутствия у них желания договариваться, традиционно богата. Ведь угол зрения у аналитиков, следящих за развитием корейских сюжетов, традиционно был и остается различным. Однако в итоге вполне ясно одно: благоприятный шанс для начала движения к разрядке в межкорейских отношениях был, к сожалению, упущен, а перспективы дальнейшей эволюции ситуации остаются неопределенными. В Сеуле, правда, постфактум заявляют о том, что «держат дверь для переговоров открытой», однако продемонстрированная южанами неуступчивость на данном этапе, похоже, подводит Пхеньян к убеждению о невысокой перспективности новых попыток контактов с администрацией Ли Мен Бака.

Северяне в ответ разослали письма в адрес четырех южнокорейских партий, включая правящую, с призывом начать диалог по линии политических партий и общественности, поскольку, мол, переговоры с «властями Южной Кореи» ни к чему позитивному не приводят. То есть высока вероятность того, что стороны вновь перейдут от попыток серьезных дискуссий на межгосударственном уровне к банальной пропагандистской полемике.

Вместе с тем вышеотмеченный шаг Пхеньяна — стремление выйти на прямой диалог с различными политическими силами Южной Кореи — может рассматриваться и как попытка оказания давления на правительство страны с целью сделать его более сговорчивым. То есть, по нашему мнению, было бы преждевременно ставить крест на перспективах межкорейского переговорного процесса. В конце концов, рассматриваемые консультации по военной линии были лишь первой попыткой диалога после вспышки острой конфронтации. Тут, возможно, уместно будет вспомнить известную поговорку «Первый блин всегда комом».

Поэтому сейчас, как представляется, более важно не «зацикливаться» на «делах печальных», а попытаться понять, существует ли в наступившем 2011 г. перспектива постепенного улучшения межкорейских отношений и, соответственно, возобновления

шестисторонних переговоров, создания иных форм контроля над ядерной деятельностью на Корейском п-ове или же ситуация будет продолжаться согласно опасному треку 2010 г.

Ближайшие события «традиционного» негативного трека со стороны Вашингтона—Сеула не заставили себя ждать. 28 февраля 2011 г. начались крупномасштабные двухактные военные учения с участием 200 тыс. южнокорейских и 13 тыс. американских военнослужащих, которые продолжались до 30 апреля. Накануне из Пхеньяна прозвучали традиционные жесткие угрозы, что он воспримет такие милитаристские игрища как акт войны и в ответ «превратит Сеул в море огня».

Вроде бы все внешне выглядело не менее грозно, чем в конце 2010 г. Но все-таки по-настоящему «войной в воздухе не запахло». Дело в том, что начавшиеся учения «Key Resolve» и «Foul Eagle» являются ежегодными, рутинными, непосредственно к северокорейской границе, особенно ее болевым точкам вроде бы приближаться не собираются. И со стороны КНДР реакция последовала, конечно, негативная, но выдержанная далеко не в самых угрожающих риторических формулировках, всего лишь типа «мы войны не желаем, но и не боимся ее»¹¹.

На наш взгляд, это может объясняться тем, что, с одной стороны, инерция негативизма прошлогодних событий продолжает действовать. Но, вместе с этим, на основе проведенного анализа и научной интуиции хочется надеяться, что стороны начинают понимать тупиковость лобового конфронтационного давления друг на друга и обдумывать альтернативные варианты в рамках второго классического трека взаимоотношений — переговорного («давление и переговоры»). Возможно, пока они готовят запасные переговорные позиции, в рамках которых, в случае начала их реализации (конечно, после завершения нынешних маневров), неизбежно возобновится и ядерная повестка дня в форме возврата к шестисторонним переговорам или в каких-либо иных форматах.

При этом, несомненно, печальный опыт 2010 г. убедительно продемонстрировал, что одной из главных причин произошедших трагических событий и тупика самого корейского урегулирования на данном этапе стали национальные эгоизм и недалекость обеих корейских сторон. Данный факт со всей очевидностью свидетельствует о том, что выход из корейского тупика

и кризиса следует искать при более активной роли и вовлеченности заинтересованных стран, включая Россию, чья безопасность также поставлена под угрозу.

¹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с произошедшей 23 ноября артиллерийской перестрелкой между КНДР и Республикой Корея. 23 ноября 2010 г. www.mid.ru

² Заявление МИД России. 17 декабря 2010 г. www.mid.ru

³ Совместное заявление правительства, политических партий и общественных организаций КНДР, «Нэнара» // Заявления и комментарии. 06.01.2011. <http://175.45.176.14/ru>

⁴ Заявление представителя Комитета по мирному объединению Родины. 09.01.2011. <http://175.45.176.14/ru>

⁵ *Tong Kim*. Time to Shift from Tension to Talks. January 27, 2010. <http://www.nautilus.org/publications/essays/napsnet/forum/11-004%20Tong>

⁶ Ibid.

⁷ The Guardian. November 29, 2010. Reporting on WikiLeaks Cables.

⁸ CNN Wire Staff. February 8, 2011. Updated 1238 GMT (2038 НКТ). www.cnn.com

⁹ РИА Новости. 10.02.2011.

¹⁰ CNN, Jiyeon Lee. February 9, 2011. Updated 0909 GMT (1709 НКТ). www.cnn.com

¹¹ Военное сумасбродство, разрушающее диалог и мир // Нодон синмун, 01.03.2011.

*К. В. Асмолов **

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: УГРОЗЫ РЕАЛЬНЫЕ И МНИМЫЕ

Корейский полуостров часто и в целом закономерно рассматривается как источник разнообразных стратегических угроз, но уровень ажиотажа той или иной угрозы далеко не всегда соответствует истине ее опасности и тому стратегическому риску, который с ней связан. Данный доклад — это попытка проанализировать вероятность основных угроз и сгруппировать их по степени реалистичности.

УГРОЗЫ, ОТКРОВЕННО МНИМЫЕ

▪ **Террористическая угроза как с точки зрения проникновения на Корейский п-ов представителей внешних террористических структур, так и действий КНДР.**

Хотя даже экс-министр иностранных дел Хон Сун Ен, выступая в Дипломатической академии МИД России с публичной лекцией о внешней политике РК на современном этапе, поставил терроризм на 1-е место, реальная угроза Республике Корея и ее гражданам со стороны международного терроризма крайне низка. Во-первых, террористические организации практически не включали РК в список потенциальных целей. Во-вторых, создание там террористической сети или проникновение туда группы экстремистов сопряжено с массой трудностей с точки зрения их внешней заметности и потенциальной базы контактов. В-третьих, сегодня терроризм не является элементом корейской политической культуры: даже решительно настроенные студенческие радикалы предпочитали в знак протеста покончить с собой, а не совершать политические убийства.

Некоторый шанс «появления южнокорейского филиала Аль-Каиды связан с гипотетическим развитием событий, когда из-за

* Институт Дальнего Востока РАН, Москва.

демографической ситуации в РК и особенностей рынка труда доля иммигрантов там существенно возрастет, в том числе — из мусульманских стран. Это может вызвать определенное социальное напряжение, так как корейцы привыкли воспринимать свою страну как монокультурную и моноэтническую. Это может привести к росту давления на иммигрантов со стороны местных властей и националистических организаций, отчего какая-то часть приезжих станет более восприимчивой к террористическим агитаторам.

Другой вариант появления внутри Кореи террористической активности связан с ситуацией, когда, в случае поглощения Севера Югом в результате сопротивления «остатков пхеньянского режима» или, что более вероятно, высокого социального напряжения в отношениях между северянами и южанами, в стране появятся террористические организации «левого толка». Однако в свете малой вероятности подобного внезапного объединения такая угроза тем более относится к разряду гипотетических.

Конечно, КНДР достаточно часто пытаются «привязать» к международному терроризму или обвинить в таковом, однако делается это в основном за счет «расширения» понятия «терроризм», выходящего за рамки его традиционного определения. Так, муссируемая тема «северокорейской киберугрозы», судя по описанию типов атак и нанесенного вреда, является попыткой оправдать разгильдяйство соответствующих структур РК.

Насколько в нынешней ситуации Пхеньяну резонно использовать террористические (точнее, диверсионные) методы? На взгляд автора, против этого говорят минимум две причины. Во-первых, вне зависимости от того, кто проведет теракт на территории РК, общественное мнение или определенная его часть выставит КНДР в числе «главных подозреваемых», даже если Пхеньян будет к этому абсолютно не причастен.

Во-вторых, для того чтобы осуществлять не разовые миссии категории «перешли границу — взорвали объект — ушли обратно», а вести планомерную «городскую войну», требуется хорошее знание местных реалий, чего у северокорейских спецназовцев нет. К тому же для успешного функционирования террористического подполья в обществе требуется определенный уровень «инфраструктуры поддержки» среди местных левых, каковая на данный момент в РК отсутствует.

▪ **Ядерная и ракетная программы Северной Кореи.** К ядерной программе КНДР есть целый ряд вопросов, связанных с наличием достаточного количества расщепляющихся материалов. Однако даже если мы возьмем самые оптимистичные прогнозы, согласно которым у Северной Кореи есть 8–10 ядерных взрывных устройств, пока это именно ядерные взрывные устройства, а не бомбы или боеголовки, пригодные для эффективного использования на современной войне.

Ракетная программа КНДР вряд ли может быть названа «динамично развивающейся». 3 неудачных пуска за 11 лет говорят скорее об обратном, ибо для того, чтобы говорить об успешных испытаниях ракеты, требуется 10–12 удачно прошедших испытаний.

На данный момент у КНДР нет ни малогабаритных ядерных устройств, ни ракет-носителей, способных поднять большое ядерное устройство и донести его на нужное расстояние. Не отработано и введение в атмосферу ядерных боевых частей (БЧ). Есть только не пригодные¹ для нормального боевого дежурства и ненадежные единичные носители без подходящих к ним ядерных БЧ.

▪ **Северная Корея как источник ядерного оружия или ядерных технологий для третьих стран.** Вероятность такого развития событий также невелика по целому комплексу причин. Во-первых, современный уровень информатизации общества делает «ядерные секреты» пропагандистским мифом. При наличии достаточных ресурсов атомную бомбу образца 1950–1960-х годов можно вполне собрать, опираясь на открытые источники (как это сделали северяне, собрав реактор в Ненбене), а не воруя чьи-то технологии.

Во-вторых, прикованное к КНДР внимание практически исключает возможность тайного вывоза из КНДР даже обычных вооружений. В первую очередь, это связано с тем, что в таком мониторинге серьезно заинтересован Китай, обладающий как рычагами влияния на пхеньянское руководство, так и возможностями для более пристального выяснения ситуации в этой сфере.

¹ «Не пригодные» в данном контексте означает, что ракеты не могут храниться в боеготовом состоянии, успешность запуска критично зависит от погоды, а время на подготовку запуска таково, что ракета не пригодна для современной войны: пока ее будут готовить к старту, ракету заметят и уничтожат раньше, чем она взлетит.

Да, в Северной Корее есть прослойка специалистов достаточного уровня, теоретически способных «собрать бомбу на заказ». Однако пока они заняты делом, и целый комплекс моральных и материальных мотиваций удерживает их от работы «на чужого дядю». Но если Северная Корея прекратит свое существование, эти люди утратят свой привилегированный статус и могут стать жертвами «охоты на ведьм». Рациональным выходом для них в такой ситуации будет бегство за рубеж и поиск спонсора. Но, как и в случае с левым терроризмом в объединенной Корее, эта угроза — гипотетическая.

▪ **Северная Корея — инициатор конфликта на полуострове.** Крайне малая вероятность инициированной КНДР «второй корейской войны» связана с тем, что сторона, начинающая войну, обычно делает это, предполагая, что у нее есть шанс в этой войне победить. Рассмотрим подобные шансы в гипотетическом противостоянии Севера и Юга.

Для начала посчитаем потенциал сторон: если КНДР может довести численность своей миллионной армии максимум до 2 млн, Юг в состоянии выставить в 2 раза больше только за счет ресурсов населения. А его собственная армия мирного времени составляет примерно 650–670 тыс. человек.

Военный бюджет РК превосходит бюджет Севера в 23–26 раз, что говорит как минимум о серьезном превосходстве в технической сфере, где КНДР отстает на одно-два поколения, так как основная масса ее военной техники — образца 1970-х годов. Не говоря уже о серьезных последствиях деиндустриализации, связанных с отсутствием топлива и запасных частей.

Добавим общее стратегическое преимущество в виде полного господства противников Пхеньяна в воздухе и на море, так как в случае конфликта Северу придется иметь дело не только с Югом, а как минимум с союзом РК и США.

Все это говорит о том, что при нападении на Юг у Севера нет шансов на достижение военного успеха даже в случае удачного первого удара. Применение ядерного оружия тоже не переломит ход войны, ибо его использование не позволяет решить ни одной стратегической задачи. Зато, если Пхеньян схватится за ядерную дубинку, международное сообщество оправдает любые ответные меры за нарушение табу.

▪ **Цветная революция или массовые беспорядки в Северной Корее.** Признаков «революционной ситуации» в КНДР на данный момент нет. Северокорейская элита сплочена вокруг Ким Чен Ира, понимая, что ее существование обеспечивается существованием вождя и его благополучие — это ее благополучие, тем более что в данном случае речь идет не только о высшей номенклатуре, но и о среднем классе, включая ИТР и младший офицерский состав.

А та часть «интеллектуальной субэлиты», которая в России была основным источником кадров для диссидентского движения, в Северной Корее или является частью номенклатуры, работая в ВПК и находясь под жестким контролем, или озабочена исключительно собственным выживанием. Кроме того, у нее нет возможности официально транслировать свою точку зрения, которой обладали диссиденты в СССР при Горбачёве.

Что же касается перспектив «народного бунта», то хочется отметить, что в 1995–1996 гг. положение народа было гораздо более тяжелым, но раз не восстали тогда, не восстанут и сейчас. Какой-то процент недовольных по политическим мотивам есть в любой стране, но это не означает готовности этих людей бороться с режимом с оружием в руках.

МАЛОВЕРОЯТНЫЕ УГРОЗЫ

К угрозам маловероятным, возможным только в результате стечения определенных обстоятельств, можно отнести:

▪ **Уход Ким Чен Ира с политической сцены из-за смерти или болезни и связанный с этим период определенной нестабильности.**

Даже если тот, кто придет ему на смену, не уступит Ким Чен Иру интеллектом и волей, ему придется довольно долго «принимать дела». При этом так же, как Северная Корея сама испытывала на прочность каждого нового южнокорейского главу государства, проверяя, насколько его дела соответствуют словам, Юг также реагирует на смену власти на Севере усилением давления.

Учтем и то, что Пхеньяну все сложнее поддерживать курс на политическую независимость и обеспечивать себя продовольственной помощью. Необычно холодная зима 2010–2011 гг. также внесла свой вклад, дав толчок новому витку разговоров о возможном голоде.

Помимо этого надо помнить, что в руководстве Северной

Кореи существует группа, поведение которой весьма важно при анализе будущего кризиса, — это «партизанская гвардия», чья мораль напоминает мораль советских блокадников, а выбор возможных действий в критической ситуации ограничен синдромом «огненного кольца».

Проблема в том, что пожилой возраст и связанная с ним косность мышления и поведения накладываются на особенности кадрового отбора системы. Помимо слабого физического здоровья очень большую роль играет инерция мышления. Не понятно, насколько они способны адекватно реагировать на вызовы современности и недооценивать современные технологии, в том числе социальные. Они — хорошие исполнители, но думает за них Ким Чен Ир. И когда думать будет некому, они вполне могут начать выдавать неверные тактические и стратегические решения. Как минимум, легко купившись на провокацию противоположной стороны.

▪ **Силовое решение «северокорейской проблемы»** в результате провокации, стратегической дезинформации или под влиянием иного варианта «воронки событий», при которой Вашингтон вынужденно дает Сеулу «добро» на смену режима на Севере.

Причин тут несколько, но основная — правоконсервативный курс власти РК, чья внешняя политика оказалась в руках «палеоконсерваторов», по-прежнему живущих штампами холодной войны и воспринимающих правление Ли Мен Бака как свой последний шанс объединить нацию любой ценой и не стесняясь в средствах. Важно также, что, пропагандируя тезис о том, что пхеньянский режим слаб и вот-вот развалится, похоже, они сами свято уверовали в него, и их стратегия строится на неверных посылах.

Хотя эту фракцию нельзя назвать в целом доминирующей, обострение отношений между РК и КНДР «льет воду на их мельницу», и их стратегия сводится к тому, чтобы спровоцировать такое развитие событий, при котором РК и ее союзники были бы вынуждены перейти к силовым действиям. Расчет строится на том, что после нескольких инцидентов, которые будут поданы как провокация или акт агрессии со стороны Севера, сеульская администрация не сможет не принять ответные меры из-за риска развития внутривосточного кризиса. А необходимое разрешение США можно будет получить, убедив Вашингтон в том, что прав-

ление Кима доживает последние дни и серьезного сопротивления не будет.

Вторая причина связана с некоторым изменением позиции южнокорейских военных, особенно их среднего эшелона, который вырос и воспитывался в ситуации, когда по военной мощи Юг уже превосходил Север: по мере того как Северная Корея все более кажется «бумажным тигром», ощущение опасности военной угрозы размывается.

Однако южнокорейское общество слишком расколото, чтобы можно было идти на открытые провокации. Кроме того, в данный момент действия «ястребов» вряд ли встретят понимание в Вашингтоне. Судя по всему, осознав, что, с одной стороны, исходящая от КНДР угроза меньше, чем кажется, а с другой — что ликвидация ядерной программы Пхеньяна без форс-мажора не возможна, Вашингтон не намерен излишне вкладываться в эту проблему.

Неблагоприятна для инициирования конфликта и общая геополитическая ситуация: Ближний Восток более выгоден с точки зрения соотношения выгоды и рисков, а современные проблемы Японии как минимум снижают ее значение как тыловой базы для вероятного вторжения.

▪ **Резкое усиление китайского давления на Пхеньян** с тем, чтобы он отказался от существующего курса и проводил бы политику сателлита КНР, вплоть до денуклеаризации в обмен на китайские гарантии.

Сегодня в КНР входит во власть новое поколение, имеющее с Пхеньяном меньше традиционных связей и более прагматически настроенное. Китаю не очень улыбается «нести чемодан без ручки», и если бы Северная Корея вела себя более сдержанно, это устроило бы его больше. Плюрализм точек зрения в китайском экспертном сообществе достаточно высок, но пока статус-кво с его плюсами и минусами воспринимается как приемлемая цена. У Китая хватает рычагов воздействия на Пхеньян. Усиление давления возможно только в той гипотетической ситуации, при которой либо Северная Корея начинает слишком сильно игнорировать китайские интересы, либо после ухода Ким Чен Ира Пекин будет пытаться воздействовать на новое руководство страны сильнее, чем раньше.

▪ **Ядерная программа КНДР как повод для расширения ядерного клуба.** Собственно угроза здесь скорее заключается в том, что «Северная Корея подает плохой пример остальным» и неурегулированность ядерной проблемы повышает шансы сползания мира к иной модели миропорядка, построенной на «вооруженном ядерном нейтралитете», при котором число стран – членов ядерного клуба резко увеличивается. Северокорейская ядерная угроза уже начала использоваться как оправдание попыток Токио и Сеула завести собственную ядерную программу, притом что при наличии политической воли создание ядерного оружия в этих странах много времени не займет.

Однако потенциальное урегулирование этой проблемы в СВА связано не столько с «упрямством» КНДР, сколько с тем, что в настоящее время международное право находится в состоянии серьезного кризиса, и наличие ядерного оружия является безальтернативной гарантией безопасности, так как любая экономическая помощь может быть прекращена, а любой договор, подписанный предыдущей властью, де-юре или де-факто аннулирован новой. Под данным углом зрения стоит обратить внимание на судьбу договоренностей, достигнутых на саммите руководителей Севера и Юга в 2007 г.

Кроме того, корейский фактор здесь – лишь один из нескольких, и проблема связана не только с КНДР, но и с иными странами, чей ядерный потенциал куда выше. Возможно, именно поэтому в США наблюдается определенная переориентация: вместо того, чтобы заставить разоружиться КНДР, проще укротить ядерные амбиции Ирана, где бомба еще не создана.

ВЕРОЯТНЫЕ УГРОЗЫ

Наконец, перейдем к тем угрозам, которые не очень колеблют региональную ситуацию, но обладают существенной вероятностью в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

▪ **Периодические инциденты** на демилитаризованной зоне (ДМЗ) или в районе северной разделительной (морской) линии. Вне зависимости от реальной подоплеку событий Север и Юг будут обвинять друг друга в провокации, а их союзники – в той или иной мере поддерживать данную точку зрения в силу политической конъюнктуры.

К сожалению, по опыту инцидента с корветом «Чхонан», автор вынужден констатировать, что после определенного уровня эскалации ситуации вокруг подобной истории ее реальный виновник становится интересным только историкам, а не политикам. И даже если через какое-то время правда всплывет, она не сможет «отмотать время назад» и нейтрализовать последствия, которые будут вызваны тем, что «виноватого назначат».

▪ **Неурожай в результате тяжелых природных условий** либо иные факторы, резко снижающие продовольственную безопасность КНДР и создающие угрозу того, что предоставление необходимой помощи может быть сопряжено с выставлением дополнительных условий. В настоящее время такой кризис может быть косвенно связан с событиями в Японии, которая может стать основным объектом международной помощи, если проблемы с аварией на ядерном реакторе потребуют создания зоны отчуждения по образцу Чернобыля.

Следует учесть, что Северная Корея испытывает хронический дефицит продовольствия и ее внутренние резервы постепенно истощаются. В среднесрочной перспективе это ставит перед Пхеньяном комплекс задач, главная из которых – изменение его международного статуса при сохранении правящего режима.

▪ **Северокорейская реакция на враждебное окружение**, сводящаяся к очередной попытке «поднять ставки» за счет новых ракетных пусков или даже третьего ядерного испытания.

Несмотря на разговоры о непредсказуемости Пхеньяна, спектр его возможных ответов на внешние вызовы достаточно ограничен. Особенно с учетом того, что если та или иная тактика показала себя работающей, от нее трудно отказаться.

Вторжение Запада в Ливию также может оказаться фактором, под влиянием которого Пхеньян может счесть необходимым дополнительно «показать зубы».

▪ **Обострение в результате «технического сбоя».** Данная угроза представляется автору, возможно, наиболее серьезной, но наименее ощутимой, так как конфликт в этом случае разгорается не вследствие чьей-то злой воли, а вследствие случайности.

Дело в том, что особенности современного развития военных дел повышают шанс возникновения ситуации, когда решение приходится принимать на основании неполной информации и

в условиях ограниченного времени, когда промедление слишком рискованно и опасно. Иными словами, если на другой стороне видны подозрительные действия, которые можно интерпретировать как подготовку вражеской атаки, выгоднее стрелять первым.

В условиях напряженности, которая сегодня нагнетается не только с Севера, но и с Юга, риск того, что случайности или совпадения будут интерпретированы «однозначно», возрастает, тем более что такая ситуация взаимной демонизации повышает и вероятность «психологического» сбоя, когда из-за нервного напряжения и под гнетом ответственности у кого-то могут банально сдать нервы.

В итоге, те угрозы, о которых «больше всего кричат», обладают наименьшим уровнем стратегической опасности. Это особенно касается угроз, приписываемых КНДР, отражающих стремление определенных политически ангажированных кругов выставить пхеньянский режим чуть ли не главной угрозой человечеству.

Гораздо большим источником стратегических рисков являются угрозы с общими особенностями текущей международной обстановки, которые, заметим, теоретически куда лучше поддаются корректировке.

*В.Н. Дмитриева **

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА РК

На историческом пути человечества развивается интенсивная познавательная деятельность, с огромной силой проявилось стремление человека осмыслить окружающий мир и самого себя в этом мире. Осмысление принимало разные формы. История осмысления человеком познавательной деятельности всегда была обращена и на его общественную жизнь.

Академик Н.И. Конрад подчеркивал важность востоковедения. «Исключительно важный новый материал, относящийся как к современной жизни, так и к прошлому, дает нам Восток... Все более и более раскрывающаяся перед нами история народов Востока, прошлая и современная, так многообразна и сложна, что никакая теория заранее предусмотреть ее не может, а должна сама пополняться положениями, выведенными из изучения нового материала...

Понять письменное произведение Востока – значит прежде всего понять не только письмо и язык, но знать их исторически, особенности формы и содержание произведения, где в письменном выражении воплощен определенный замысел и воплощен именно так, как того требует замысел. Содержание всегда бывает историчным, поэтому исследователь должен знать историю создания изучаемого произведения, понять его мотивы, внешние факторы, оказавшие влияние на творчество автора конкретного произведения»¹.

Вполне вероятно, что восприятие другой национальной культуры, осмысление ее специфики лежит в плоскости «эгоцентрической» теории языкового употребления, центральное положение которой заключается в том, что представитель дру-

* МГИМО (У) МИД России, Москва.

гой культуры все соотносит со своей точкой зрения. В естественном языке значение (смысл) заключено в интерпретации мира другим человеком, значение субъективно, оно антропоцентрично и отражает преобладающие культурные ценности и специфичные для данной культуры способы социального взаимодействия.

Каждый язык эквивалентен определенной системе специфического видения и понимания мира у данной нации, и у народа создается «своя» точка зрения на реальную действительность. Концептуальная картина мира сложнее и богаче языковой картины мира. Это объясняется тем, что она создается разными типами мышления. Важной составляющей концептуальной картины мира является психологическое и национально-культурное многообразие народов нашей планеты.

Мировосприятие и мироощущение окружающей действительности людей разных культур складывалось по-разному в зависимости от реальных условий проживания, этнических традиций, религии, а также — от сложившихся в обществе ценностей.

Знакомство с любой культурой, ее изучение всегда будет неполным и даже в некоторой степени поверхностным, если исследователь, проявивший внимание к какой-либо национальной культуре, не обратит его на основополагающий компонент, а именно — склад мышления другой нации, национальную логику восприятия мира и его оценки. В такой ситуации люди наталкиваются на предел понимания, но об этом часто не подозревают. Чтобы добиться взаимного понимания, необходимо учесть, что представитель определенного народа, определенной национальной культуры воспринимает мир иначе, чем его собеседник — представитель другой культуры².

Великий немецкий ученый XIX в., языковед, философ и основоположник философии языка как самостоятельной дисциплины В. Гумбольдт в работе «О различии строения иностранных языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» (1839 г.) выдвинул тезис о языке как «формирующем органе мысли», выражающем индивидуальное мирозерцание народа и, тем самым, определяющем все духовное отношение человека к миру. В. Гумбольдт ввел в научную сферу термин «дух языка»³. Это понятие зафиксировано и современном корейском языке в двух ва-

риантах: *кугоый чоньсин*, *кугоый чинсу* — «дух, душа, ум языка» и «существо; сущность языка».

В XX в. в РК часто использовалось понятие «дух времени» — *сидэ чоньсин*. В корейском языке термин «прагматизм» обозначается словом *ильёнчжуый*, *ильёнч* — «практичность», «практический».

Среди лингвистов существует мнение о том, что познание не имеет объективного общечеловеческого характера, некоторые явления складываются в различные картины, обусловленные разным мышлением и восприятием. Успешное развитие страны способствует тому, что менталитет народа проникается жизнеутверждающим духом. В 1952 г. в США появился термин «позитивное мышление», предполагающее оптимистический настрой⁴.

Картина человеческих отношений — это часть картины мира, она национально окрашена, поскольку для каждой нации характерны свои устойчивые выражения, общепринятые в разных группах общества. Своеобразие социальных языковых стереотипов закреплено в правилах (образцах) речевого этикета.

Каждая нация обладает специфическим видением и пониманием мира, поэтому национальный язык, будучи особой и очень важной частью культуры, влияет на специфику концептуальной картины мира, которая создается разными типами мышления, национальной логикой восприятия мира и его оценки. Латинское слово «conceptus» («мысль», «понятие») в философии используется в качестве термина для обозначения научных направлений в решении проблемы универсалий, занимающих промежуточное место между реализмом и номинализмом. Классическим примером концептуалистского решения этой проблемы считается теория универсалий П. Абеляра⁵, согласно которой «общие понятия не являются ни реальностями, ни простым словесным обозначением, а заключены в значении слова и представляют собой мысленное содержание, относимое к множеству отдельных вещей на основании имеющегося сходства или совпадения между ними. Универсалии существуют в качестве «концептов» в уме познающего как результат абстрагирования сходных свойств в форме понятий.

В последние годы в научные исследования вошло понятие «международный имидж», но содержание и смысл этого понятия имеют различные интерпретации⁶.

Имидж — это образ страны, народа или знаменитой личности. Имидж обычно создается для определенной цели и рассчитывается на определенную аудиторию. Один — для «внутреннего употребления», и другой — для всего мира. Имиджи могут изменяться в зависимости от перемен в международных отношениях.

Международный имидж может включать комплекс характеристик страны, народа или какой-либо известной личности⁷. Поэтому у одной страны, одного народа или известной личности могут быть использованы как позитивные, так и негативные характеристики, иногда могут возникнуть противоположные имиджи. Имидж может возникнуть спонтанно, особенно при первом знакомстве со страной, ее народом и пр. Имидж иностранного туриста может отличаться от имиджа иностранного специалиста, временно проживающего в какой-либо стране.

«Образ» кого-либо или чего-либо «складывается» или «формируется». В первом случае — это имманентный процесс в результате знакомства, познания чего-либо, а во втором — это чаще целенаправленная деятельность с определенной целью. Иностранное слово «image» со значением «представлять себе» имеет и другое значение — «изображать», в современном русском языке часто соотносится со словом «образ». Но вряд ли «образ» и «имидж» можно считать синонимами. Если «образ» чего-либо (города, страны) обычно складывается индивидуально в результате непосредственного знакомства или благодаря фотографиям, описанию, художественным текстам, то фактически в восприятии часто возникают разные картины действительности, каждый человек смотрит на новые для него объекты и события по-разному, запоминает разные эпизоды, разные особенности, оставившие позитивный или негативный след в его памяти. Иногда, как в мозаике, индивидуальные представления при обсуждении, обмене мнениями складываются в определенную картину. И если такого рода «картины» появляются в печатных изданиях, то может сложиться тот или иной образ (города, страны и т.д.).

А другой путь — целенаправленное создание определенной картины.

Специфическим творчеством в этой области является создание разного рода мифов о странах и их жителях в далекие эпохи, которые тоже используются для конкретных целей на междуна-

родной арене. Мифы бывают положительные или отрицательные, кроме того создаются и «черные мифы».

Автор серии книг «Мифы о России»⁸ В.Р. Мединский считает: «Люди склонны думать о себе хорошо. Обычно даже лучше, чем они есть на самом деле. Это относится и к целым народам, всегда старающимся сформировать о себе самое положительное мнение. Но только не к русским, с удивительным мазохизмом культивирующим о себе самые негативные стереотипы... Откуда это пошло? Сами про себя придумали, или подсказал кто? Есть ли у этих утверждений историческая основа и какая? А как с теми же проблемами обстоит дело в “цивилизованных” Европе и Америке? Идеологическое нашествие Запада бывает намного опаснее нашествия военного... Эти мифы и есть идеологическая мина на пути в любое цивилизованное будущее»⁹.

Формирование международного имиджа начинается с подготовительного этапа, когда в процессе его конструирования осуществляется особый род деятельности: PR-индустрия, новые структуры и институты специально разрабатывают формирование особой специфики целенаправленного имиджа «для мира». Консультанты инновационного «создают» стиль позиционирования необходимых качеств страны или конкретной личности.

Далее настает этап позиционирования «международного» имиджа: в печати, в радиопередачах, на выставках, в литературных произведениях и т.д.

В Республике Корея разработаны проекты: «Создание международной сети информации о Корее и обучения корееведению», «Улучшение имиджа страны через исправление допущенных ошибок в учебной литературе», «Разработка и популяризация материалов о Корее для иностранцев».

Репрезентация имиджа осуществляется через каналы средств массовой информации: информационные агентства, телевидение, радиовещание, журналы и газеты на иностранных языках. Наиболее часто при этом в РК задействуют такие СМИ, как газеты «Корея Таймс», «Корея Геральд», «Чунан Ильбо», телерадиокомпания Ариран ТВ, Кей-Би-Эс¹⁰.

С помощью Корейского фонда в РК в 1993 г. Корейская служба информации для зарубежных стран издала фундаментальный труд «Корея, справочник» (664 с.). Эту книгу можно назвать энциклопедией

дией корейской истории, национальной культуры, развития экономики, науки и техники, развития международных отношений¹¹.

В раздел «Международные отношения» включена статья «Новая дипломатия», в которой перечислены 5 основных направлений: глобализация, разносторонность, многосторонность, региональное сотрудничество и ориентация на будущее.

На реализацию программы «ре-брендинга» РК, т.е. создание нового имиджа Южной Кореи в мире, выделяется около 3% ВВП страны.

Продвижение корейских товаров (или экономической деятельности) сопровождается культурной деятельностью: демонстрация корейских фильмов, рекламирование культурных традиций, продвижение корейского языка.

По словам Г.Д. Толорая, успех внешнеэкономической деятельности РК сопряжен с культурной деятельностью. Это особенно наглядно проявляется в республиках Средней Азии¹².

Известно, что школа не только учит грамоте, наукам, но и формирует душу человека, его мировоззрение.

В РК придается большое значение системе школьного образования, воспитанию нового поколения в духе традиционных национальных ценностей и бережного отношения к национальным традициям.

Глобализация в современном мире воспринимается по-разному. Ясно одно: мир становится более жестким, на всех участках главенствует принцип выгоды, который обычно называют прагматизмом. Выживание в новых условиях — главное направление внешней политики многих стран. Нормой мировой политики стала борьба партнеров за высокий рейтинг, а культурные различия стран игнорируются. Некоторые аналитики называют этот период эрой свободного маневра, другие — эпохой прагматизма, эпохой «реактивной» политики.

Глобализация корейской культуры проводится более 15 лет. Особенно большой вклад в эту деятельность вносят Департамент политики культуры при Министерстве культуры и туризма РК, Национальная академия корейского языка.

Отвечая на вызовы глобализации, Академия выпустила в свет в 2002 г. фундаментальный труд, посвященный этнической культуре Кореи. Книгу можно назвать энциклопедией этничес-

кой культуры корейской нации. Она делится на 7 разделов: питание, одежда, жилище, обряды и традиции, народные верования и мифы, развлечения и музыкальные инструменты, символы Кореи. В ней на 479 страницах помещены 474 словарные статьи с фотографиями и рисунками.

«Путеводитель по нашей культуре» представляет 233 элемента традиционной культуры, которые обязательно должен знать каждый кореец. Число 233 отнюдь не случайно, оно соотносится с символической для корейцев «исторической» датой — 2333 г. до н.э., которая в сознании каждого корейца ассоциируется с мифом о древнем корейском государстве Чосон и его правителе Тангуне.

В предисловии говорится о том, что в быстро меняющемся мире современный человек утрачивает свою идентичность и испытывает чувство растерянности. Чтобы преодолеть такой дискомфорт, многие граждане страны проявляют интерес к культурному наследию своих предков. Если XX век называли веком науки, то XXI век — веком культуры. Ценность национальной культуры будет расти. «Волны больших перемен, которые называют “волнами информатики” и глобализации, могут стать прекрасным шансом для широкого распространения корейской культуры», — утверждается в этой работе.

В 1987 г. Корейский фонд начал издавать ежеквартальный журнал «Koreana» (корейское искусство и культура) на русском и других языках. Каждый выпуск журнала начинается со статьи, открывающей «окно» в традиционную культуру корейского народа. Например, во 2-м номере журнала за 2007 г. статья «Страна дольменов» знакомит читателя с самыми сокровенными тайнами дольменов Восточной Азии.

В каждом номере журнала под рубрикой «Корея в зеркале моей души» печатается статья о впечатлениях иностранцев. Российский кореевед, преподаватель ДВГУ В.Н. Кожемяко начал статью с цитаты из произведения А.С. Пушкина: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу. Климат, образ жизни, вера дают каждому народу особенную физиономию...». Он делится впечатлениями о Корее, «образ которой не меняется столетиями, а может быть, — и тысячелетиями, но которая остается не менее таинственной и загадочной»¹³.

В статье «Доктор Раймонд Ройер. Голубоглазый Доктор корейской традиционной медицины» рассказывается о враче, который живет в Корее 19 лет, свободно говорит по-корейски и обладает истинно корейским чувством юмора. Многие иностранцы из разных стран лечатся у врача из Австрии.

Для создания положительного имиджа над текстом статей трудятся опытные филологи, которые не скупятся на восторженные оценки Кореи: «Идеальное место, где прогрессивные талантливые женщины могут проявить себя»¹⁴.

Почти в каждом номере журнала «Koreana» в разделе «Открывая Корею» есть статья об ученых или выдающихся личностях, поменявших свое гражданство¹⁵. В статье «Владимир Савельев: российский ученый мирового масштаба, ставший гражданином Кореи. Новый гражданин Республики Корея» утверждается, что буддизм помог ему стать ближе к истине... — обеспечить свою новую родину самой передовой в мире технологией».

Просматривая журналы «Koreana», останавливаясь на необычных заголовках статей, привлекающих внимание читателя. Например: «Корея — это подарок судьбы на моем жизненном пути»¹⁶ (раздел «Открывая Корею»). Корейцы часто спрашивают иностранцев: «Как вы оказались в Корее?» Дается ответ: «Причина — в языке и культуре», — и указывается на особенности корейского народа: «Удивляет и остается неизменным — это динамизм и спонтанность корейского общества, те черты, которые я открыл для себя давным-давно. Эти черты характера корейцев»¹⁷. Для автора статьи «Корея — это новый мир» каждый день приносит новые знания и опыт, они продолжают очаровывать: «Каждый день дарит сюрпризы и будоражит ум... Сеул, который излучает привлекательность несколько хаотической, но очень динамичной столицы». Автор статьи «переполнен ожиданиями новых удивительных открытий... путешествие вглубь этой страны продолжается...»¹⁸.

Важную роль в формировании позитивного имиджа России в Корее могло бы сыграть объективное, углубленное исследование истории российско-корейских отношений конца XIX в. Это необходимо в свете искажений этого периода в работах зарубежных историков — западных, японских и корейских.

Деятельность российской дипломатии в тот период в Корее, Китае и Японии была направлена на предотвращение полного

господства Японии на Корейском п-ове. Соперники России на Дальнем Востоке и их дипломатические представители маскировали свои экспансионистские устремления, объясняя свою политику необходимостью противостоять вымышленной «русской угрозе» Корее, а себя изображали «искренними и бескорыстными» ее защитниками¹⁹.

Важное значение для изучения истории русской дипломатии на Дальнем Востоке имеют исследования советских ученых, особенно А.Л. Нарочницкого²⁰ и Б.Д. Пака. Их работы базировались на архивных документах. Они доказали, что угроза для Кореи в то время исходила от Англии, США и Японии²¹.

Российская исследовательница Б.Б. Пак отмечала, что «задача состоит не только в том, что следует противостоять искажениям, извращениям в исследованиях зарубежных авторов, необходимо активнее публиковать соответствующие материалы и результаты научных исследований российских корееведов в южнокорейских и северокорейских научных и популярных изданиях, разъяснять российскую политику участникам конференций, симпозиумов и круглых столов»²².

Б.Б. Пак писала, что в последнее время в некоторых публикациях южнокорейских историков наблюдается изменение в оценке роли России в конфликте с Японией.

Весомый вклад в объективное освещение политики России в Корее конца XIX в. внес Пак Чонхе («Россия и Корея. 1895—1898» (1993).

¹ Конрад Н.И. Старое востоковедение и его новые задачи // Запад и Восток (статья). М.: ГРВЛ, 1972. С. 16.

² Оршак О.В. К вопросу о концептуальной картине мира // Межкультурная коммуникация и перевод. Материалы V межвузовской научной конференции. Москва, 26.01.2006. С. 366.

³ Веденина Л.Г. Концепт «человек в языковых картинах мира» // Лингвострановедение: методы анализа: техника обучения. Четвертый межвузовский семинар по лингвострановедению. 14—15 июня 2006 г. Ч. 2. Концепт «человек в аспекте лингвострановедения» М.: МГИМО (У), 2007. С. 211.

⁴ См.: Ильина О.К. Американский и российский типы мышления. Их отражение в национальных языках // Межкультурная коммуникация и

перевод. Материалы V межвузовской научной конференции. Москва, 26.01.2006 г. С. 128.

⁵ *Абеляр П.* БСЭ. 3-е изд. Т. 1. М., 1970. С. 19.

⁶ См., напр.: *Галумов Э.А.* Международный имидж России. М., 2003.

⁷ См., напр.: *Почепцов Г.Г.* Имиджеология. М.-Киев, 2001.

⁸ *Мединский В.* Мифы о России (О русском пьянстве, лени и жестокости). М.: Олма Медиа Групп, 2008. С. 2; 11–16.

⁹ Там же. С. 11–16.

¹⁰ Основные газеты и информационные сети на иностранных языках // Республика Корея. Цифры и факты. Корейская культурно-информационная служба Министерства культуры спорта и туризма. 2008. С. 135.

¹¹ Корея: Справочник. Корейская служба информации для зарубежных стран. РК, 1993.

¹² *Толорая Г.Д.* Выступление на российском телевизионном канале РБК в феврале 2011 г.

¹³ *Кожмяко В.Н.* Корея в зеркале моей души // *Koreana* (на рус.яз.). 2007. Т. 3. № 1. С. 76.

¹⁴ Вооруженные силы Республики Кореи: женщинам вход разрешен// *Koreana*. 2009. Т. 5. № 1. С. 90.

¹⁵ *Фаузер Р. Дж.* Корея — это подарок судьбы на моем жизненном пути// *Koreana*. 2010. Т. 6. № 1. С. 62–65.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Пак Б.Б.* Российская дипломатия и Корея (1876–1898). Автореф. дисс... доктора ист. наук. М., 2006.

²⁰ *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895 гг. М., 1956. С. 362.

²¹ Там же.

²² *Пак Б.Б.* Указ. соч. С. 20–21.

*Ким Ен Ун**

ЭВОЛЮЦИЯ ИМИДЖА И РОЛИ РОССИИ В КОРЕЕ

Имидж государства в мире и в отдельной стране может различаться не только во времени, но и в пространстве. Он также различен в зависимости от положения самого государства как в мире, так и в отношении «государства-респондента». При этом самые тесные экономические, политические, культурные связи не являются гарантией позитивного имиджа. Также интенсивная кампания дискредитации страны-респондента не всегда является гарантией негативного имиджа. Бывают ситуации, когда положительный имидж формируется вопреки господствующей в государственной, религиозной пропаганде и в СМИ установке на освещение политики другой страны. Имидж государства представляет собой понятие историческое, переменчивое. В зависимости от роли государства в мире, от складывающихся двусторонних отношений он может меняться в разных диапазонах — от позитивного к негативному и наоборот, а также быть нейтральным.

Имидж России в Корее пережил несколько этапов: от подозрительности (начальный этап во второй половине XIX в. и в 2006–2010 гг. в КНДР), больших надежд (90-е годы XIX в.— начало XX в.), воодушевления (1917–1945 гг.), подражания (1945 г. в РК, 1945–1957 гг. в КНДР) до глубокого недоверия, резко отрицательного мнения (1946–1988 гг. в РК, 1989–1998 гг. в КНДР), надежд (1988–1991 гг. в РК, 2000–2006 гг. в КНДР), высокомерно-снисходительного отношения (1993–2001 гг. в РК), потребительско-прагматического отношения, включая и попытки установления отношений стратегического партнерства (2001–2011 гг. в РК). Частично это связано с объективной ситуацией в мире и ролью в нем России, отчасти — с ролью самой России в Корее. Уменьшение участия

* Институт Дальнего Востока РАН, Москва.

России в корейских делах приводило к усилению негативных моментов в имидже России в каждом из корейских государств.

При анализе эволюции образа России в Корее есть необходимость хотя бы кратко осветить период предыстории взаимоотношений двух государств, который по времени был большим, чем отрезок времени с момента установления дипломатических отношений (1884 г.) и нового установления этих отношений (с КНДР в 1948 г., с Республикой Корея — в 1990 г.).

Японские (с середины XIX в.), китайские (середина XIX в. — начало XX в.) власти, французские, английские, американские сначала миссионеры, а потом и официальные власти, а с середины XIX в. — прояпонские, прозападные, националистические; с первых десятилетий XX в. — коллаборационистские, антикоммунистические, антисоветские силы Кореи; с конца XX в. — правоконсервативно-националистические силы Южной Кореи пытались и пытаются «обосновать» и «доказать» мифическую историческую агрессивность России по отношению к Корее. В связи с этим в последнее время в Республике Корея распространено мнение о том, что первое «знакомство» русских и корейцев произошло в 1654 и 1658 гг., когда «доблестные корейские воины нанесли поражение русским» на Амуре.

На самом деле, во-первых, для корейцев та война, точнее — ряд столкновений мелких отрядов, не была самостоятельной войной, ибо они участвовали в этих стычках вынужденно, как вассалы китайской империи, которая приказала выставить небольшой отряд численностью в несколько сот человек. Во-вторых, в то время корейцы вообще не имели представления о том, что такое Россия и кто такие русские. В-третьих, и русские не знали, кто такие корейцы, и они вообще не собирались с корейцами воевать, так как, повторим, не знали об их существовании. В-четвертых, о том, что такое столкновение было, общественность в РК узнала спустя почти 3,5 века. А в XVII в. ситуация была такая. Командир корейского отряда в составе войск Цинской империи Бен Гып описал русских как похожих лицом на южных варваров (*намман*), одетых в одеяния золотистого цвета. Почему южных варваров? В 1853 г. на о. Чжечжудо к подножью горы Санбенсан тайфун прибил судно голландской Ост-Индской компании «Сперо Вхоук» под командованием Хендрика Хаммеля¹, которое имело задачу устано-

вить суверенитет Голландии в Юго-Восточной и Восточной Азии. Выживших членов команды судна в количестве 36 человек арестовали и привезли в Сеул². Поскольку они прибыли в Корею с юга, их и назвали вполне в китайской традиции — южными варварами, т.е. в то время в Китае и в Корее южными варварами звали голландцев. Упомянутый Бен Гып сделал предположение, что встретившиеся китайскому отряду, в составе которого был корейский отряд, относились к варварам с Запада, точнее из Европы, где живут белые. Через 4 года в новом столкновении подобного рода другой генерал, Син Ю, также считал их разновидностью южных варваров, т.е. похожими на голландцев³.

Но если китайцы называли тогда русских *люо ча* — «дьяволы» (в буддизме это самый отвратительный тип живого существа), то корейцы называли их *люо чан* или *лю чоу* — «крепкий дикарь», т.е. без того отвращения, как это звучало в китайском названии. Русские же корейцев тогда прозвали «большеголовыми» из-за войлочных шапок, которые носили корейцы.

С 1722 по 1862 г. было 12 контактов между дипломатами России и Кореи в Пекине, причем все они происходили в расположении русской миссии.

В 1860 г. между Россией и Китаем был заключен Пекинский договор, во исполнение которого в 1861 г. был подписан Петербургский протокол о границе между Россией и Китаем, по которому граница была проведена по р. Сунгари и р. Туманной (кор. *Туманган*). Причем о том, что левый берег р. Туманган стал территорией России и, таким образом, она стала непосредственным территориальным соседом Кореи, власти этой страны узнали только в Пекине после подписания Петербургского протокола.

Нужно была налаживать соседские отношения, и власти России пытались формализовать свои отношения с Кореей. Попытка прямых переговоров с центральным правительством Кореи результатов не дала из-за того, что она проводила в то время политику закрытости от внешнего мира, к тому же и Китай был против непосредственных отношений своего вассала с Россией. Поэтому последняя пыталась установить контакты на местном уровне, между властями Приморья и граничащей с ним провинции Северная Хамген.

В 1854 г. фрегат «Паллада» под командованием адмирала Путятина посетил ряд портов Кореи начиная с порта на о. Комуondo и кончая портом Деамчжин в пров. Хамген. Несмотря на настойчивые заявления японцев и американцев о том, что Путятин якобы требовал от Кореи открытия портов, как это делали американские⁴ и французские военные корабли, до сих пор не удалось найти ни одного документа, подтверждающего эту версию⁵.

4 апреля 1882 г., т.е. на месяц раньше договора Кореи с США, было подписано соглашение между представителями властей Приморья и Северной Хамген о взаимном оповещении в случае возникновения инфекционных заболеваний. С легкой руки некоторых китайских и японских, а затем и американских специалистов данное соглашение было охарактеризовано как случайное в российско-корейских отношениях. Но можно уверенно сказать, что это было отражением контактов между правительствами России и Кореи. Как уже отмечалось, тогда и Китай, и Япония настойчиво противились установлению отношений между Россией и Кореей. Потом к этим силам присоединились американцы, англичане. А французы еще раньше пытались внушить Тэвонгуну (отцу короля Ко Чжона) мысль об «агрессивных намерениях» России и советовали ему, как давать отпор России.

Китайский консул в Японии Хуан Чжун Сян в книге «Чао Сиен Це люэ» («Корейские интриги»)⁶ писал о том, что для отражения русской агрессии нужно создать тройственный китайско-японско-корейский союз. Он также пытался доказать, что Корею для решения этой задачи следует не только войти в тройственный союз, но и опираться на США.

В те годы в Японии активно распространяли тезис об «агрессивности» России и голландские торговцы и миссионеры. Сторонники христианства, особенно протестанты, выступали против сближения Кореи с Россией.

Но позиция правительства Кореи была другая. Как представляется автору, Ко Чжон осторожно, терпеливо проводил линию на диверсификацию связей Кореи с другими странами, чтобы избавиться от вассальной зависимости от Китая. Он не видел какой-либо опасности от России. Не случайно в «Ко Чжон силок» («Хроника правления короля Ко Чжона») за 26 февраля 1881 г. за-

писано, что для Кореи от России нет никакой угрозы, а вот попытка завязать контакты с США только способствует приходу врага⁷.

В 1882 г. известный корейский реформатор Ким Ок Кюн встретился в Токио с консулом России в Японии Р. Розеном и попросил его передать пожелание правительства Кореи подписать договор с Россией. Он же, посетив в конце декабря 1883 г. — начале 1884 г. консула России в Японии А. Давыдова, еще раз передал, что Корея хотела бы подписать договор о дружбе с Россией. 27 июня 1884 г. консул России в Тяньцзине К. Вебер прибыл в Сеул, и уже 7 июля был подписан договор о дружбе и торговле.

В отличие от подписания договора Кореи с США в 1882 г., которое сопровождалось протестами корейцев, на этот раз в Сеуле не было никаких антирусских выступлений.

Ко Чжон неоднократно просил власти России о протекторате над Кореей, от чего Россия отказывалась.

Не случайно, наверное, также, что подавляющее большинство тех, кто эмигрировал из Кореи после 1895 г., переезжали в Россию. Известно, что к 1930 г. в России проживали около 200 тыс. корейцев, которые в подавляющем большинстве были переселенцами первого поколения в России.

В течение долгого времени пытались доказывать опасность сближения с Россией и сторонники американского пути развития Кореи, в частности Ли Сын Ман, который называл СССР агрессивным и разрушительным государством, которым управляют дикари⁸.

Прояпонские элементы в Корею в течение 70 лет пропагандировали ненависть к России, а потом и к СССР. Одним из таких представителей был Юн Чи Хо (1864–1945 гг.), который всю жизнь положил на борьбу против России и за сближение Кореи с Японией, который радовался поражению России в русско-японской войне, завоеванию Японией Маньчжурии. Он же был одним из представителей антикоммунистических сил, которые делали все возможное, чтобы воспрепятствовать позитивному имиджу России и СССР в Корею.

Советская Россия воспринимались корейцами как общество справедливости, и они возлагали большие надежды на помощь России не только в их национально-освободительной антияпонской борьбе, но и в будущем устройстве страны. Тот же Юн Чи Хо, посетив в 1932 г. свою родину — пров. Хамген, — отметил, что

не только молодежь, но и старшее поколение увлекаются большевистскими, коммунистическими идеями⁹.

12 мая 1945 г. посол США в СССР А. Гарриман на совещании в Госдепартаменте с и.о. госсекретаря Дж. Грю, помощником военного министра Дж. Макклоем и военно-морским министром Форрестолом среди прочих поставил вопрос, следует ли США поддерживать идею установления над Кореей опеки держав-победительниц или предоставить корейцам право самим создать свое правительство, которое, «несомненно, станет большевистским или советским»¹⁰. Грю в этот же день направил официально меморандум на имя военного министра Стимсона и Форрестола с предложением согласиться с установлением над Кореей опеки со стороны США, Англии, Китая и СССР. Американцы точно понимали настроения и ожидания населения Кореи, и по всей территории Кореи имидж СССР был высок.

Раскол Кореи и Корейская война 1950–1953 гг. оказали большое влияние на позитивный имидж СССР в Северной Корее и на формирование негативного его имиджа в Южной Корее. Причем в южной части страны на СССР переносилось все негативное, что относилось и к КНДР, хотя зачастую Советский Союз никакого отношения к событиям в этой стране не имел, а многое там делалось вопреки его позиции.

В РК активно работала антикоммунистическая и антисоветская пропаганда. До Сеульской олимпиады 1988 г. многие южане были убеждены, что советские люди похожи на медведей, с клыков которых стекает кровь. Это было в учебниках, это было на страницах СМИ, это было в массовом сознании. Это автору рассказывали сами южнокорейцы в 1990-х годах во время его поездок в Корею и разговоров с людьми из разных социальных групп.

Считалось, что советские люди так же жестоки, как те диверсанты из Северной Кореи, которые в период Корейской войны якобы убили 10-летнего мальчика Ли за то, что он признался о своей нелюбви к коммунизму. Проблема не в том, насколько официальная версия гибели мальчика соответствует реальной и насколько мальчик в 10 лет разбирается, что такое коммунизм, марксизм, социализм, капитализм и т.д.

В РК есть музей, посвященный этому трагически погибшему мальчику, его история преподается на уроках во всех школах

Южной Кореи. Учащимся внушается мысль о том, какими же нужно быть злодеями, чтобы убить беззащитного мальчика только за его признание, что он не любит коммунизм. Отсюда и укоренившееся в сознании подавляющего большинства населения страны мнение, что все люди из социалистических стран такие кровожадные, бессмысленно жестокие.

Представление об образе советских солдат и вообще советских людей в южнокорейском обществе дает рассказ классика южнокорейской так называемой «женской литературы» Пак Ван Со «Цветы анемона тех дней, когда убивали в боях», опубликованный в конце 1970-х годов. Его героиня, пожилая женщина, вместо того, чтобы быть изнасилованной американскими солдатами, вернулась от них назад живой и даже получила вдоволь съестного именно потому, что они — западные люди. Будь на их месте японцы..., тут же и убили бы меня. Если бы не японцы, а советские оказались там, то, не разбирая, молодой ты или старый, набросились бы и надругались. Сразу бы не убили, а мучили бы до самой смерти»¹¹.

Автор заключает: «Все слушавшие были согласны с мнением старой женщины, и каждую пробрала дрожь от этих мыслей. И старые, и молодые женщины никогда не покидали пределов своей страны и, живя в деревне, ни разу непосредственно не общались ни с европейцами, ни с японцами, ни с советскими людьми. Это был первый случай. И тем не менее старая женщина до такой степени самоуверенно выражала свой взгляд на мир, что у слушавших ее не было никаких возражений. Должно быть, потому, что даже если не брать во внимание, права старая женщина или нет, в людях, родившихся на этой земле, такой взгляд на мир был заложен самой историей»¹².

В то же время большая часть южнокорейских граждан была убеждена, что в Советском Союзе государство каждому дает квартиру, работу, бесплатное образование, медицинское обслуживание, пенсию и другие льготы, которые обеспечивали безбедную жизнь. Для капиталистического общества Южной Кореи, где до сих пор обучение даже в средней школе является платным, а медицинские расходы составляют огромную долю в семейном бюджете, где до сих пор нет государственной системы пенсионного обеспечения, такие блага представлялись восхитительными. Однако пресса и политики РК об этой стороне социальной политики в СССР

молчали. Откуда народ узнавал об этом? Это как раз та часть проблемы имиджа, которая связана с разными слухами и представлениями, мифами, циркулировавшими среди рядовых граждан.

В 1990-х годах некоторые авторы в Южной Корее исходили из скорого исчезновения России в ее нынешних границах. На имидж России негативно повлиял ее долг РК, унаследованный ею от СССР, который при М. Горбачёве получил заем от правительства Ро Дэ У. Сложилась унизительная ситуация, когда Россия была вынуждена вести переговоры о реструктуризации долга. Ситуация не давала возможности получать кредиты при торговле или привлекать инвестиционные кредиты для работы южнокорейских фирм в России. Проблему удалось решить только при президенте В. Путине. Россия была готова сразу выплатить всю сумму задолженности, на что уже не согласилась Южная Корея, потому что в таком случае не удалось бы получать проценты по долгу.

Южнокорейские специалисты признают, что СМИ РК дают в основном негативную информацию о России, что связано не только с особенностями их работы в нынешних условиях, но и с тем, что зачастую южнокорейские СМИ механически переводят сообщения информагентств США и Великобритании о России. Отчасти это также объясняется недостаточностью представителей СМИ РК в России. 5 лет назад в России работали 6 спецкоров печатных изданий Южной Кореи, сейчас осталось всего 2 корреспондента.

С января по сентябрь 2010 г. в зарубежные командировки выезжали 177 журналистов из печатных СМИ РК, из них в Европу — 50 журналистов, в США — 27, в КНР — 25, в Японию — 21, в Юго-Восточную Азию — 20, а в Россию всего 3, да и то это были не плановые выезды журналистов, а поездки на открытие гостиницы «Лотте» в Москве, а также по случаю гастролей балетной труппы из Сеула и поездки президента Ли Мен Бака на Ярославский форум.

О заметном изменении имиджа говорит и отношение прессы и общественности к России в ситуации с трагедией корвета «Чхонан». Насколько известно из СМИ и разговоров с южнокорейцами, там восприняли спокойно позицию России по этому трагическому инциденту.

Сама Россия делает еще недостаточно много, чтобы ее политика, экономика, культура находили адекватное ее мощи

и авторитету отражение в южнокорейских СМИ. Было бы полезным, если бы крупнейшие фирмы России, а также министерства приглашали на значимые мероприятия в России журналистов РК, даже, может быть, оплачивая им дорогу и пребывание в стране на время такого события.

К примеру, вторая неудача с запуском южнокорейского спутника в 2010 г. вызвала большие критические высказывания в РК относительно качества российской космической техники. Представителям Роскосмоса нужно было не отмалчиваться, а встречаться с представителями прессы и общественности и давать свою оценку причин взрыва ракеты-носителя. Это могло бы снять многие вопросы. Среди предложений по улучшению имиджа России в РК можно было бы назвать и возможные полугодовые или годовые стажировки в информагентствах или в газетах южнокорейских и российских журналистов.

По мере дальнейшего развития экономики России, решения социальных проблем интерес южнокорейского капитала к России будет возрастать, и это, можно надеяться, приведет к дальнейшему улучшению образа России в РК.

¹ См.: Хан Енъ У. История Кореи: Новый взгляд (пер. с корейского)/ Под ред. М.Н. Пака. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2010. С. 323.

² Члены команды Хаммеля наладили производство мушкетов в Корее. В 1666 г. 8 из них бежали из Кореи и в 1668 г. прибыли в Амстердам, где вскоре опубликовали свои воспоминания под названием «Записки Хаммеля» — первую книгу, которая познакомила европейцев с Кореей.

³ Вон Чжэ Эн. 17-19 segi чон букген ы араса гваныл тхонхан чосонины росиа инсикгва сирегвамы гучуюкю (Понимание и доверие корейцами России в связи с контактами в русской миссии в Пекине в XVII—XIX вв.) //Хангукэсоы росиа имичжи: 17 segi бутхо 20 segi качжи хан-ро гванге 4 сегыы чжэчжомен. Хакулсемина баллхё чжаречжип. 2009 нен 11 вол 17 ил. (Образ России в Корее: четыре века российско-корейских отношений с XVII по XX вв. — Новое освещение. Сборник докладов научной конференции. 17 ноября 2009 г.). С. 4—6.

⁴ В Северной Корее, как известно, особо подчеркивается, что в отпоре американскому кораблю «Шерман» особо отличился дед Ким Ир Сена.

⁵ Эн Ган Су. Чосонгва росиаы гукген суригва чосон чонбуы дзын (Установление границы между Кореей и Россией и реакция корейского пра-

вительства) / Хангукэсои росиа имичжи: 17 сеги бутхо 20 сеги качжи хан-ро гванге 4 сеги чжэчжомен. Хаксулсемина балпхё чжаречжип. 2009 нен 11 вол 17 ил. (Образ России в Корее: четыре века российско-корейских отношений с 17 по 20 вв. — Новое освещение. Сборник докладов научной конференции. 17 ноября 2009 г.). С. 22.

⁶ *Ен Ган Су*. Указ. соч. С. 21–22.

⁷ *Хо Дон Хен*. Гындэ (1876–1945) хангук ины росиа инсик (Образ России в Корее нового времени (1876–1945) // Хангукэсои росиа имичжи: 17 сеги бутхо 20 сеги качжи хан-ро гванге 4 сеги чжэчжомен. Хаксулсемина балпхё чжаречжип. 2009 нен 11 вол 17 ил. (Образ России в Корее: четыре века российско-корейских отношений с XVII по XX в. — Новое освещение. Сборник докладов научной конференции. 17 ноября 2009 г.). С. 37.

⁸ См.: *Syngman Rhee. Japan Inside Out: The Challenge of Today*, 2nd Ed. New York: Fleming H. Revell Co., 1941. P. 188–190.

⁹ Юн Чи Хо илги: 1916–1943. (Дневник Юн Чи Хо. 1916–1943). Екса Бипхенса, 2001. (Изд-во «Историческая критика», 2001). С. 269, 298–299. — *Цит. по: Хо Дон Ен*. Указ. соч. С. 53).

¹⁰ *Harriman W.A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946*. N.Y., 1975. P. 461; *The Forrestal Diaries*. N.Y., 1965. P. 56). — *Цит по: Сафронов В.П.* Война на Тихом океане. СССР, США, Япония в условиях мирового конфликта. 1931–1945 гг. М.: БИМПА, 2007. С. 337–338.

¹¹ *Пак Ван Со*. Цветы анемона тех дней, когда убивали в боях // Нева. 2010. № 3. С. 30–36.

Писательница Пак Ван Со (1931–2011), классик корейской литературы, автор 15 романов и 5 сборников рассказов, лауреат многих премий родилась на севере пров. Кенги, граничащей с Северной Кореей. Корейская война 1950–1953 гг. застала ее в Сеуле, где она училась в Сеульском университете.

¹² Там же.

*Д.А. Самсонов**

ВЗГЛЯД ДРУГ НА ДРУГА: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦПРОСОВ НА ВЫСТАВКАХ К 20-ЛЕТИЮ ДИПОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ

В 2010 г. Россия и Республика Корея праздновали 20-летие установления дипломатических отношений. К этому событию был приурочен целый ряд знаменательных мероприятий, направленных на ознакомление народов наших стран с их культурами.

Особое место среди них заняло проведение двух выставок. Одна из них — «Ветер в соснах», представлявшая экспонаты из фондов Государственного музея Республики Корея (National Museum of Korea), открылась летом в Николаевском зале Государственного Эрмитажа* в С.-Петербурге. Другая выставка под названием «Россия и Корея: новая встреча старых соседей» — осенью в Сеуле. Она была организована корейским секретариатом форума «Диалог Россия — Республика Корея» в помещении Культурного центра Корейского фонда. Обе выставки стали заметным событием в культурной жизни обеих стран.

Сейчас нам, живущим в XXI в., особенно необходимо осознание того, что любые процессы современного общества, в том числе и политико-экономические, так или иначе обуславливаются культурным своеобразием стран и народов. Понимание политики как продолжения экономики значительно сужает наши представления о государстве, о взаимоотношении власти и народа. Важно понимать, что основные побудительные мотивы истории и политики лежат в области *духа*, а не только экономики. Политика есть неотъемлемая часть человеческой культуры, культура же — воплощение духа народа. Именно поэтому в контексте увеличения вза-

* Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, С.-Петербург.

имопонимания двух стран особое внимание к изучению аспекта понимания культур друг друга представляется одним из важных путей выстраивания добрососедских отношений, так как это ведет к пониманию глубинных основ интеграционных процессов.

Важно отметить, что любые выставочные проекты, музейные экспозиции, постоянные или временные, это — создание *сказки*. Это не просто экспонирование вещей — это некая драма, история, сюжет, которые надо суметь показать. Это застывшие эмоции и воспоминания людей, живших десятки, сотни, тысячи лет назад. Именно поэтому проведение таких выставок может считаться достойным, плодотворным и, самое главное, однозначно позитивным и уже состоявшимся фактом диалога двух культур.

По договоренности между организаторами, в ходе работы выставок были проведены социологические опросы, посвященные представлениям жителей наших стран друг о друге. Насколько нам известно, данные опросы стали первой попыткой параллельного сбора информации о культурах двух стран. Именно поэтому особенно важно и интересно обратиться к результатам этих опросов. Конечно, в рамках такого первого опыта систематизации материалов вряд ли возможно с уверенностью утверждать, что сложившаяся картина полностью отражает настроения обществ в отношении друг друга. Тем не менее результаты опросов демонстрируют определенную тенденцию, которая действительно обращает на себя внимание и может служить важным и полезным источником для определения актуальных вопросов, решение которых необходимо для создания атмосферы стратегического партнерства и взаимопонимания. Несмотря на то что формы анкет, число и формулировки вопросов были разными, в целом их можно объединить в четыре основных блока: вопросы по общим сведениям о стране, о национальном характере, о культурном контенте, о сферах политико-экономического сотрудничества.

Выставка «Россия и Корея: новая встреча старых соседей» в Сеуле проходила с 29 сентября по 12 октября 2010 г. Она знакомила зрителей с различными этапами взаимоотношений между нашими странами, начиная с момента заключения первого договора о дружбе и торговле в 1884 г. и заканчивая визитом президента Ли Мен Бака в Россию и полетом первого космонавта РК Ли Со Ен. Можно утверждать, что данная выставка представляла

собой первую попытку творческим образом осмыслить и показать широкой публике историю развития контактов между нашими странами.

Опрос проводился в период работы выставки под руководством ее главного куратора, профессора университета Тангук Ха Ге Хуна.

Массив собранного материала составлял 200 правильно заполненных анкет. Среди опрошенных большинство составляют молодые посетители.

Возрастная категория, лет	Кол-во опрошенных, %
До 20	3
20–29	53,5
30–39	20
40–49	10
50–59	9,5
После 60	4
Итого:	100

Пол участвовавших в опросе: мужчины — 48,0%, женщины — 52,0%.

Профессиональный состав опрошенных был следующий: студенты, служащие фирм, работники культуры и искусства, госслужащие, домохозяйки, бизнесмены.

Образовательный уровень респондентов был высок: 89% учащиеся вузов или лица с высшим образованием.

Анализ полученного материала выявил общую картину информированности респондентов в некоторых вопросах. Подавляющее большинство респондентов правильно ответили на вопросы о географическом положении страны, основных городах. Вопрос о религии продемонстрировал, что многие ошибочно считают основной религией в России «католицизм» — 12%, а 13% ответили «не знаю».

Также были выявлены знания об основных знаковых чертах российской экономики: 67% респондентов ответили: «природные ресурсы». Кроме того, в числе основных крупномасштабных политико-экономических мероприятий были названы место проведения саммита АТЭС в 2012 г. и место проведения зимней Олимпиады в 2014 г. В качестве самого важного из осуществляе-

мых проектов совместного сотрудничества называются успехи в авиакосмической сфере, а затем проект соединения корейских и российских железных дорог.

Большой разброс мнений между респондентами разного возраста и рода занятий показал вопрос о позиции России в дальнейших отношениях между Южной и Северной Кореей. В целом большинство респондентов ответили, что Россия займет нейтральную позицию, на одинаковом расстоянии от Юга и Севера. В ответах молодых людей просматривалась тенденция, что Россия «поддержит Южную Корею», а в ответах людей старше 50 — что «поддержит Северную Корею».

Ответы «не знаю» или «ничего» встречались при заполнении анкет очень часто. Например, на вопрос о национальном характере русских самым распространенным ответом был «не знаю» (30,3%), далее шли: «стойкий», «неприветливый», «страстный». Ответ «не знаю» также был характерен (14%) при ответе на вопрос о денежной единице России. При ответе на вопрос «Как Вы ожидаете, какую положительную роль может сыграть Россия для Кореи в будущем?» 33,3% ответили «не знаю», «больших надежд (ожиданий) не имею». Ожидание положительной роли России в жизни Республики Корея в сфере политики оценивают 16%, а далее следуют сферы технологий, ресурсов, экономики, культуры.

Данные опроса показывают, что жители Республики Корея имеют о культуре России общие и поверхностные представления, на уровне самых простых и широко распространенных стереотипов: Россия — страна огромных пространств (Сибирь), мороза, водки. На вопрос о том, что приходит на ум при слове «Россия» многие ответили «ничего» (12%), «холод», «водка», «СССР», «Горбачёв». В качестве самого типичного русского культурного наследия рассматривается Кремль (35%), Государственный Эрмитаж (27%). Вместе с тем в качестве основного культурного бренда рассматриваются классический балет, классическая музыка, русская литература.

По результатам опроса можно сделать вывод: настроение корейского общества в отношении России не очевидно. Безусловно, ни в коем случае нельзя говорить о каком-либо негативном или агрессивном восприятии России. В отношении

к нашей стране нет и стремления к закрытости. Вместе с тем из ответов респондентов не представляется возможным сделать вывод о стремлении к активным контактам. Налицо известная информированность о северном соседе (пускай и чересчур стереотипно суженная) с преобладанием все же некой настороженной заинтересованности.

С июня по сентябрь 2010 г. в Николаевском зале Зимнего дворца была представлена выставка из собрания Государственного музея Республики Корея «Ветер в соснах... 5000 лет корейскому искусству». Эта выставка явилась первым масштабным показом корейского искусства в нашей стране и продемонстрировала особый уровень сотрудничества между двумя странами. Она вызвала несомненный интерес у многочисленных посетителей Эрмитажа. Всего выставку с 1 июня по 5 сентября 2010 г. посетили 670 тыс. человек.

Во время ее работы было проведено социологическое исследование на тему «Корея и корейцы в представлениях россиян. Что знают россияне о Корее». Анкета-интервью включала 18 вопросов. Опрос проводился в течение месяца с июля по август сотрудниками сектора социологических исследований Государственного Эрмитажа во главе с Т. И. Галич.

Собранный материал — 795 правильно заполненных анкет — позволяет сделать ряд значительных обобщений и выводов.

Наибольшее число посетителей выставки составили жители Петербурга — 58%; иногородние — 37% (из них почти 1/3 часть составили жители Москвы); ближнее зарубежье — Белоруссия, Украина, Казахстан, Киргизия — 5%.

В структуре публики наибольший процент занимают молодые люди и среди петербуржцев, и среди иногородних. Процентное соотношение зрителей по возрастным категориям следующее.

Возрастная категория, лет	Жители С.-Петербурга, %	Иногородние, %
15–30	53	54
31–49	34	37
50–65	8	7
66 и более	5	2
Итого:	100	100

Из них: мужчин — 42%, женщин — 58%.

Процентное соотношение посетителей по образовательному уровню следующее.

Образовательный уровень	Жители С.-Петербурга, %	Иногородние, %
Высшее, неполное высшее (студенты)	86	76
Среднее, среднее специальное	9	21
Школьники старших классов	5	3
Итого:	100	100

В профессиональном составе – студенты разных вузов, преподаватели, учителя, техническая интеллигенция, представители экономической и финансовой сфер, военнослужащие, медики и др.

Всего респонденты представляют 59 городов, в том числе (в порядке убывания): С.-Петербург, Москва, Екатеринбург, Нижний Новгород, Челябинск, Новосибирск, Рязань, Хабаровск, Архангельск, Ростов-на-Дону, Саратов, Воронеж, Волгоград, Киров, Ставропольский край и др.

Среди предложенных 18 вопросов ответы только на 8, касающихся географического положения, общих сведений о стране, национального характера и сфер политико-экономического сотрудничества, смогли быть использованы для составления отчета, так как все респонденты ответили на них. Ответов на остальные вопросы, касающиеся главным образом аспектов культурных стереотипов, было так мало, что их трудно обработать в процентном отношении.

Мотивация посещения выставки. Следует отметить, что подавляющее большинство посетителей пришли на выставку специально, указав на «интерес к выставке “Ветер в сопках...”». Тем не менее посещение выставки в первую очередь обуславливалось интересом к странам Востока, восточной культуре, а уже затем к культуре Кореи как неотъемлемой ее части, о которой известно, что она есть, но о ней самой известно очень мало. Таким образом, можно говорить о возникшем интересе к культуре Кореи именно через выставку.

Рейтинг источников информации о выставке «Ветер в сопках...»:

Источник информации	Жители С.-Петербурга, %	Иногородние, %
Реклама в музее, городе	43	40
Интернет	18	13
Друзья, родные	16	7
Журналы, газеты	9	9
Телепередачи	10	7
Без ответа	4	23

Впечатление. Общее впечатление от осмотра выставки у многочисленных респондентов, ответивших на этот вопрос, положительное, причем впечатления варьируются в таких оценочных определениях выставки, как «интересная», «отличная», «хорошая», «превосходная», «уникальная», «редкая», «замечательная», «нет слов!», «умиротворяющая», «удивительная» и т.п.

Большую роль в таких отзывах сыграла планировка выставки, распределение экспонатов в пространстве зала, ее смысловая структура. Большое число зрителей отметили удачную планировку выставки, логику построения обширного многопланового материала, удобство расположения экспонатов в пространстве зала и возможность осмотра группы памятников и каждого экспоната в отдельности. В восприятии выставки, в постижении корейской культуры значимое место заняли пояснительные тексты в демонстрационном зале и аннотации у экспонатов.

В ходе анализа полученного материала выявляется общая картина информированности в нескольких областях (географическое расположение, города).

Также выявлены тенденции в отношении респондентов к таким аспектам, как уровень экономического и научно-технического развития Республики Корея; участие в совместных проектах, область сотрудничества которых – новейшие технологии, энергоресурсы, культура и т.д. Опрос также выявил, что у респондентов есть определенные знания в области экономики, научно-технических достижений Республики Корея. Они обусловлены непосредственным участием некоторых респондентов в различных совместных с корейцами проектах, приобретением электроники корейских производителей. У основной части респондентов выявлена недостаточная близость позиций и оценок по многим вопросам, касающимся перспектив развития и сотрудничества России и Республики Корея.

Можно предположить, что многие жители современной России объясняют причины интереса к Корее не только и не столько тем, что мы соседи, а конкретным материальным проявлением Кореи в повседневной жизни. И уже как следствие — желание узнать о культуре тех, кто произвел «этот телефон», тех, с кем сотрудничает «наша фирма», и т.д. Вместе с тем материалы исследования демонстрируют наличие у респондентов простого набора «встреч с корейским», но отсутствие общей картины, образа Кореи.

Это особенно отчетливо проявилось в крайне малом количестве ответов на вопросы по культуре Кореи, которые были сформулированы в вопроснике. К сожалению, вопросы, связанные с культурным контентом, т. е. традиционной культурой, литературой и даже кухней по большей части оставались практически без ответа. Можно говорить, что есть знания о современном, но очень мало знаний о традиционном.

Следует отметить позитивное отношение при выделении черт характера и образа жизни корейцев. Тут так же обращает на себя внимание наличие достаточной близости позиций и оценок. Жители разных регионов и разные возрастные группы поставили на 1-е место «трудолюбие», а на 2-м и 3-м месте — «организованность» и «вежливость».

По результатам опроса можно сделать вывод о более чем позитивных настроениях российского общества в отношении Кореи. Очевидна тенденция на «хорошее», на сближение, на уважение. Таким образом, имеющийся на данном этапе уровень знаний о Корее и корейском образе жизни, высокая степень заинтересованности в получении еще большей информации о традиционной и современной корейской культуре, несомненно положительные отношения ко «встречам с корейским» в повседневной жизни респондентов позволяют говорить о том, что этот положительный настрой будет переработан в российском обществе и поможет выйти на новый, более качественный уровень взаимоотношений. Просматривается абсолютно четкая линия уважения к тем, кого респонденты, казалось бы, еще не очень хорошо знают. И кроме того, при знакомстве нет ощущения того, что «они чужие». В памяти старшего поколения, безусловно, жива память о контактах с Северной Кореей.

Это говорит о том, что мы, жители России, ждем исключительно хороших, позитивных отношений с Республикой Корея и корейским народом в целом.

В заключение отметим, что результаты опросов свидетельствуют о насущной необходимости и важности создания красивых культурных стереотипов, культурных брэндов. Просто необходимо создавать более привлекательный образ друг друга, тем более что предпосылки к желанию познавать Корею и узнавать о России — несомненны. А для этого нужна конкретная, тщательно разработанная программа культурных взаимобмен, а также систематическая финансовая поддержка соответствующих проектов.

*Б.С. Ли**

КУЛЬТУРА В БИЗНЕСЕ И ЭКОНОМИКЕ (опыт коммуникации с корейцами)

Развитие деловых отношений между Узбекистаном и Южной Кореей, расширение сфер сотрудничества, увеличение количества совместных предприятий дает положительный эффект, который, в частности, выражается в росте числа рабочих мест и повышении интереса к изучению корейской культуры и языка.

Сегодня в Узбекистане корейский язык изучают в 13 вузах, в 5 из них имеются кафедры и факультеты корейского языка. Корейский язык также изучают более чем в 120 средних школах, академических лицеях и профессиональных колледжах. Успешно работает Центр образования Республики Корея в Ташкенте, в котором прошли обучение более 10 тыс. человек.

В Узбекистане начитывается 353 узбекско-южнокорейских совместных предприятия и 90 представительств фирм РК, в которых работают и выпускники отделения корейского языка Ташкентского государственного педагогического университета.

Активно ведется сотрудничество в миграционной сфере. На основании двусторонних соглашений в период с 1995 по 2007 г. из Узбекистана на стажировку, учебу или осуществление трудовой деятельности были отправлены в РК почти 19 тыс. человек.

В последние годы сотрудничество в этой сфере между двумя странами вышло на новый уровень. В частности, в марте 2006 г. сторонами был подписан Меморандум о сотрудничестве, благодаря которому стало возможным осуществление официальной трудовой деятельности на предприятиях РК в качестве рабочих по системе добровольного привлечения. Корейцы Узбекистана могут теперь получить визу Н-2, которая выдается на 5 лет,

* Ташкентский государственный педагогический университет, Ташкент.

а также визу F-4, которая дается для получения более квалифицированной работы. Сегодня в Южной Корее официально находятся 12,5 тыс. граждан Узбекистана. Помимо этого, примерно 6–7 тыс. человек живут там нелегально.

В Ташкенте проживают более 2 тыс. южнокорейских граждан, причем они имеют собственную ассоциацию и газету, ежегодно проводят спортивные и культурные фестивали. По словам южнокорейского посла, число граждан РК, пребывающих на территории Узбекистана, дойдет в ближайшее время до 20 тыс. человек. Это, по-видимому, связано с проектом освоения газового месторождения (3,12 млрд долл.) в Каракалпакстане и развитием Свободной индустриальной экономической зоны в г. Навои.

Опыт экономических и культурных взаимоотношений, обменов на рынке труда между Узбекистаном и РК говорит о том, что многие неудачи, столкновения во взаимодействии сторон происходят из-за незнания основ межкультурной коммуникации.

В учебных программах вузов Узбекистана отсутствуют дисциплины или предметы, обучающие студентов эффективной межкультурной коммуникации. Необходимы практические курсы, которые бы учили общению с иностранными партнерами, где излагался бы опыт ведения бизнеса с представителями той или иной страны с учетом всех особенностей культуры и языка. Такие программы содействуют эффективному пониманию иностранного партнера. Для нас очень важно, чтобы иностранный партнер был заинтересован в долгосрочном сотрудничестве с узбекской стороной.

Для этого нужно учитывать сходства и различия взаимодействующих сторон в культуре, в ведении бизнеса. Культура определяет, а язык отражает жизнь и поведение человека во всех сферах деятельности, в том числе в работе, в бизнесе. «Международная торговля, промышленность, весь механизм сотрудничества в самых разных областях часто дают сбои... Один просчет, одно неверное движение, одно неподходящее слово — и рушатся многообещающие контракты, перспективы, планы»¹.

При ведении переговоров и при работе с южнокорейскими партнерами надо преодолеть языковые барьеры, знать различия в культуре и менталитете восточного и европейского человека. Элементарное незнание каких-либо правил, традиций, этикета может обернуться неудачей переговоров.

Часто при знакомстве с новой культурой человек может испытать культурный шок — эмоциональный или физический дискомфорт, вызванный попаданием в иную культурную сферу, столкновением с другой культурой, незнакомым местом. Иногда понятие «культурный шок» используют для обозначения общей ситуации, когда человек вынужден приспосабливаться к новому порядку, при котором не работают ранее усвоенные культурные ценности и виды поведения. В основном человек получает культурный шок, когда попадает в другую страну, хотя и с подобными ситуациями, ощущениями может столкнуться и в собственной стране. У человека возникает конфликт старых и новых культурных норм и ориентаций. Культурный шок возникает, когда знакомые психологические факторы, которые помогали человеку приспосабливаться к обществу, исчезают, а вместо этого появляются неизвестные и непонятные, пришедшие из другой культурной среды. В рамках собственной культуры создается стойкая иллюзия собственного видения мира и образа жизни, менталитета и т.п. как единственно возможного и, главное, единственно допустимого, — это так называемый культурный эгоцентризм.

В процессе преподавания автор предложил студентам описать культурный шок при встрече с южнокорейцами, написать эссе на темы «Культура и дело», «Культура и время», «Цветощущение» и др. Анализ работ показал, что очень часто студенты сталкивались с различием в культурах как в повседневной жизни, так и в процессе трудовой деятельности.

Поведение представителей других наций определяется их культурой. Выйдя за ее пределы, т.е. встретившись с другим мировоззрением, мироощущением и т.д., можно понять специфику своего общественного сознания, увидеть различие культур.

Вышеизложенное говорит о том, что культуры бывают разные, и студенты оценивали их с позиций этноцентризма. Но если мы спросим южнокорейца, прожившего год в нашей стране, то он может тоже написать целую книгу о культурных шоках, поразивших его. Это нормальный процесс инкультурации в новое общество.

¹ Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. С. 275.

С.О. Курбанов*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНЕРЦИЯ В МЕЖКОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 2000-х ГОДОВ**

О законе социально-исторической инерции

Исторические изменения являются результатом комплекса факторов, который в целом можно разделить на несколько основных категорий: 1) фактор общих законов исторических изменений (соотнесенный с историческими процессами; раньше указанные выше изменения характеризовались исключительно процессами «поступательного развития»); 2) фактор отдельных случайных событий (противоречащих или не противоречащих основным законам исторической трансформации / историческим процессам); 3) фактор воли отдельной личности или группы людей, соотносимый с: а) общими тенденциями / законами исторического развития или б) отдельными случайными событиями.

На протяжении последних нескольких столетий историческая наука прошла заметный путь развития, пытаясь выйти за рамки простого литературного повествования, за рамки представления о том, что большинство происходящих в человеческом обществе изменений объясняются или волей отдельной личности, или случайностью (стечением обстоятельств), или же «высшей силой».

В XX в. в российской историографии господствовала теория «исторического материализма», которую, кстати, относили не к исторической науке, а к «научной социологии». Согласно историческому материализму, все общества *развиваются*, т.е. процесс,

* Санкт-Петербургский государственный университет, С.-Петербург.

** Настоящая работа выполнена при поддержке Академии корееведения Республики Корея в 2010 г. (проект AKS-2010-CAA-2101).

обратный развитию, — деградация и гибель как *закономерная* часть исторического процесс — не рассматривался.

Далее, «развитие» признавалось «закономерным продуктом» взаимодействия «базиса» — производительных сил и «надстройки» — производственных отношений. При этом вся история человечества рассматривалась в рамках развития и смены «общественно-исторических формаций», а общественно-исторический процесс считался обусловленным исключительно материальными причинами¹.

Не вдаваясь в анализ обозначенных выше основных постулатов исторического материализма, хотелось бы высказать предположение о том, что закономерностей изменения социально-исторических процессов может быть значительно больше тех, на которых заострял внимание исторический материализм.

В настоящей статье мы обратим внимание лишь на одну — так называемую «социально-историческую инерцию».

Наверное, исследователи не раз обращали внимание на то, что скорость изменений в социумах в разное время может быть различной. И эта скорость далеко не всегда связана с волей или желанием руководителей и их подчиненных совершить какие-либо изменения. Нередко процессы социально-исторической трансформации происходят совсем не так, как их видят те, кто эти изменения собираются произвести. И связано это, в том числе, и с законом «исторической инерции».

В целом, «историческую инерцию» можно разделить на две основные категории: 1) «инерцию человеческого сознания» и 2) «социально-историческую инерцию», обусловленную объективными особенностями устройства и функционирования социумов.

О «законе исторической инерции», соотнесенном с человеческим сознанием, писалось еще в начале XX в., в частности в работах С.Л. Франка². Однако в настоящей статье мы обратимся ко второй категории исторической инерции, а именно — к «социально-исторической инерции».

На настоящем этапе исследований еще сложно в полной мере представить универсальное определение «закона социально-исторической инерции». Для начала попробуем определить его следующим образом: «Процесс трансформации в социумах име-

ет протяженность во времени. Длительность изменений связана с социально-исторической инерцией».

Социально-историческая инерция прямо пропорциональна количеству «базовых социальных модулей» и обратно пропорциональна «уровню развития инфраструктуры».

Категория «базовых социальных модулей» связана как с количеством населения и размером территории (чем больше население и чем больше территория государства, тем больше в нем «базовых социальных модулей»), так и с количеством объектов социально-экономической деятельности человека: предприятий, объектов недвижимости и культуры, структурой власти и т.п.

Иными словами, чем больше в обществе (государстве) «базовых социальных модулей» и чем сложнее составляемая ими структура, тем медленнее происходят исторические изменения.

С другой стороны, чем лучше развита инфраструктура, в стране которой расположен социум (комплекс «базовых социальных модулей»), тем быстрее происходят изменения в нем.

Разрушение инфраструктуры приводит к социальному хаосу. Нарушение связей между *отдельными* звеньями инфраструктуры приводит к потере социумом своей целостности и к появлению ряда небольших социумов, в которых меньше «базовых социальных модулей» и проще взаимосвязи между ними, а значит, в таких обществах возможны более стремительные изменения.

Таким образом, «закон социально-исторической инерции» обуславливает ту или иную скорость трансформации обществ или, другими словами, наличие инерции в изменениях социумов.

История межкорейских отношений начала XXI в. дает хороший пример проявления «закона социально-исторической инерции».

Первая половина 2000-х годов характеризовалась процессами межкорейского сближения. В июне 2000 г. и в октябре 2007 г. южнокорейские президенты дважды посещали Пхеньян и встречались с лидером КНДР Ким Чен Иром. Принятые по итогам этих визитов совместные декларации служили ориентирами для развития межкорейских отношений.

Одним из аспектов межкорейского сближения была организация туристических поездок граждан Республики Корея в северокорейскую туристическую зону в горах Кымгансан.

Туристические поездки в горы Кымгансан, межкорейские отношения и социально-историческая инерция

Туристические поездки южнокорейских граждан в горы Кымгансан начались 18 ноября 1998 г. и стали одним из направлений реализации политики «солнечного тепла», проводившейся президентом Республики Корея Ким Дэ Чжуном.

За время с конца 1998 г. по август 2008 г. в туристическом комплексе, получившем в КНДР статус особой зоны (2002 г.), были выстроены развитые гостиничная и развлекательная инфраструктуры, проложены автомобильные дороги. С сентября 2003 г. начались поездки из Южной Кореи в туристический комплекс Кымгансан по шоссейным дорогам. Железные дороги Севера и Юга, в том числе и у восточного побережья, были воссоединены 14 июня 2003 г., а межкорейская железнодорожная линия, проходящая вдоль западного побережья Корейского п-ова, формально начала эксплуатироваться с мая 2007 г. К 2005 г. туристическую зону Кымгансан посетил 1 млн южнокорейских туристов.

Таким образом, можно говорить о том, что к 2008 г. вокруг туристической зоны Кымгансан сформировался сложный инфраструктурный комплекс и развитая система «базовых социальных модулей», в работу которых было вовлечено огромное количество людских и экономических ресурсов как Южной, так Северной Кореи.

Поэтому, когда в 2008 г. новый президент Республики Корея Ли Мен Бак начал проводить новую «прагматическую» политику в сфере межкорейских отношений, основанную на инициативе «Денуклеаризация, открытость, 3000», Кымгансанский туристический проект не прекратил свое существование в одночасье. В его работе был задействован южнокорейский бизнес, причем известный — корпорация «Хендэ Асан», вложившая немало средств в развитие проекта, — и остановить его без каких-либо веских причин было невозможно, тем более учитывая то, какое внимание именно экономическому развитию Республики Корея уделял президент Ли Мен Бак (проявление «закона исторической инерции»).

Резким тормозом, практически полностью прекратившим деятельность Кымгансанской туристической зоны, стали события

11 июля 2008 г., когда южнокорейская туристка Пак Ванчжа была застрелена северокорейским солдатом в зоне (или «рядом с зоной»), находившейся вне территории туристического комплекса.

С точки зрения официальных властей Северной Кореи, полная ответственность за инцидент лежала на южнокорейской стороне³. Естественно, что позиция южнокорейской стороны была противоположной.

Вслед за указанным инцидентом поездки южнокорейских граждан в туристический комплекс Кымгансан прекратились. 12 июля 2008 г. правительством Республики Корея был издан соответствующий указ.

Развитая инфраструктура туристического комплекса позволила быстро и оперативно прекратить процесс туристических поездок южнокорейских граждан в Северную Корею.

С другой стороны, социально-экономические и людские ресурсы, занятые в обслуживании туристического комплекса (структура «базовых социальных модулей»), создавали эффект «социально-исторической инерции». Было не так просто окончательно прекратить налаженный за много лет процесс обслуживания южнокорейских туристов. На протяжении всего августа 2008 г. создавалось впечатление, что стороны пытались урегулировать конфликт так, чтобы было возможно продолжение временно приостановленного экономического проекта. 24 июля 2008 г. правительство Южной Кореи обратилось с просьбой к властям Северной Кореи допустить группу экспертов на территорию, где произошел инцидент, но северокорейская сторона это предложение не приняла.

И только 3 августа 2008 г. власти КНДР приняли решение о высылке большинства южнокорейского обслуживающего персонала из туристического комплекса (хотя определенное количество южнокорейских граждан постоянно присутствовали в Кымгансане вплоть до 2010 г. для того, чтобы иметь возможность обслуживать неиспользовавшуюся южнокорейскую собственность).

Туристические поездки в Кэсон для осмотра исторических памятников города, которые организовывала все та же корпорация «Хендэ Асан», занимавшаяся Кымгансанским проектом, продолжались вплоть до 29 ноября 2008 г., до тех пор, пока северокорейская сторона не приняла решение о прекращении указанных туров⁴.

Таким образом, и в этом случае можно проследить известную «инерцию» в действии процесса туристических поездок южнокорейских граждан в КНДР.

Очевидно, что решение о прекращении этих поездок было связано с комплексом причин: 1) общей тенденцией ухудшения межкорейских отношений; 2) использованием Южной Кореей Кэсонской промышленной зоны в качестве места антисеверокорейской пропаганды (разбрасывание соответствующих листовок⁵); и, главное, 3) отсутствием инерциальных факторов социально-экономического характера: туры в Кэсон, в отличие от Кымгансана, не были многодневными, и там не было развитого гостинично-развлекательного комплекса, который бы требовал особого обслуживания.

Однако в целом вторая половина 2008 г., несмотря на резкое ухудшение межкорейских отношений, еще показывала сохранение тенденции (или другими словами – инерции) на «развитие» межкорейских отношений.

Так, 25 сентября 2008 г. президент Ли Мен Бак высказал согласие на предложение лидера Демократической партии Республики Корея Чон Се Гюна использовать «ноу-хау» партии в налаживании контактов с Северной Кореей и оказать КНДР гуманитарную помощь продовольствием и удобрениями⁶.

И хотя 16 октября 2008 г. КНДР пригрозила заморозить все отношения с Южной Кореей, наличие исторической инерции, обусловленной факторами, обозначенными выше, не позволило межкорейским отношениям прекратиться вовсе, в том числе и в вопросе восстановления туристических поездок граждан РК в горы Кымгансан.

С 12 по 17 августа 2009 г. председатель корпорации «Хендэ Асан» Хен Чжон Ын посетила Пхеньян, где ей удалось встретиться с лидером КНДР Ким Чен Иром и обсудить возможности восстановления туров в Кымгансан. По итогам ее визита были достигнуты договоренности о восстановлении туров в Кымгансан и Кэсон, о проведении встречи членов разделенных семей в горах Кымгансан в ближайший «праздник урожая и поминовения предков» *чхусок* (осень 2009 г.).

Уход из жизни экс-президента Ким Дэ Чжуна 18 августа 2009 г. и визит в Сеул на его похороны делегации КНДР, которую 23

августа 2009 г. принял президент РК Корея Ли Мен Бак, вместе с успешным визитом в Пхеньян председателя корпорации «Хендэ Асан» Хен Чжон Ын – все это дало толчок к оживлению межкорейских контактов.

26–28 августа 2009 г. в туристическом комплексе Кымгансан произошла встреча делегаций Красного Креста двух корейских государств, а 27 сентября там же началась встреча членов разделенных семей Юга и Севера.

В связи с указанным выше необходимо отметить следующее: наличие развитой межкорейской инфраструктуры в горах Кымгансан, так же, как и *механизма* межкорейских обменов, стало фактором, способствовавшим быстрому (временному) восстановлению контактов между Югом и Севером.

14 октября 2009 г. в здании Комитета экономического сотрудничества Юга и Севера, расположенного в Кэсонской промышленной зоне, начались переговоры о совместных мероприятиях по борьбе с наводнениями на р. Имчжинган.

А 23 октября 2009 г. в южнокорейской прессе появились сообщения, которые и в дальнейшем повторялись, о том, что между Югом и Севером проходят неофициальные переговоры о возможной встрече лидеров Северной и Южной Кореи в третьей стране⁷.

Однако уже 10 ноября 2009 г. в Желтом море, в районе северной разграничительной линии, произошла перестрелка между кораблями береговой охраны Севера и Юга. При этом ее нельзя назвать явлением закономерным, отвечающим тенденциям «исторической инерции», поскольку уже через несколько месяцев ситуация в межкорейских контактах показала новую положительную тенденцию.

14 января и 8 февраля 2010 г. в Кэсоне прошли переговоры между представителями Юга и Севера Кореи по вопросу возобновления туристических поездок в Кымгансан и Кэсон. Но они закончились безрезультатно⁸.

В ответ северокорейская сторона для того, чтобы подтолкнуть южнокорейскую сторону к возобновлению переговоров по вопросу туров в Кымгансан, 18 марта 2010 г. уведомила о начале «инспекции» южнокорейских объектов недвижимости в туристическом комплексе и о возможности их замораживания или передачи

«другим операторам». Официальное решение о замораживании южнокорейских объектов недвижимости в Кымгансане северокорейское Управление по развитию объектов достопримечательностей объявило 8 апреля 2010 г.⁹, а 13 апреля северокорейская сторона потребовала, чтобы в течение 24 часов все южнокорейские граждане, занимавшиеся обслуживанием южнокорейской недвижимости в Кымгансане, покинули территорию Северной Кореи.

С марта по июль 2010 г. северокорейская сторона организовывала туры для китайских туристов в горы Кымгансан, в том числе с использованием собственности компании «Хендэ Асан», что вызвало соответствующие протесты южнокорейской компании.

Подрыв южнокорейского корвета «Чхонан», случившийся 26 марта 2010 г., на некоторое время практически полностью заморозил межкорейские отношения. Причем конкретные меры, направленные против КНДР, южнокорейское руководство начало принимать только в мае 2010 г.

Тем не менее 27 августа 2010 г. делегация представителей пяти южнокорейских религиозных организаций (католики, протестанты, *чхондоге*, буддисты, *вон-буддисты*) отправилась в Пхеньян и доставила туда 300 т продовольственной помощи¹⁰.

Сайт корпорации «Хендэ Асан» (<http://www.hyundai-asan.com>), посвященный турпоездкам в горы Кымгансан, все еще функционирует и предлагает желающим несуществующие туры. Последние новости на нем датированы февралем 2009 г. Но есть готовая ожить инфраструктура, есть отработанные пути межкорейских связей и принципиальное желание жителей двух государств сблизиться, а в перспективе — и объединиться.

С другой стороны, желания северокорейской стороны запустить временно остановленную деятельность туристического комплекса Кымгансан, наличие в этом комплексе всей необходимой материальной базы может привести к тому, что комплекс будет работать без участия южнокорейской стороны и не для граждан Республики Корея¹¹.

Однако события 23 ноября 2010 г. у острова Енпхендо на время снова притормозили процесс межкорейского диалога и сотрудничества.

...

¹ Философский словарь. М., 1963. С. 177–179.

² «По С. Франку, существует общий закон исторической инерции, согласно которому “вековой душевный опыт народа продолжает жить еще долго после устранения условий, его порождавших” (Франк С. Из размышлений о русской революции)». *Цит. по: Скляр А. Основы физики духа.* М., 2000. URL: <http://www.lah.ru/text/sklyarov/glava35.htm>

³ ЦТАК. 14.07. 2008.

⁴ *Хон Чжинсу.* Воспроизведение основных моментов позиции Юга и Севера. Только подтверждение основного в [проекте] Кымгансан // Кёнхян синмун. 18.02.2010. URL: <http://blog.daum.net/ganyou/225>

⁵ Так, 25 октября 2008 г. южнокорейские бизнесмены обратились с просьбой к южнокорейской организации «Собрание семей Юга и Севера» прекратить подготовку и распространение антисеверокорейских листовок // Ёнхап. 26.10.2008.

⁶ Мунхва ильбо. 05.26.2008. URL: <http://www.munhwa.com/news/view.html?no=20080925MW164420428662>

⁷ Ёнхап. 23.10.2009. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2009/10/23/0501000000AKR20091023066100001.HTML?template=2085>

⁸ *Хон Чжинсу.* Переговоры о возобновлении туров в Кымгансан // Кёнхян синмун. 18.02.2010. URL: <http://blog.daum.net/ganyou/225>

⁹ ЦТАК. 08.04.2010.

¹⁰ Ёнхап. 27.08.2010. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2010/08/27/0505000000AKR20100827071200060.HTML?template=2087>

¹¹ Северимеет планы открыть казино в Кымгансане. Желание работать с китайскими туристами // Ёнхап. 12.04.2011. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2011/04/12/0505000000AKR20110412068200014.HTML?template=2087>

*Р. Л. Казарьян **

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПОЛИТИКИ «СОЛНЕЧНОГО ТЕПЛА»

С сожалением приходится констатировать, что к концу первого десятилетия XXI в. на Корейский полуостров вернулась напряженность, граничащая с открытым вооруженным противостоянием. Это сожаление усугубляется еще более и тем, что на рубеже веков впервые за предшествовавшие десятилетия острого противостояния оба корейских государства нашли возможность и политическую волю преодолеть разногласия и сделали серьезный шаг к стратегическому сотрудничеству. Пожалуй, символической кульминацией этого сближения можно назвать первый в истории корейских государств саммит на высшем уровне 2000 г.

В течение нескольких последующих лет ситуация на полуострове была относительно стабильной, постепенно и поступательно налаживались сотрудничество и контакты во многих сферах, но с явным акцентом на экономический фактор, а также различного рода культурные обмены.

Несмотря на то что разного рода инициативы по сближению обоих корейских государств и началу контактов не раз декларировались обеими сторонами, на практике это произошло только в конце прошлого столетия. Потепление в отношениях между Севером и Югом традиционно связывают с провозглашением в 1998 г. президентом РК Ким Дэ Чжун политикой «солнечного тепла» (кор. *хэппет чончхэк*). В течение почти 10 последующих лет эта политика являлась основным курсом Южной Кореи в выстраивании отношений с Севером. Суть политики сводилась к признанию факта существования двух корейских государств, отказу от идеи насильственного объединения или любой другой деятельности, направленной на свержение власти, налаживанию всесто-

* Институт востоковедения РАН, Москва.

ронного мирного сотрудничества и сосуществования с целью подготовки основ для будущего мирного же объединения. При этом отмечалось, что Юг не потерпит никаких военных провокаций со стороны Севера.

Последующее развитие событий на Корейском полуострове продемонстрировало серьезный потенциал политики «солнечного тепла». Не останавливаясь детально на достижениях в межкорейских отношениях, отметим уже одно то обстоятельство, что самые разные оценки событий, последовавших за встречей на высшем уровне 2000 г., содержат в себе слова «беспрецедентный», «прорыв», «исторический». Действительно, подобных контактов и обменов история отношений Юга и Севера не знала. Среди крупнейших экономических проектов двух государств необходимо отметить Кымгансанский туристический комплекс, Кэсонскую промышленную зону, проект соединения железных дорог Севера и Юга и ряд других совместных проектов. Важным для народа Кореи стало неоднократное проведение встреч родственников семей, разделенных в ходе Корейской войны 1950–1953 гг.

Понимая, что для осуществления политики «солнечного тепла» крайне важна стабильная внешнеполитическая обстановка и поддержка мирового сообщества, Ким Дэ Чжун осуществил серию визитов в США, Японию, Китай и Россию для поддержки своего начинания. На первых порах в этом направлении удалось достигнуть больших результатов. Так, в июне 2000 г. после примерно 50 лет были частично сняты экономические санкции США в отношении КНДР. Северная Корея установила дипломатические отношения с целым рядом европейских государств, среди которых Швеция, Финляндия, Португалия, Дания, Австрия.

Но, пожалуй, самым главным и до сих пор непревзойденным достижением указанной политики явилась общая стабилизация на полуострове, длительное время остававшемся одним из самых напряженных и взрывоопасных мест на планете.

Следует отметить, что еще во времена президентства Ким Дэ Чжуна и Но Му Хена политика «солнечного тепла» подвергалась критике. Несмотря на серьезный прорыв в отношениях между Севером и Югом, сложнее оказалось удержать планку и продуктивно двигаться дальше. Так, например, один из ключевых проектов, проводимых в рамках политики «солнечного

тепла», — Кымгансанский туристический проект — долгое время оставался убыточным и требовал постоянной государственной поддержки. Сотрудничество с Северной Кореей требовало существенных финансовых затрат, что в условиях трудного преодоления южнокорейской экономикой последствий финансового кризиса 1997 г. было довольно тяжело. Наконец, проведение политики «солнечного тепла» находило поддержку не во всех странах. Сближение Севера и Юга было совсем не на руку США. Республика Корея находилась под постоянным внешнеполитическим давлением своего союзника. Внутриполитическая оппозиция постоянно подвергала острой критике политику «солнечного тепла», считая это не более чем политическим «пиаром» власти, а также осуждая перекачивание денег из бюджета страны на Север и позицию РК в ООН по вопросам, касавшимся осуждения каких-либо действий Северной Кореи.

В 2003 г. в Южной Корее разгорелся серьезный скандал, связанный с проведением саммита в 2000 г. и последующим присуждением Ким Дэ Чжуну Нобелевской премии мира. Тогда выяснилось, что за несколько дней до исторической встречи на высшем уровне администрация Ким Дэ Чжуна и компания «Хендэ Асан» при содействии Korea Exchange Bank осуществили секретный перевод суммы в размере 500 млн долл. на счета руководства КНДР якобы для проведения саммита. Выход КНДР из Договора о нераспространении ядерного оружия, последующие намеки на обладание ею этим оружием и, наконец, его испытания окончательно подорвали веру общественности в целесообразность и успех дальнейшего проведения политики «солнечного тепла».

В последний год своего президентства (2007) Но Му Хен посетил Пхеньян с визитом и встретился с Ким Чен Иром, однако ряд достигнутых на саммите важных и перспективных договоренностей впоследствии не был реализован. Дело в том, что к этому моменту в Южной Корее уже шла предвыборная гонка и было очевидно, что некоторые кандидаты на пост президента страны не поддерживают идею продолжения политики «солнечного тепла».

С приходом к власти администрации президента Ли Мен Бака в 2008 г. во взаимоотношениях Севера и Юга произошли существенные изменения. Новый президент фактически свернул политику предыдущих администраций и обозначил новый курс в от-

ношениях с северным соседом. Еще до вступления в должность, в своей предвыборной кампании Ли Мен Бак призывал к пересмотру политики по отношению к Северной Корее и выдвинул собственную программу сотрудничества: «Денуклеаризация, открытость, 3000». В обмен на открытость и полный отказ от обладания ядерным оружием Ли Мен Бак обещал предоставить КНДР экономическую помощь, позволяющую довести уровень дохода на душу населения страны до 3 тыс. долл. в год. И, несмотря на то что формально политика «солнечного тепла» не отменялась и некоторые проекты продолжали существовать, правительство Южной Кореи дало понять, что хочет выстраивать свои отношения с Севером иначе. Последовало не просто охлаждение отношений, но, скорее, разрыв, а трагические события 2010 г. чуть было не поставили оба государства на грань новой войны¹.

Возвращаясь к проблеме политики «солнечного тепла», нужно отметить, что основные принципы, лежавшие в ее основе, фактически уже были так или иначе сформулированы ранее в ходе многолетнего и неспешного межкорейского диалога. Началом было положено в 1970-х годах, когда, на фоне общей разрядки напряженности в мире, по обе стороны 38-й параллели пришли к пониманию того, что новая война не решит проблемы объединения и необходим мирный переговорный процесс. 4 июля 1972 г. стороны подписали Совместное заявление Севера и Юга, в котором были сформулированы общие принципы будущего объединения: самостоятельность, мирный путь, общая консолидация единого народа Кореи, вне зависимости от идеологии и различий общественных систем². Необходимо понимать, что в условиях болезненного разделения Кореи и постепенного устранения последствий гражданской войны, существования двух диаметрально противоположных и враждебных друг другу социально-политических, экономических и идеологических систем на Юге и Севере, в условиях принципиального противостояния двух мировых систем, стоявших за обоими корейскими государствами, выработка пусть даже и общих принципов возможного объединения представлялась труднейшей задачей. Тем не менее попытка была осуществлена, и было положено начало поступательному движению на пути нелегкого урегулирования. Однако даже самые общие принципы требовали дальнейшей проработки и конкретизации.

В 1980 г. Ким Ир Сен представил программу создания конфедерации двух корейских государств, суть которой сводилась к взаимному признанию существования на Севере и Юге двух разных политических систем, но при этом создавалось бы единое правительство с равным представительством южан и северян³.

В последующие годы свое видение путей объединения страны представили и лидеры Южной Кореи – Ро Дэ У и Ким Ен Сам. Однако наиболее интересна разработанная и предложенная Ким Дэ Чжуном в начале 1990-х годов (задолго до его вступления на пост президента Южной Кореи) программа создания конфедерации республик, состоящей из двух различных политических образований на Севере и Юге, каждое из которых имело собственное правительство. Обе стороны создавали бы общую федеральную систему, включая федеральное собрание, которое в перспективе, на основе опыта совместного сосуществования двух государств в одной конфедерации, разработает окончательный план объединения страны⁴. В своей программе Ким Дэ Чжун особо подчеркивал 3 этапа: мирное сосуществование, мирный обмен и мирное объединение⁵.

В идее конфедерации Ким Ир Сена, а также в плане Ким Дэ Чжуна, а позднее и в его политике «солнечного тепла» лежат схожие базовые принципы и этапы политико-экономического сближения и интеграции. В частности, и для Ким Ир Сена, и для Ким Дэ Чжуна была очевидна стратегическая долгосрочная перспектива объединения, но в одном варианте с единым правительством, в другом – с самостоятельными правительствами в каждой половине страны. Интересно, что оба плана (так же, как, например, и идея федеративного государства Ким Ен Сама) предполагали долгосрочное сосуществование двух различных социально-политических систем, со своим укладом и экономикой, в результате чего была бы постепенно выработана схема совместного хозяйствования. Это как раз то, с чего фактически начался раскол Кореи: разрыв налаженных веками хозяйственных отношений между северной и южной частями полуострова отрезал Юг от Севера и превратил некогда единую экономику в две независимых. И Ким Дэ Чжун, и Ким Ир Сен предлагали создать некий политико-юридический базис для восстановления общей экономики. Вот эта идея и легла в основу политики «солнечного тепла»,

несмотря на неоднократные заявления Ким Дэ Чжуна о том, что в ней подразумевается четкое разграничение политики и экономики. На практике роль экономического фактора в проведении этой политики оказалась значительна.

Как таковое экономическое сотрудничество между Севером и Югом началось еще в начале 1990-х годов, когда Северная Корея пересмотрела принятый в середине 1980-х годов Закон о совместных предприятиях, что позволило основать зону свободной торговли «Раджин–Сонбон»⁶. С переменным успехом небольшие совместные проекты имели место, однако настоящий прорыв в развитии межкорейских экономических отношений произошел только после принятия необходимых политических решений. Очень быстро стало очевидным, что установлению и развитию экономических отношений должно предшествовать политическое урегулирование, которое, в свою очередь, достижимо посредством установления экономических связей. «Представляется, что главной, своего рода “несущей” конструкцией всей системы межкорейского экономического диалога могло бы стать установление в том или ином объеме нормальных официальных отношений между КНДР и РК. Юридическое признание друг друга корейскими государствами придаст большую легитимность экономическим связям, обеспечит им стабильность, долгосрочность, перспективу, т.е. все то, из-за чего в значительной степени стопорится межкорейское сотрудничество сейчас»⁷.

Стабилизация ситуации на Корейском п-ове оказалась одинаково выгодна и бизнесу, и государству. А фактор экономического взаимодействия и сотрудничества послужил важным средством, аккумулирующим потенциал для дальнейшего развития отношений между Севером и Югом во всех сферах.

Главенствующая роль в инициализации процесса нормализации отношений с Северной Кореей принадлежит государству, которое, как это уже не раз было в истории страны, избрав определенный курс, неукоснительно следовало ему, выступая гарантом для крупных компаний в части их экономической деятельности, поскольку предыдущие попытки установления самостоятельных контактов для осуществления экономических проектов оказались безуспешными.

Характеризуя роль крупного капитала, а также отдельных его представителей в осуществлении государственной стратегии, на-

правленной на вовлечение КНДР в диалог и коренной перелом в двусторонних отношениях Севера и Юга, наиболее уместным, на наш взгляд, определением является известная формулировка «проводник политики». Недаром после кончины в 2002 г. почетного председателя компании «Хендэ Асан» Чон Чжу Ена, власти КНДР, признавая его большие заслуги в межкорейском сотрудничестве и деле объединения, направили официальную делегацию на его похороны. Делегация также передала послание Ким Чен Ира⁸. Это был первый и пока единственный случай, когда южнокорейский бизнесмен удостоился такой чести от высшего руководства КНДР.

Сегодня, на фоне беспрецедентного ухудшения двусторонних отношений Севера и Юга, все, что касается достижений политики «солнечного тепла», кажется далеким и почти нереальным. Тем не менее пока история не знает более эффективного способа сближения Севера и Юга и снятия напряженности на полуострове в строгом соответствии с принципами самостоятельности и невмешательства. В этом отношении практическое значение опыта претворения в жизнь политики «солнечного тепла» будет оставаться актуальным. Важным аспектом здесь является известный тезис о взаимозависимости политической и экономической составляющих. Названная политика продемонстрировала возможности достижения политических целей путем экономического взаимодействия, для осуществления которого, в свою очередь, необходима политическая воля и политическая же основа. Анализ опыта претворения политики «солнечного тепла», включая ошибки и просчеты, позволит выявить не только возможные варианты путей выхода из кризиса сегодня, но и обеспечит стабильную основу для продвижения к мирному объединению.

Ким Дэ Чжун не раз писал о том, что Корея не существует отдельно от остального мира, и решение проблемы объединения в силу исторических причин так или иначе связано с участием ближайших соседей. «Взаимодействие между четырьмя сверхдержавами — это обязательное условие объединения, к которому стремится наш народ. Мы всегда должны помнить, что, хотим мы того или нет, самой судьбой нам предназначено быть неразрывно связанными с этими четырьмя сверхдержавами»⁹.

С сожалением нужно констатировать и тот факт, что сворачиванию политики «солнечного тепла» в известной степени спо-

собствовал и пресловутый «внешний фактор». Корейский п-ов по сей день остается одной из основных точек напряженности на карте мира, и общемировые геополитические процессы так или иначе сказываются на ситуации в Корее. Агрессивная политика США на Ближнем Востоке, вторжение в Ирак и Афганистан под различными и зачастую не оправдавшими себя предлогами, милитаристская риторика в адрес КНДР и т.д. — все это, безусловно, отразилось на ситуации на Корейском полуострове и, главным образом, на внешнеполитической и военной доктринах самой КНДР. Все это лишней раз подтверждает важность одного из провозглашенных и зафиксированных в совместных заявлениях Севера и Юга принципов мирного объединения — самостоятельность. Это действительно объективное и необходимое условие для стабилизации обстановки на полуострове.

Большая часть срока президентских полномочий Ли Мен Бака позади, и, в общем, уже очевидно, что политика нынешней администрации в отношении Северной Кореи вряд ли претерпит какие-либо серьезные изменения. При этом большинство специалистов сходятся во мнении, что в целом политика Ли Мен Бака в отношении Северной Кореи оказалась менее удачной. Цели, декларированные при вступлении в должность, не выполнены, предыдущие достижения и договоренности либо заморожены, либо приостановлены, ситуация на полуострове вновь взрывоопасна и балансирует на грани вооруженного столкновения.

В ситуации сомнительной перспективности официального курса администрации Ли Мен Бака в отношении Северной Кореи вариант частичного использования арсенала политики «солнечного тепла» для нормализации отношений с КНДР вполне разумен и актуален. Ко всему прочему, нынешняя довольно неоднозначная оценка стабильности и перспектив северо-корейской власти предполагает разработку различных сценариев развития событий на полуострове в случае каких-либо потрясений на Севере. Вряд ли текущая политика Республики Корея в отношении КНДР смягчит волну проблем, которая неминуемо накроет Юг в случае крушения северо-корейского режима. Неопределенность курса США в отношении Северной Кореи в каком-то смысле также подталкивает Сеул к выработке собственной, независимой линии в отношениях с Севером. Предпосылкой для пересмотра су-

шествующей внешнеполитической линии в отношении Севера более чем достаточно, и не понимать этого в Сеуле не могут.

Актуален ли сегодня возврат к политике «солнечного тепла» по отношению к Северной Корее? Нам представляется, что инициатива, похожая на модель политики «солнечного тепла», построенная на принципах, утвержденных в основных совместных документах Севера и Юга 1972, 1991, 2000 и 2007 гг., и предполагающая сдержанное политико-экономическое сотрудничество и сосуществование в рамках имеющихся систем и идеологий, — это единственная на данный момент практически реализуемая стратегия урегулирования корейского вопроса. И новый пересмотр политики в отношении Северной Кореи будущей администрацией неизбежен. Для выработки более совершенной и отвечающей современным тенденциям и реалиям политики нужно внимательно изучить позитивный и негативный опыт названной политики. Необходим серьезный, детальный анализ и корректировка ряда ее элементов с учетом изменившейся внутренне- и внешнеполитической обстановки. Безусловно, потребуются серьезная проработка конкретных механизмов взаимодействия различных политических, социальных и иных, в том числе бизнес-структур, действующих в рамках политики, подобной «солнечного тепла».

Объединение Кореи — сложная и многогранная проблема. Это стратегическая задача, решение которой, учитывая социально-политические, экономические и идеологические различия, — процесс долгосрочный и многоэтапный. И политика «солнечного тепла» или аналогичный ей политический курс — всего лишь составные этого процесса. Успех здесь зависит напрямую от последовательности в проведении четко выработанного единого курса. Крайне важным представляется вынесение этой проблемы за рамки текущей политической борьбы, как это уже бывало в Южной Корее, с тем, чтобы не прерывать поступательного сотрудничества между Севером и Югом, а также их мирного сосуществования. Частые смены курса новыми администрациями РК, внешнеполитическое давление и санкции, периодически предпринимаемые против Северной Кореи, — основные факторы, дестабилизирующие процесс сближения разделенного народа.

Безусловно, необходимы и адекватные ответные шаги со стороны Северной Кореи, ясно и четко демонстрирующие не только

Южной Корее, но и мировому сообществу волю к мирному сотрудничеству и постепенной интеграции в общемировые экономические и политические процессы.

Столь же важным является и приверженность провозглашенному принципу самостоятельности в объединении страны. Очевидно, что и в ближайшей, и в долгосрочной перспективе невозможно избежать воздействия внешнеполитического фактора на процесс сближения Севера и Юга. И поэтому мировому сообществу необходимо также приложить определенные усилия для выработки решения, соответствующего принятым корейскими правительствами принципам объединения, чтобы не мешать, а содействовать мирному и самостоятельному диалогу Севера и Юга, а также возвращению долгожданной «оттепели» на Корейский полуостров.

¹ Имеются в виду инциденты с потоплением южнокорейского корвета «Чхонан» в марте 2010 г. и артиллерийский обстрел южнокорейского о. Енпхендо в спорной акватории в Желтом море в ноябре 2010 г.

² Корейское урегулирование и интересы России. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 332.

³ *Ванин Ю.В.* Корея на трудном пути к воссоединению // Корея на рубеже веков. М.: ИВ РАН, 2002. С. 316–318.

⁴ *Ким Дэ Чжун.* Южная Корея: Драмы и надежды демократии. М., 1992. С. 165.

⁵ *Ким Бен Кук.* Президент Республики Корея Ким Дэ Чжун. М.: Республика, 1998. С. 185–186.

⁶ *Сулина С.С.* Межкорейский экономический диалог и южнокорейский крупный бизнес // Перспективы межкорейского диалога: внутренние и внешние аспекты. М.: ИДВ РАН, 2002. С. 96.

⁷ Там же. С. 94.

⁸ *Курбанов С.О.* История Кореи. С древности до начала XXI в. СПб: СПГУ, 2009. С. 527.

⁹ *Ким Бен Кук.* Указ. соч. С. 134.

*Л. В. Захарова**

КЭСОНСКИЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС: НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Кэсонский промышленный комплекс (КПК) является единственным продолжающим функционировать совместным проектом Севера и Юга Кореи на современном этапе развития экономических отношений между ними. На его долю приходится 70% всей межкорейской торговли. Объемы производства в КПК продолжают увеличиваться, несмотря на начавшееся в 2008 г. обострение военно-политических отношений КНДР и РК и предпринятые в 2010 г. Сеулом меры по замораживанию межкорейской торговли.

С учетом текущей ситуации, КПК и в настоящее время продолжает находиться на первой стадии своей реализации. Планировавшийся в конце 2007 г. переход ко 2-й стадии развития Кэсонской свободной экономической зоны так и не был осуществлен в связи с обострившимися межкорейскими отношениями после прихода к власти администрации Ли Мен Бака, а также в связи с мировым финансовым кризисом, начавшимся в конце 2008 г. Согласно первоначальному плану компании «Хендэ Асан», на 1-м этапе развития КПК в нем на территории в 3,3 кв. км должны работать 300 южнокорейских компаний и 100 тыс. северокорейских рабочих при годовом объеме производства в 2,5 млрд долл.¹ Тем не менее в феврале 2011 г. в нем функционировали лишь 122 южнокорейские компании, на предприятиях которых работали более 46 тыс. северокорейских рабочих. Общая стоимость произведенной в КПК продукции в сентябре 2010 г. превысила 1 млрд долл., а годовой объем производства КПК за 2010 г. составил 323 млн долл. (рост по сравнению с 2009 г. — 26%)².

* Институт Дальнего Востока РАН, Москва.

Согласно ст. 3 Закона КНДР о Кэсонской промышленной зоне (КПЗ), осуществлять инвестиции в нее могут физические и юридические лица, а также экономические структуры Южной Кореи, зарубежных корейцев и других стран. Однако в этот список не были включены экономические субъекты КНДР³. Иностранное предприятие, желающее открыть свое производство в КПК, должно либо быть совместной с южнокорейскими инвесторами компанией, либо иметь филиал в РК, а также планировать инвестиции в КПК в размере более 50 млн вон. На первом этапе развития комплекса специально для иностранных компаний было выделено 6 мест, однако спрос на них оказался невысок. Первыми проявили интерес китайские компании, 2 из которых в 2007 г. подписали контракты на строительство предприятий в Кэсоне. Однако в итоге первой некорейской компанией, начавшей строить фабрику в КПК в 2008 г., стал немецкий производитель автозапчастей Prettl⁴.

На территории КПК Северная Корея гарантировала инвесторам определенные льготы в экономической деятельности, в частности при найме рабочей силы, землепользовании и налогообложении. По Закону КНДР о КПЗ, инвесторы получили гарантии от национализации их имущества. Компаниям-участникам проекта северокорейская сторона предоставила землю в аренду на 50 лет с возможностью последующего продления срока аренды. В то же время компании-арендаторы получили возможность бесплатно пользоваться землей в течение 10 лет и выплаты арендной платы начиная лишь с 2014 г.

Расположенные в Кэсоне южнокорейские предприятия пользуются достаточно благоприятным режимом налогообложения в КНДР. В частности, в течение первых 5 лет они платят только налог на доходы физических лиц, муниципальный налог (0,5% от размера месячной зарплаты), а также налог на автотранспорт (около 40 долл. в год). Они полностью освобождены от уплаты налога на имущество в течение 5 лет и налога на доходы предприятий (14% от прибыли) в течение первых 5 лет после начала получения прибыли (и еще в течение 3 лет после этого могут выплачивать лишь 50% от него). При этом инвестиции в строительство инфраструктуры, в отрасли легкой промышленности и высоких технологий пользуются особыми преимуществами от правительства

КНДР. Ставка налога на доходы предприятий этих отраслей была снижена с 14 до 10%. Все это выглядит весьма привлекательным, если учесть к тому же отсутствие таможенных пошлин на ввоз сырья и оборудования и вывоз товаров.

Для своих бизнесменов южнокорейская сторона установила систему низкопроцентных кредитов, а также систему возмещения убытков, по которой за ежегодные выплаты в размере 0,5–3% (для среднего и малого бизнеса – ставка еще меньше) от объема инвестиций в КПК они могут получить компенсацию вплоть до 90% вложенных средств в случае, если функционирование их предприятий станет невозможным из-за возникновения форс-мажорных обстоятельств (например, конфискации имущества инвесторов северокорейской стороной, войны, внутреннего конфликта в КНДР, мер северокорейских или южнокорейских властей по приостановке деятельности комплекса).

Основными элементами системы управления КПК являются Центральное управление КНДР по развитию специальных зон, южнокорейские компании-разработчики (Корейская земельная корпорация и «Хендэ Асан») и Управляющий комитет Кэсонской промышленной зоны (КПЗ). Центральное управление КНДР по развитию специальных зон определяет, какие компании будут допущены в зону, осуществляет руководство функционированием комплекса и деятельностью Управляющего комитета, составляет инструкции по выполнению законов, касающихся КПК, обеспечивает рабочую силу и материалы для работы комплекса, а также управляет сбором налогов в нем. Корейская земельная корпорация отвечает за аккумуляцию капитальных средств, распределение территории под фабрики и проектирование комплекса в целом. «Хендэ Асан» осуществляет строительные работы в КПК.

Управляющий комитет КПЗ состоит из сотрудников, назначенных компаниями-разработчиками. Кроме того, в него могут входить сотрудники, рекомендованные Центральным управлением КНДР по развитию специальных зон. Управляющий комитет занимается определением условий инвестирования в зоне, привлечением инвестиций, выдачей разрешений на учреждение компаний и осуществление коммерческой деятельности в комплексе, регистрацией предприятий, предоставляет права на пользование землей в КПК, регистрирует транспортные средства

в зоне, выдает пропуска на въезд южнокорейским сотрудникам и их транспортных средств, содействует экономической деятельности предприятий, руководит строительством инфраструктуры в КПК, отвечает за охрану окружающей среды и противопожарные меры в комплексе.

Для создания предприятия в КПК южнокорейской фирме нужно пройти ряд формальных процедур. Сначала необходимо получить разрешение на проект сотрудничества от Министерства объединения РК, после чего подается заявление в Управляющий комитет Кэсонской промышленной зоны. Управляющий комитет в течение 10 дней рассматривает заявку, проверяет ее на соответствие законодательству КНДР и РК и принимает решение о выдаче разрешения. Фирма, получившая разрешение на открытие предприятия в КПК, может подать заявку на его регистрацию после того, как внесет в качестве залога регистрационный капитал (более 10% от общего объема инвестиций). Днем основания предприятия в КПК считается дата получения от Управляющего комитета регистрационного свидетельства на него, после чего оно регистрируется в северокорейских таможенных и налоговых органах. Стоимость аренды 1 кв. м земли в КПК, по данным Управляющего комитета КПЗ, составляет 45 тыс. вон. Стоимость вложений в организацию промышленного предприятия в КПК, по свидетельствам компаний-резидентов, оказалась достаточно высокой и в среднем составила 394 долл. за 1 кв. м⁵.

Для въезда на территорию КПК южнокорейским гражданам не нужна виза, но они должны получить пропуск (для тех, кто находится там менее 7 дней), разрешение на пребывание (более 7 дней, но менее 1 года) или разрешение на проживание (более 1 года) в КПК. В настоящее время возможно получение лишь первых двух из вышеназванных документов. Южнокорейские сотрудники либо приезжают на работу в КПК каждый рабочий день, либо до двух недель подряд живут в общежитиях, прикрепленных к фабрикам. Там они могут смотреть южнокорейское телевидение и звонить домой в РК, однако доступа к Интернету у них нет⁶.

Согласно Закону КНДР о КПЗ, южнокорейские и иностранные работники могут свободно пользоваться почтовой, телефонной и факсимильной связью на территории комплекса. Однако в реальности в КПК продолжают сохраняться существенные ог-

раничения на средства связи и их использование. Предприятия, работающие в КПК, могут пользоваться проводной телефонной связью для звонков внутри комплекса или в Южную Корею.

Количество ежедневно находящихся на территории КПК южнокорейских сотрудников росло по мере увеличения объемов производства и в 2008 г. превысило 1 тыс. человек. Однако 1 декабря 2008 г. Северная Корея в одностороннем порядке жестко ограничила доступ в КПК для южных корейцев, сократив количество разрешений на пересечение военно-демаркационной линии для проезда в КПК с 500 человек и 200 машин до 250 человек и 150 машин в сутки. Кроме того, было уменьшено количество южных корейцев, которым разрешено находиться в КПК, с 4200 до 880 человек⁷. В августе 2009 г. данные ограничения были сняты. 24 мая 2010 г. уже РК сократила количество разрешений на пребывание своих граждан в КПК с 1 тыс. до 500 человек. Однако в ответ на жалобы компаний-резидентов в середине июля это количество было увеличено до 590, а в сентябре — до 900 человек⁸.

Товары, производимые в Кэсоне, в основном вывозятся в РК и продаются там либо экспортируются в третьи страны. По данным Управляющего комитета КПЗ, около 20% произведенной в Кэсоне продукции экспортируется в третьи страны, среди которых Китай, Россия, страны Ближнего Востока и Европы⁹.

При обозначении места производства кэсонской продукции используется 3 вида ярлыков: «Сделано в Корее», «Сделано в КНДР» и «Сделано в Кэсоне». Учитывая высокий уровень таможенных пошлин и ограничения в виде квот, установленные большинством стран мира на ввозимые из КНДР товары, южнокорейские предприятия сталкиваются с существенными тарифными и нетарифными барьерами в случае экспорта произведенных в Кэсоне товаров в третьи страны. В связи с этим на переговорах о создании ЗСТ южнокорейское правительство прилагало усилия для применения к товарам, произведенным в Кэсоне, тех же условий, что и к товарам, произведенным в РК. Например, в Соглашении о ЗСТ с Сингапуром (2006 г.) РК удалось добиться, чтобы при экспорте в Сингапур товаров, произведенных в КПК, к ним применялся режим благоприятствования, равный тому, который был предоставлен южнокорейской продукции. В Соглашении о ЗСТ РК и АСЕАН (2007 г.) предусмотрено предоставле-

ние льготных условий для ввоза в страны АСЕАН части товаров из КПК, при производстве которых было использовано более 60% южнокорейского сырья. В то же время США и Евросоюз отказались включить в Соглашения о свободной торговле с РК товары, производимые южнокорейскими фирмами в КПК.

Что касается качества производимой в комплексе продукции, то, как утверждают компании-производители, она соответствует южнокорейским стандартам и способна конкурировать с продукцией любой другой СЭЗ мира. В 2009 г. компания Sunggrim, начавшая в 2008 г. производить в КПК контейнеры для еды, получила от правительства РК высший сертификат качества, означающий, что за последние полгода доля бракованной продукции, произведенной на фабрике, составила менее 0,001% от общего объема производства. Лишь 1664 южнокорейские компании были до этого удостоены подобной награды, и обычно им требовалось 2–3 года, чтобы выйти на подобный уровень качества¹⁰.

В основе привлекательности КПК для южнокорейского бизнеса находится дешевый северокорейский труд. Использование этого фактора по состоянию на начало 2011 г. лежит в основе деятельности 122 малых и средних предприятий-резидентов (122-я компания начала свою работу 3 января 2011 г.)¹¹. По отраслевой принадлежности эти компании распределяются следующим образом: 71 компания работает в отрасли текстильной промышленности; 23 — в машиностроении и металлургии; 13 — занимаются производством электронной и электрической продукции; 9 — производят товары химической промышленности; 2 — пищевой; 3 — целлюлозно-бумажной; 1 — неметаллических минералов.

По данным Управляющего комитета КПЗ, все работающие в КПК северные корейцы, количество которых в конце 2010 г. превысило 46 тыс., имеют среднее образование, а около 20% из них закончили техникумы или институты. Дополнительную профессиональную подготовку рабочие проходят непосредственно на предприятиях или в специальном тренировочном центре на территории комплекса. Средний возраст северокорейских рабочих составляет 33 года, около 80% из них — женщины.

Процедура найма северокорейских рабочих в КПК проходит в несколько этапов. Сначала южнокорейская компания сообщает Управляющему комитету КПЗ, какое количество рабочих и

с какими характеристиками она желает нанять. Управляющий комитет КПЗ передает эту заявку северокорейскому Агентству по трудовым ресурсам, которое в свою очередь подбирает соответствующих требованиям рабочих. После того как рабочие заключают контракты трудового найма с предприятиями, последние выплачивают Агентству комиссию в размере 17 долл. за человека.

Южнокорейцы неоднократно отмечали ограничение их управленческих прав на собственных фабриках в Кэсоне. На каждом предприятии присутствуют северокорейские представители, которые изначально имели право по своему усмотрению управлять распределением рабочих заданий. Однако в середине 2010 г. в обмен на очередное повышение зарплаты южнокорейские менеджеры добились получения права осуществлять эти функции самостоятельно, без вмешательства северокорейских контролеров¹².

Официальная 6-дневная рабочая неделя в КПК равна 48 часам, однако по согласованию предприятия и представителей рабочих она может быть продлена. Помимо месячного оклада, рабочие могут получать дополнительные выплаты и поощрительные премии. За сверхурочную работу и ночные смены северные корейцы получают почасовую доплату в размере 50% от обычного оклада, а работа в праздничные дни оплачивается в размере 100% от обычного оклада или компенсируется предоставлением отпуска в другие дни. Доплаты за сверхурочную работу, по данным опроса компаний-резидентов, в 2009 г. могли составлять от 11 до 18 долл. ежемесячно. Выходные и праздничные дни для рабочих КПК установлены в дни общекорейских праздников (*чхусок*, Новый год по лунному календарю и 15 августа), а также в дни государственных праздников КНДР. Каждый рабочий имеет право на 14 дней ежегодного оплачиваемого отпуска. Отдельные доплаты получают северокорейские рабочие, выполняющие руководящие функции. Каждое южнокорейское предприятие обязано платить властям КНДР 15% от общей суммы заработной платы северокорейских рабочих в счет взносов социального страхования. Кроме того, предприятия КПК оплачивают обеды и половину транспортных расходов северокорейских рабочих, которые в 2009 г. обходились им в 36–48 долл. на одного занятого ежемесячно.

Минимальная зарплата северокорейского рабочего в КПК изначально составляла 50 долл. в месяц с возможностью ежегодно повышения не более чем на 5%. Подобные повышения начали осуществляться с 2007 г.¹³, и в настоящее время (начиная с 1 августа 2010 г.) размер минимальной зарплаты составляет 60,77 долл.

Свою заработную плату северокорейские рабочие получают не напрямую. Они расписываются в зарплатных ведомостях на предприятиях, после чего вся их зарплата в долларах передается северокорейским властям. Последние вычитают из них налоги на социально-культурные меры (около 15%) и выплачивают оставшиеся средства рабочим в форме купонов на приобретение товаров и в северокорейских вонгах по официальному курсу. В связи с этой системой оплаты труда США неоднократно поднимали вопрос об эксплуатации северокорейских рабочих в Кэсоне. Ведь официальный обменный курс в КНДР установлен на уровне в несколько раз ниже, чем реальный курс, действующий на черном рынке. И если перевести то, что получают северокорейские рабочие на руки в местной валюте, в доллары по обменному курсу черного рынка КНДР, их реальная заработная плата будет составлять лишь 2–3 долл. Но даже несмотря на это, работа в КПК, по свидетельствам северокорейских перебежчиков, считается очень хорошим местом для того, чтобы прокормить себя и свою семью, а также заработать на перепродаже на черном рынке товаров, купленных на выданные купоны в магазинах КПК.

По утверждению южнокорейской газеты «Чосон Ильбо», когда органы государственной безопасности КНДР подбирали рабочих для КПК, из Кэсона были выселены его прежние жители, а взамен из Пхеньяна и других городов были привезены проверенные на предмет благонадежности и лояльности правящему режиму граждане¹⁴. Все северокорейские рабочие живут в г. Кэсоне или окрестных деревнях и ежедневно ездят на работу в КПК и обратно на велосипедах или автобусах.

Что касается производительности северокорейских рабочих в КПК, то, по данным Управляющего комитета КПЗ, она составляет примерно 70–80% от уровня рабочих РК. Южнокорейские работодатели в Кэсоне имеют еще и то преимущество, что они говорят в принципе на одном языке с нанятыми работниками, благодаря чему приобретение северными корейцами технических

навыков, необходимых на производстве, происходит в среднем за 1–3 месяца. В аналогичном случае с северокорейскими рабочими в Китае этот процесс обычно занимает более 6 месяцев.

С самого начала работы комплекса главные неудобства для компаний-резидентов были связаны в основном с нерешенностью вопросов облегчения въезда в комплекс, ускорения процедуры таможенного досмотра и использования современных средств связи на его территории. 16 ноября 2007 г. на встрече премьер-министров Севера и Юга была достигнута договоренность об упрощении процедур въезда южнокорейских представителей в Кэсонский промышленный комплекс, установлении там Интернета, проводной и беспроводной телефонной связи¹⁵. Следует отметить, что вопросы связи так и не были решены из-за последовавшего прекращения переговоров в 2008 г.

На проведенном в конце декабря 2007 г. первом заседании Подкомитета по сотрудничеству в Кэсонском промышленном комплексе представителями РК и КНДР было решено значительно расширить возможности свободного въезда в экономическую зону и выезда из нее (с января 2008 г. это можно сделать с 7 утра до 10 вечера с понедельника по субботу, а также в воскресенье по предварительному уведомлению). В целях упрощения и ускорения процедуры таможенного досмотра было решено заменить существовавшую до этого систему полной таможенной проверки выборочным досмотром¹⁶. В августе 2009 г. северокорейские власти согласились сократить количество необходимых для предъявления на границе документов до двух (идентификационного удостоверения и разрешения на въезд). Также в 2009 г. были модернизированы линии связи военных Севера и Юга, что позволило ускорить и усовершенствовать процедуру согласования разрешений на въезд южных корейцев в комплекс.

Еще одной проблемой для предпринимателей в КПК стала нехватка северокорейской рабочей силы. Согласно данным опроса, проведенного в конце 2009 г. среди компаний-резидентов, они планировали нанять еще 26 тыс. рабочих из КНДР¹⁷. Однако решение этого вопроса упиралось в необходимость строительства новых дорог, подводящих к комплексу, и общежитий для 15 тыс. северокорейских рабочих на территории КПК (договоренность об этом была достигнута еще при Но Му Хене). На этом долго настаивали

власти КНДР, утверждая, что они не могут полностью удовлетворить потребности компаний РК в рабочей силе, пока общежития не будут построены. Северокорейские власти обеспечивали по 700–1000 новых рабочих для КПК ежемесячно в 2008–2009 гг., однако кардинально проблема нехватки рабочей силы может быть решена лишь в случае строительства для них жилых помещений. Сеулом были выделены средства на осуществление данного проекта, однако администрация Ли Мен Бака отложила строительство до достижения прогресса в урегулировании ядерной проблемы КНДР.

В конце 2008 г. – начале 2009 г. на работу предприятий в КПК повлиял мировой финансовый кризис, приведший к снижению объемов заказов на производство их промышленной продукции. Кроме того, существенный рост курса доллара по отношению к южнокорейской воне привел к увеличению реальных издержек компаний-резидентов. В результате, некоторые предприятия не могли вовремя выплачивать зарплаты северокорейской стороне¹⁸.

В 2010 г. главным препятствием для развития комплекса стали введенные Сеулом 24 мая запрет на новые инвестиции в КПК, ограничения на количество южнокорейских рабочих в Кэсоне и движение грузов через границу. Согласно данным опроса, проведенного в октябре 2010 г. среди компаний-резидентов КПК, лишь 33% из них выразило свою удовлетворенность текущими условиями работы. 32% заявило о своей неудовлетворенности складывающейся ситуацией, а 35% отметило, что работают в обычном режиме. Среди основных причин возникающих трудностей предприниматели назвали военно-политическую напряженность на полуострове (44%), неуверенность в действиях северокорейской стороны, ограничения на ввоз и вывоз сырья и ограничения на пребывание в КПК южнокорейских работников. Главными мерами, которые правительство РК должно предпринять для активизации работы комплекса, по мнению предпринимателей, является обеспечение свободного проезда и пребывания в КПК управляющего персонала (66%), а также устранение военно-политической напряженности¹⁹.

По подсчетам южнокорейского правительства, закрытие КПК будет стоить Сеулу около 500 млн долл. Эта сумма включает в себя страховые выплаты южнокорейским компаниям из Фонда межкорейского сотрудничества. Около 100 из 121 ком-

пании застраховано и имеет право на гарантийные выплаты в размере до 7 млрд вон, или до 90% от инвестированного капитала, в случае закрытия комплекса по инициативе властей одной из сторон. При этом, как отмечают сами директора компаний-резидентов, южнокорейские фирмы уже вложили в КПК более 1 трлн вон (около 834 млн долл.)²⁰.

Компании-резиденты КПК испытывают особые трудности от ограничений на въезд в комплекс для южнокорейских сотрудников, вводимых Сеулом в связи с обострением отношений между Севером и Югом. Из-за нехватки управляющего персонала фабрики не могут работать на полную мощность. Кроме того, после каждого военного столкновения или в свете его угрозы сокращаются объемы заказов на продукцию КПК. В связи с этим все большее количество южнокорейских работников комплекса в конце 2010 г. стали говорить о необходимости быть готовыми к закрытию КПК²¹.

¹ The Statistics on the Gaeseong Industrial Complex. 31.01.2006. Ministry of Unification.

² URL: <http://www.kidmac.com>

³ URL: <http://www.hani.co.kr/section-003100000/2002/11/003100000200211270940214.html>

⁴ URL: http://www.eiu.com/index.asp?layout=VWArticleVW3&article_id=1323414717®ion_id=420000442&country_id=280000028&channel_id=180004018&category_id=&refm=vwCh&page_title=Article&rf=0

⁵ URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2009/05/18/2009051800803.html

⁶ URL: <http://articles.latimes.com/2010/jun/13/world/la-fg-korea-kaesong-20100613>

⁷ The Korea Herald. 06.12.2008.

⁸ URL: <http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/m05/s10/content.asp?nkbriefNO=386&GoP=1>

⁹ URL: <http://www.kidmac.com/>

¹⁰ URL: <http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/m05/s10/content.asp?nkbriefNO=312&GoP=1>

¹¹ URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2011/01/06/2/0401000000AEN20110106005400315F.HTML>

¹² URL: <http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/m05/s10/content.asp?nkbriefNO=383&GoP=1>

¹³ URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2007/08/06/12/0401000000AEN20070806002400320F.HTML>

¹⁴ URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2010/07/31/2010073100209.html

¹⁵ URL: <http://www.infokorea.ru/about/summitnews/detail.php?ID=1356>

¹⁶ The 1st Meeting of the Subcommittee for Cooperation on Gaeseong Industrial Complex // <http://unikorea.go.kr/en/>

¹⁷ URL: <http://www.nkeconwatch.com/2009/11/23/kaesong-exports-grow-labor-shortages-worsen/>

¹⁸ URL: <http://www.rfa.org/english/news/korea/labor-02262009142752.html>

¹⁹ URL: <http://news.kbs.co.kr/economic/2011/01/26/2232682.html>

²⁰ URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2010/05/24/2010052400654.html

²¹ URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2010/12/21/2010122101006.html

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

В. С. Акуленко*

«ЭПОХА КОГУРЕ» В НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Цель данной работы – попытка найти статистическое подтверждение тенденции к повышению значимости истории государства Когуре в современной южнокорейской исторической науке. На наш взгляд, данная тенденция вызвана сочетанием нескольких факторов: обнаружением на территории Южной Кореи когуреских памятников, открывшейся возможности работать с материалом на территории Китая и России после окончания холодной войны и запуском китайцами так называемого «Северо-восточного проекта».

Исследование было выполнено с привлечением электронных каталогов библиотеки Национальной ассамблеи Республики Корея. В ходе работы мы подсчитали количество книг, научных работ на соискание докторской степени и статей в научно-популярных журналах, написанных по различным аспектам истории государств Когуре, Пэкче и Силла за весь период существования Южной Кореи.

Проведенное исследование позволило в очередной раз убедиться в том, что за последние 10 лет количество публикаций на тему истории Когуре впервые превысило количество публикаций по Силла, что с уверенностью позволяет констатировать начало «эпохи Когуре» в националистической исторической школе Республики Корея, являющейся господствующей исторической школой страны. Ее появление, на наш взгляд, связано, с одной

* Дальневосточный федеральный университет, Владивосток.

стороны, с уязвленным в годы колониального господства Японии на Корейском полуострове национальным достоинством, что вызвано в первую очередь попытками японских историков сделать историю Кореи частью японской истории. С другой стороны, целая плеяда корейских историков, стоявших у истоков южнокорейской исторической науки, либо получила японское образование, либо вышла из среды корейских национал-патриотов. Таким образом, их исторические исследования базировались либо на более ранних исследованиях японских историков, либо на теоретических выкладках южнокорейских националистов.

В настоящий момент националистическая историческая школа получает большую моральную и финансовую поддержку от правительства страны, а труды ее представителей весьма популярны не только в научной и околонаучной среде, но, благодаря «культу высшего образования», и среди простых обывателей¹. Таким образом, начало «эпохи Когуре» в националистической исторической школе Республики Корея немедленно привело к тиражированию интереса к этому средневековому королевству во всей Южной Корее.

Однако такое внимание к истории Когуре южнокорейская общественность проявляла не всегда. К исследованию истории государства корейцы приступили еще в период аннексии. Одним из первых изучать историю этого древнего корейского королевства стал видный деятель Движения за независимость, патриот и ученый Син Чхэ Хо (псевдоним Танчжэ). Однако стоит признать, что японские историки внесли куда более ощутимый вклад в ее изучение, имея не только финансовую и моральную поддержку колониальных властей, но и, что более важно, более фундаментальное образование и доступ к таким археологическим артефактам, как, например, стела Квангэтхована. Однако историю Когуре японцы предпочитали изучать, опираясь в основном на китайские источники, такие, как «Саньгочжэ», считая корейскую летопись «Самгуксаги» не заслуживающей доверия. Критику «Самгуксаги», начатую Сыда, подхватили и другие японские историки – Икэути, Иманиси и Мисина. Основное внимание японских историков было приковано к вопросу пяти когуреских «бу» и поиску связей государства Когуре с политическими образованиями Японского архипелага. Даже исследуя знаменитую стелу Квангэтхована, японцы ограничивались лишь пристальным

изучением части, рассказывающей о столкновениях когуресцев с японцами из Имна².

После освобождения и разделения страны на северную и южную части исследования Когурё пристальное внимание уделяли в основном на Севере. Что касается Юга, то гораздо больший интерес здесь вызывала история государств Силла и Пэкче. Это кажется вполне естественным, если учитывать, что большая часть бывшей территории древнего королевства была недоступна для южнокорейских археологов. Кроме того, мы полагаем, что идеологическое и экономическое противостояние между государствами Корейского полуострова, начавшееся сразу после окончания Корейской войны (1950–1953 гг.), также задавало определенный тон южнокорейским исследованиям.

В первые годы после разделения страны и конфликта между Югом и Севером исторической науке в Южной Корее уделялось довольно мало внимания. В период с 1950 по 1961 г. было издано всего 22 книги по истории периода «Трех государств»: 8 книг по истории Пэкче, 8 – по истории Силла и всего 6 – на тему истории Когуре. Более того, думается, что работа над большей частью исторических сочинений, изданных в данный период, была начата еще до разделения единой Кореи на «коммунистическую» и «капиталистическую» части. Однако рост количества публикаций в научных журналах, работа над которыми требует меньше времени и денежных затрат, обнаруживает повышенный интерес молодой южнокорейской исторической науки к истории государства Силла: за 10 лет было издано 48 работ, посвященных ее истории, что значительно превышает количество статей по истории Когуре (18 статей) и Пэкче (11 статей)³.

В следующие 10 лет, с 1961 по 1970 г., тенденция роста интереса к истории Силла сохраняется, однако теперь она легко прослеживается не только на примере публикаций в научных журналах, но и в издании книг. За этот период в Южной Корее вышло 10 книг по истории Силла и лишь 3 – по истории Когуре. Разрыв в числе научных статей более значителен: 147 статей по истории Силла, 55 – по истории Пэкче и всего 22 – по истории Когуре. За этот же период было защищено 17 диссертаций на соискание докторской степени по истории королевства Силла, 2 – по истории Пэкче и 3 – по истории Когуре⁴.

В период правления Пак Чжон Хи, когда страна, наконец, оправилась от разрушительных последствий войны и были предприняты первые попытки наладить отношения с КНДР, логично было бы ожидать снижения диспропорции в изучении истории «Трех государств». Однако она сохраняется и на этом этапе.

В 1970-е годы было издано 55 книг по истории Силла, 24 – по истории Пэкче и 12 – по истории Когуре. Разрыв в числе научных статей также остается значительным: по Силла – 327, по Пэкче – 262 и лишь 90 – по истории государства Когуре. Что касается более серьезных научных работ, то с 1971 по 1980 г. было защищено 68 диссертаций по силлаской, 12 – по пэкческой и 8 – по когуреской тематике⁵.

Нарастающий разрыв в популярности между Силла и Когуре в период пребывания Пака у власти сложно объяснить лишь объективными причинами. Субъективные причины данного разрыва требуют проведения отдельного исследования, лежащего за рамками данной работы. Однако смеем предположить, что идеологическое противостояние между Севером и Югом могло перекинуться и в историческую плоскость и вызвать стимуляцию гипертрофированного интереса к истории королевства Силла, которое при Пак Чжон Хи могло ассоциироваться с Южной Кореей, в то время как Когуре – с КНДР.

Однако 8 апреля 1979 г. произошло событие, вернувшее интерес южнокорейских ученых к изучению истории Когуре: в уезде Чунвон пров. Северная Чхунчхон экспедицией университета Тангук была обнаружена когуреская стела, что буквально всколыхнуло научную общественность. Стела, установленная в конце V в. после завоевания Когуре долины р. Намхан во времена правления Чансувана⁶, вернула интерес южнокорейских археологов и историков к Когуре, что удивительным образом хронологически совпало со смертью южнокорейского диктатора Пак Чжон Хи в октябре того же года и началом постепенной демократизации режима.

В 1980-е интерес к изучению Когуре растет в геометрической прогрессии. Археологи обнаруживают многочисленные свидетельства пребывания Когуре в средней части Корейского п-ова. Остается загадкой, почему, имея довольно точные сведения о том, что данная часть полуострова ранее входила в состав Когуре,

южнокорейские историки не пытались обнаружить материальные свидетельства этого пребывания вплоть до 1979 г. Вместо этого они довольствовались вторичными источниками — отчетами китайских и северокорейских коллег. Примером подобного исследования может служить книга Ким Вон Ена «Исследование происхождения когуреских гробниц с фресками», изданная в 1960 г.⁷ Такое положение резко контрастирует с выдающимися успехами в археологических исследованиях Пэкче, Силла и Кая того же периода.

Однако с конца 1980-х на обширной территории, раскинувшейся в бассейнах рек Ханган, Имчжинган и Кымган, археологи обнаруживают большое количество когуреских фортов. Оказывается, вдоль северного побережья р. Ханган на расстоянии около 500 м друг от друга, на горе Ачхасан и холмах близ реки располагались многочисленные когуреские фортификационные сооружения, состоящие из крепостной стены и внутренних построек. Возведенные когуресцами в начале VI в., они служили для защиты долины р. Ханган. Размеры фортов позволяют предположить, что в них находились гарнизоны по 10, 50 или 100 человек, в зависимости от размеров постройки. Кроме того, на южном берегу Хангана располагалась крепость Мончхон, которая до падения столицы Пэкче — Хансона — защищала подступы к ней, а после захвата ее Когуре стала опорным пунктом для когуреской экспансии на юг⁸.

Раскопки когуреских памятников в конце 1980-х сыграли очень важную роль в проявлении интереса к истории Когуре в Южной Корее. Во-первых, теперь южнокорейские историки могли опираться на первичные источники, что повышало не только статус исследования но и, что более важно, его качество. Во-вторых, до начала 1980-х большинство южнокорейских историков были сосредоточены на изучении истории государства по материалам когуреских гробниц, описанных китайскими и северокорейскими коллегами. Теперь же у исследователей появился обширный материал по всей бывшей территории средневекового королевства. В-третьих, изучение именно этих памятников позволило южнокорейским историкам начать постепенно восполнять одно из белых пятен истории Когуре — экспансию этого королевства на юг Корейского п-ова, а также решить некоторые проблемы периодизации его истории.

Интерес, проявленный к Когуре археологами, тут же поддержали историки, занимающиеся ранней историей Кореи. В 1980-е годы начинается серьезное обсуждение его истории, описанной в «*Самгуксаги*», предпринимаются попытки предложить альтернативу термину «племенное государство», которого придерживались японские ученые периода аннексии. В 1980-е историки уделяют повышенное внимание вопросам возникновения Когуре, его развитию, административной системе, развитию чиновничьего аппарата, а также изучению других элементов государственного устройства. Новый импульс получает и изучение знаменитых когуреских фресок: на их материале предпринимаются попытки изучения социального устройства государства и его чиновничьей системы. Новый интерес просыпается и к изучению знаменитой стелы Квангэтхована, которую до этого активно изучали, как было сказано выше, сначала японцы, а затем северные корейцы и китайцы⁹.

Таким образом, в 1980-е годы был отмечен первый после возникновения Южной Кореи стабильный рост публикаций по когуреской тематике. В этот период издано практически одинаковое количество книг по истории Силла (89), Пэкче (83) и Когуре (74), что говорит о безусловной государственной поддержке исследования всех трех государств. Однако количество журнальных статей: 505 — по Силла, 236 — по Пэкче и 130 — по Когуре — указывает на сохранение популярности изучения истории Силла среди большей части южнокорейских историков. Такое положение вещей скорее всего связано с печальным наследием эпохи правления Пак Чжон Хи: целое поколение молодых ученых выросло в период, когда правительство приветствовало изучение истории именно этого средневекового королевства, видимо, ассоциировавшегося у южнокорейских политиков того времени с Южной Кореей.

Что касается защиты докторских диссертаций, то здесь наследие эпохи правления Пака ощущается наиболее остро, что естественно, если учесть тот факт, что к защите диссертации ученые готовятся более длительное время, выбирая тему для ее написания еще в период обучения в магистратуре, а иной раз и в студенческие годы.

С приходом 1990-х продолжается активное изучение Когуре, однако события, связанные с распадом советского блока и уста-

новлением дипломатических отношений РК с СССР и КНР, сделали большую часть бывшей территории древнего королевства доступной для южнокорейских исследователей, что вызвало новый всплеск интереса к когуреской тематике. Южнокорейские ученые начинают активно заниматься одним из самых интересных и малоизученных этапов истории Когуре — периодом постепенного упадка и гибели этого государства в войнах с соседним Китаем и своими южными соседями. Но, несмотря на продолжающийся с 1980-х годов рост популярности Когуре, количество книг по силлаской и даже по пэкческой тематике в 1990-е несколько опережает аналогичный его показатель: с 1991 по 2000 г. в Южной Корее было издано 239 книг по истории Силла, 207 — Пэкче и 192 — Когуре. Количество изданных статей по когуреской тематике уступает силлаской в 2, а защищенных диссертаций на соискание степени доктора наук — в 3 раза¹¹.

Однако именно в этот период, на наш взгляд, в Южной Корее складывается абсолютно естественная ситуация: интерес ко всем трем государствам находится на примерно одинаковом уровне. Большее количество книг, статей и диссертаций по истории государства Силла легко объяснить объективными факторами, к примеру географическим положением Южной Кореи. Не секрет, что на территории Республики Корея действительно сохранилось гораздо больше памятников государства Силла, изучение же Когуре сопряжено с путешествиями за границу либо с использованием вторичных источников. Что касается Пэкче, то памятники этого государства в большинстве своем утрачены.

В начале 2000-х годов происходит новое событие, которое разрушило сложившееся в южнокорейской исторической науке равновесие и привело к гипертрофированному росту интереса к истории государства Когуре. Мы говорим о начале работы в КНР над так называемым «Северо-восточным проектом».

Северо-восточный проект КНР, ставший основным трендом в изучении истории Маньчжурии, Корейского и Ляодунского полуостровов в китайской историографии конца прошлого — начала нынешнего века, вызвал весьма бурную негативную реакцию историков обеих частей Корейского полуострова. Причиной тому послужило стремление китайских историков представить историю государств Древний Чосон, Когуре и Бохай как неотделимую

часть истории северо-востока КНР. В сочинениях большинства китайских историков данные государственные образования представлены в лучшем случае вассалами Китая, чаще же — как «местная китайская администрация»¹².

Среди причин, побудивших КНР к реализации этого спорного проекта, называют как вполне логичные — стремление сохранить единство китайского государства, так и достаточно фантастичные — попытка создать легитимное обоснование для захвата севера Корейского п-ова после коллапса северокорейского режима.

Негодование южнокорейских историков, подкрепленное щедрым финансированием государственных и частных фондов, привело к тому, что впервые за всю историю Республики Корея издание книг и статей о Когуре превысило показатели не только по Пэкче, но и по Силла — бессменного лидера публикаций на протяжении почти полувека истории южнокорейской исторической науки. С 2001 по 2010 г. было издано 625 книг по истории государства Когуре, 483 — Пэкче и лишь 397 — Силла; в научных журналах вышло 1898 статей по когуреской, 1033 — по пэкческой и 1543 — по силлаской тематике¹³. Но самым интересным является тот факт, что количество диссертаций на соискание докторской степени по истории Когуре хоть и выросло почти на 100% по сравнению с 1990-ми годами, тем не менее не только не превысило количество диссертаций по истории Силла, но и уступило им почти в 2 раза. Это нагляднейшим образом иллюстрирует тот факт, что, несмотря на всю шумиху, поднятую вокруг Когуре, количество серьезных исторических исследований по истории Силла все еще выше, хотя динамика его роста с течением времени падает и уже 2-е десятилетие подряд уступает динамике роста количества диссертаций по Когуре. А это, в свою очередь, значит, что в случае сохранения нынешних тенденций, наметившихся в изучении периода «троецарствия» в южнокорейской исторической науке, уже в ближайшее 10-летие ситуация и в этом секторе может поменяться не в пользу Силла.

На основании проделанного нами исследования можно сделать следующий вывод: под влиянием последних событий, связанных, с одной стороны, с открытием для изучения южнокорейскими историками территории Средней Азии, Монголии, России и КНР, с другой — с развертыванием Китаем Северо-восточного

проекта, представители националистической исторической школы РК при непосредственной поддержке государственных и общественных фондов начали активно заниматься изучением истории государства Когуре. В то же время история государства Силла, культура, язык и народ которого в большей степени повлияли на этногенез корейцев, чем Когуре или Пэкче, в последнее 20 лет изучается менее интенсивно, что удивительным образом контрастирует с положением в исторической науке периода правления Пак Чжон Хи.

Более того, в последние годы стало модным представлять действия Силла, вступившего в союз с Китаем династии Тан и объединившего Корейский полуостров под эгидой одного государства, как предательство. Концепция «южного государства – предателя» первоначально была разработана северокорейскими историками, но в последнее время становится популярной темой для обсуждения на страницах научно-популярных журналов и в Интернете. Авторский коллектив учебника «Отечественная история» для учеников средней школы, изданного в 2004 г., буквально упивается военным могуществом Когуре и величием и самобытностью культуры Пэкче, в то время как история Силла описывается довольно скромно¹⁴. Необычайной популярностью пользуются исторические сериалы, воссоздающие легендарную историю Когуре. Примером может служить стартовавший с большим успехом в 2006 г. телесериал «Чумон», рождающий в душе простых обывателей чувство великой гордости за государство, которое на самом деле оставило довольно скромный след в культуре и языке корейцев.

Одним словом, в начале XXI в. рождается тенденция реинтерпретации истории корейского народа, выпячивание истории Когуре при одновременном частичном забвении истории Силла. По словам южнокорейского историка Ли Чон Ука, южные корейцы начинают стыдиться истории Силла¹⁵. Таким образом, можно с уверенностью констатировать начало «эпохи Когуре» в националистической исторической школе Республики Корея.

¹ *Pai H.I.* *Constructing Korean Origins: A Critical Review of Archaeology, Historiography, and Racial Myth in Korean State-Formation Theories.* Cambridge, 2000.

² *Ким Чжон Бэ.* Ханкук кодэса-ва кокохак (Древняя история Кореи и археология). Сеул, 2008. С. 416–422.

³ Электронный каталог библиотеки Национальной ассамблеи РК. URL: <https://u-lib.nanet.go.kr/dl/SearchIndex.php>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Кан Чон Хун.* 5 сэги хубан Когуре-ва Силла-э куккёнсон (Граница Когуре и Силла во второй половине V в.) // Ханкук кодэ сагук-э куккенъсон (Границы древних корейских государств). Сеул, 2008. С. 105, 113–114.

⁷ *Ким Чжон Бэ.* Ханкук кодэса ипмун (Введение в историю Кореи). Т. 2. Сеул, 2006. С. 49.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же.

¹⁰ Электронный каталог библиотеки Национальной ассамблеи РК.

¹¹ Там же.

¹² *Юн Ен Ин.* 10-18 сэги пукпанъминчжок-ква чонбокванъчжо энгу (Исследование северных народов и династий завоевателей). Сеул, 2009. С. 9–15.

¹³ Электронный каталог библиотеки Национальной ассамблеи РК.

¹⁴ *Ли Чон Мин.* Кукса (Отечественная история). Сеул, 2004.

¹⁵ *Ли Чон Ук.* Минчжок-инга, кукка-инга? Силла Нэмуль-ван ичжон экса-э таб-и итта (Нация или государство? Ответ [кроется] в истории до [восшествия на престол] силлаского Нэмуль-вана). Сеул, 2006.

А.М. Пастухов *

ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1894–1895 гг. И КОРЕЯ

История японо-китайской войны 1894–1895 гг. изучена в России недостаточно полно. В последнее время в России высказывается мнение, что Китаю в этой войне противостояла не одна Япония, а коалиция в составе Японии и Кореи.

Формально для такого утверждения есть основания — заключение 26 августа 1894 г. между прояпонским правительством Кореи и Японией оборонительно-наступательного союза, направленного против Китая. Вместе с тем данный факт не является определяющим при рассмотрении характера войны и не может придать ей коалиционный характер. Такой вывод позволяет сделать рассмотрение реального содержания данного договора и определение степени вовлеченности Кореи в военные действия между Китаем и Японией.

В 1882 и 1884 гг. в Корее дважды вспыхивали мятежи, подавленные цинскими войсками. При этом влияние и авторитет Японии в стране были сильно подорваны, а престиж Китая резко возрос¹. Назревал серьезнейший конфликт между Китаем и Японией. Тем не менее ведущие политики обеих стран понимали, что ни Китай, ни Япония пока не готовы к ведению крупномасштабной войны. Поэтому 17 апреля 1885 г. между ними был заключен Тяньцзиньский договор, согласно которому ни Япония, ни Китай не имели права проводить обучение корейской армии и флота. Военными инструкторами в Корее были американские офицеры².

Отсутствие прямых контактов между корейскими военачальниками и инструкторами обеих империй, являвшихся одновременно политическими агентами своих держав, не давало возможности сформироваться в стране сильной прояпонской или прокитайской партии, опирающейся на армию.

* Независимый эксперт, Москва.

Тем не менее, в отличие от Японии, вынужденной действовать завуалировано, цинский резидент в Корее Юань Шикай через разветвленный аппарат своего представительства в Корее мог в значительной мере влиять на корейскую сторону³. Весной 1894 г., когда восстание *тонхаков* угрожало Сеулу, именно он принял решение передать в распоряжение корейского правительства для перевозки правительственных войск *чхотхоса*⁴ Хон Гехуна китайский военный корабль «Пиньюань», зашедший в Инчхон с визитом, а также содействовал фрахту для этой же цели китайских торговых кораблей «Цаньлун» и «Ханьян». Таким образом, китайско-корейское военное сотрудничество возобновилось уже в мае 1894 г. по инициативе Юань Шикая и было продолжено принятием Ли Хунчжаном решения об отправке китайских войск в Корею в начале июня 1894 г.⁵

Действия последнего были расценены японцами как долгожданный предлог для начала конфликта, и первые японские отряды⁶ были введены в Корею практически одновременно с авангардом цинских войск под командованием Не Шичэна⁷. В дальнейшем, несмотря на прибытие подкреплений из Китая⁸, японцы продолжили наращивание своей группировки в Корее на опережающей основе⁹, причем, в отличие от китайцев, разместивших свои войска на пути продвижения повстанческих отрядов к Сеулу, они расквартировали солдат в Инчхоне, Енсане и даже ввели отряд в Сеул, взяв под охрану стратегически важные пункты в корейской столице¹⁰.

В это время в Корее находился цинский крейсер «Цзиюань» под командованием Фан Боцяня. В своем дневнике он тщательно фиксировал изменение военно-политической обстановки в Инчхоне, неоднократно сообщая не только об изменении состава японской военно-морской группировки, но и указывая на численность высаживаемых в Инчхоне войск. По словам Фан Боцяня, этими сведениями его снабжал один из чиновников корейской морской таможни, находившейся под общим контролем Юань Шикая. Так или иначе, этот факт также можно расценить как сотрудничество корейцев с Китаем в военной области еще до начала войны.

Высаживающиеся в Асанском заливе китайские войска снабжались корейским правительством продовольствием, им помога-

ли с транспортом, от имени корейского государя прибывающим солдатам были выданы деньги в качестве награды. Снабжение отряда за счет Кореи также можно расценить как еще одно подтверждение сотрудничества корейского правительства с Цинами в военной сфере еще до начала войны между Китаем и Японией. Однако в русском специализированном журнале «Морской сборник» факт снабжения китайских войск за счет корейского правительства отрицался; при этом утверждалось, что «Китай, выслав в Корею всего лишь 2000 человек, плохо снабженных провиантом и добывавших его на месте реквизиционным способом, готовился к посылке дальнейших подкреплений»¹¹. Эти сведения полностью противоречат сообщению Не Шичэна о поставке корейцами продовольствия и о хороших отношениях, сложившихся у его войск с местным населением, воздвигнувшим в честь пребывания цинских войск в Асане памятную стелу с благодарственной надписью¹².

В этом случае, хотя и прослеживаются симпатии корейского правительства к Китаю, первому пришедшему на помощь корейским феодалам при подавлении восстания *тонхаков*, нельзя еще однозначно говорить о существовании преимущественно прокитайских настроений в Корее, которые сохранились бы в случае начала японо-китайского вооруженного конфликта.

Примечательно, что повстанцы, выступая против существующих в Корее порядков, среди прочих выдвигали лозунг изгнания иностранцев (в первую очередь, японцев) и во время переговоров с правительством настаивали на изгнании японцев и наказании лиц, сотрудничавших с ними.

Резидент Китая в Корее Юань Шикай 13 июня 1894 г. объявил о том, что империя не станет посылать в Корею запланированные 10 тыс. солдат, ограничившись уже введенными в уезд Асан 1,5 тыс. солдат. Эта мера китайского правительства не сняла напряженности: 17 июня 1894 г. японцы потребовали от Китая назначения совместной комиссии для координации усилий по подавлению восстания *тонхаков* и обеспечению проведения реформ в Корее. Чтобы отвергнуть притязания Японии, *Цзунли ямэнь*¹³ 22 июня 1894 г. сообщил, что в связи с прибытием цинских войск в Асан восстание прекратилось и никакой необходимости нет не только в координации совместных карательных действий цинских

и японских войск, но даже и в их пребывании на территории Кореи. Относительно необходимости проведения реформ в Корее в заявлении *Цзунли ямэнь* сообщалось, что это — внутреннее дело Кореи и Китай не собирается нарушать право этой страны на внутреннее самоуправление.

Японский посланник К. Отори в конце июня 1894 г. потребовал от корейского правительства изгнать цинские войска с территории страны и провести ряд реформ. Чтобы избежать начала конфликта, Ли Хунчжан, один из лидеров Китая, даже был вынужден проинструктировать корейцев дать ответ Отори, что Корея является независимым государством¹⁴. В надежде на поддержку Китая король Коджон отверг предложения японской стороны.

Корейская сторона, 16 июля 1894 г. дав положительный ответ относительно предложенного Японией плана преобразований, заявила, что реформы возможны только при условии немедленного вывода японских войск с территории Кореи¹⁵. Через 3 дня Отори предъявил корейцам ультиматум: в знак подтверждения независимого статуса Кореи корейское правительство должно потребовать от империи Цин вывести войска с территории Кореи. На размышление корейскому правительству было отведено 3 дня. При этом японские войска практически осадили Сеул. Это была самая неприкрытая агрессия: Япония наращивала свою военную группировку в Корее, одновременно предъявляя все более жесткие политические требования.

23 июля 1894 г. японские войска, расквартированные в Сеуле, атаковали королевскую резиденцию и, подавив сопротивление ее немногочисленной охраны, захватили ее¹⁶. Тут же с подачи Отори было сформировано новое прояпонское правительство, премьер-министром в котором 24 июля 1894 г. был поставлен Ким Хонджип и которое с 29 июля 1894 г. возглавил Тэвонгун¹⁷. Н.Н. Нозиков упоминал, что под давлением японцев Коджон «приказал строго наказать прежних своих министров, позволявших себе с недоверием относиться к японской дружбе»¹⁸.

Новое правительство на следующий день после формирования заключило договор с Японией, согласно которому Отори получал право предпринять любые меры по изгнанию китайских войск за пределы Кореи. В тот же день отряд японских крейсеров потопил у о. Пхундо (Baker Island) английский пароход «Гаошэн»¹⁹, шед-

ший в Асан с подкреплениями для группировки Е Чжичао и Не Шичэна. Таким образом, военные действия против Китая были начаты Японией до официального объявления войны.

Реальные возможности партнеров по договору от 25 июля 1894 г. можно оценить исходя из состояния их вооруженных сил. Японские сухопутные войска по штатам военного времени насчитывали около 190 тыс. человек при 240 современных артиллерийских орудиях. Флот состоял из 35 боевых кораблей и 45 миноносцев с экипажами, насчитывавшими около 6 тыс. человек²⁰. Корейские же войска, по состоянию на начало войны между Китаем и Японией, состояли из 7 тыс. солдат и офицеров²¹, имевших на вооружении около 30 картечных Гатлинга и 20 полевых орудий разных типов²². Половина этих войск была размещена в Сеуле. Боеспособность их была невелика, реально для ведения боевых действий могли быть выставлены части общей численностью не более 2–3 тыс. человек²³. Военный флот фактически отсутствовал. Таким образом, Корея никак не могла ни противодействовать японским требованиям, ни внести какой-либо существенный вклад в военные действия против Китая.

Вынужденный следовать «советам» Отори, Коджон «просил» японцев изгнать цинские войска из Кореи. Для исполнения «просьбы» 25 июля 1894 г. 9-я смешанная бригада Ё. Осимы выступила из района Енсана на Асан²⁴, но встреченные ею по дороге местные жители сообщили японцам 28 июля 1894 г., что китайцы уже покинули Асан и заняли позиции у станции Сонхван. Об этом говорится и в изданной в 1896 г. в России книге «Война между Китаем и Японией в 1894–1895 гг.», являющейся, предположительно, переводом официальных сведений японского Генштаба с французского языка²⁵. В этой же книге утверждалось, что Коджон неоднократно требовал от цинского командования вывести войска с территории Кореи, однако Китай не принимал его требования во внимание²⁶. Из других источников о подобных обращениях корейского монарха ничего не известно.

Согласно данным японской стороны, корейское правительство уполномочило японское командование мобилизовать носильщиков и вьючный скот бесплатно, однако Ё. Осима приказал оплатить труд корейских носильщиков и погонщиков, чем сильно расположил их к себе. Факт содействия корейского населения

войскам Осимы был широко использован для пропаганды корейско-японского сотрудничества во время войны.

Однако следует отметить, что уже 25 июля 1894 г. после боя у о. Пхундо жители прибрежных районов оказали помощь в спасении тонущих солдат с корабля «Гаошэн», а высадившиеся на о. Сиппхальдо 79 уцелевших моряков с потопленного в этом же бою китайского крейсера «Гуанъи» были через 3 дня сняты корейцами с острова. Они же и предупредили капитана корабля Линь Госяна об уходе китайских войск из Асана и о продвижении японских войск к Асану, чем спасли экипаж крейсера от пленения японцами. При содействии корейцев Линь Госян смог вступить в контакт с английскими кораблями, находившимися в этом районе, и договориться о перевозке своих людей в Яньтай.

После боя при Сонхване, состоявшегося 29 июля 1894 г., цинские войска, нанешие значительный урон японцам, отошли в порядке на Чхонан и Конджу и стали пробиваться к границе с Китаем. По дороге к Пхеньяну корейское население добродушно встречало отступающих китайцев и снабжало их продовольствием, причем, что очень важно, Не Шичэн в своем дневнике отмечал, что это делалось по инициативе местного населения. Верный своим правилам устанавливать добрые отношения с населением, Не Шичэн приказывал оплачивать продовольствие серебром и воздерживаться от насилия и грабежей, что не могло не сказаться на отношении корейцев к солдатам его отряда.

В отряде Не Шичэна было несколько десятков раненых, которые сковывали продвижение отряда. Генерал принял решение оставить их на попечение корейских властей, выдав на нужды лечения некоторую сумму из войсковой казны. В одном случае корейцы предупредили генерала о засаде, устроенной японцами, что позволило китайцам успешно избежать боя в невыгодных условиях. Помимо дневника Не Шичэна, об этом свидетельствует и упоминавшаяся ранее переводная книга²⁷.

20 августа 1894 г. Корея подписала с Японией договор относительно права Японии руководить реформами в Корее. 26 августа был заключен наступательно-оборонительный союз Кореи и Японии, направленный против Китая, согласно которому Япония брала на себя ведение всех боевых действий на суше и на море,

а Корея обеспечивала японские войска продовольствием и помогала с поддержанием коммуникаций через Корейский п-ов.

О событиях, произошедших в Корее после сражения при Сонхване 29 июля 1894 г., вплоть до самого сражения при Пхеньяне 15–16 сентября того же года, достоверных сведений не сохранилось. Официальные цинские источники обходят события августа – первой половины сентября 1894 г. почти полным молчанием, лишь сообщая об отражении двух японских атак на Пхеньян силами войск генералов Цзо Баогуя и Вэй Жугуя²⁸.

В то же самое время из сочинения Яо Сигуана «Дунфан бинши цзилюэ» следует, что цинские войска, направленные 21 июля 1894 г. для усиления группировки Е Чжичао, пересекли границу Кореи и 17 августа вступили в Пхеньян, корейцы первоначально встречали их с угощением и подарками вдоль дорог, однако эта часть китайских войск отличалась от солдат Е Чжичао и Не Шичэна гораздо более слабой выучкой и дисциплиной, и многие деревни были разграблены проходящими войсками²⁹. Факты грабежей корейского населения со стороны китайских солдат засвидетельствовал и Не Шичэн, в начале сентября 1894 г. отправившийся в Тяньцзинь за подкреплениями. Кроме того, аналогичная информация содержится и в сообщениях русского военного атташе при японской армии полковника В.И. Вогака, а также А.Г. Лубенцова, побывавшего в Корее в 1895 г. до отвода японских войск из страны.

Прибыв в Пхеньян, цинские генералы тут же мобилизовали все трудоспособное население города на строительство укрепления. Корейцы и китайцы работали бок о бок, создав вокруг города несколько хорошо укрепленных батарей и обнесенных валами лагерей для размещения войск. Китайский журналист и историк Цай Эркэн, активно использовавший в своей работе японские материалы, упоминал, что, помимо цинских солдат, в обороне Пхеньяна приняли участие 800 солдат корейской армии³⁰. Это сообщение косвенно подтверждает Дз. Иноуэ, упоминая о пленении в Пхеньяне 17 корейцев³¹ среди примерно 700 захваченных японцами цинских солдат. Население боялось насилий со стороны как цинских, так и японских солдат. Например, в г. Вонсан, где в конце августа 1894 г. высадились японские войска, все местное население ушло в горы, оставив город совершенно пустым, и лишь через 3 дня стало постепенно возвращаться обратно.

Капитан русского Генштаба П. Симанский отмечал, что корейцы очень плохо относились к японцам, отказываясь предоставлять им вьючных животных для обозов и уклоняясь от трудовой мобилизации³².

Одновременно в мировой прессе муссировались различные предположения относительно дальнейших действий цинских и японских войск. Высказывались совершенно разные суждения – от версии, что движение «Тогакуто» (японское чтение иероглифов *Тонхактан*) было инспирировано японцами и служило предлогом для вторжения японцев в Корею и начала японо-китайской войны, до оправдания действий цинского командования³³. Согласно этой версии, отвод основной части цинских войск из Кореи после сражения 15–16 сентября 1894 г. имел целью растянуть коммуникации японских сил по территории страны, население которой враждебно относится к японцам, и, удерживая оборонительный рубеж по р. Ялуцзян, дезорганизовать японский тыл постоянными выступлениями отрядов корейских повстанцев. Однако действительность опровергла обе версии: в октябре–декабре 1894 г. японские войска в Корее перешли к активным действиям против *тонхаков*, а отступление цинских войск на территорию Китая оказалось вызванным совсем другими причинами. Версии о взаимодействии цинских войск и корейских повстанцев, а также о сотрудничестве *тонхаков* с японцами не подтверждаются фактами.

После того как 27 сентября 1894 г. цинские солдаты оставили Касан, в руках китайцев остался только г. Ыйджу, расположенный на берегу пограничной р. Ялуцзян. Город был оставлен цинскими войсками после небольшой перестрелки с авангардными частями 10-й бригады генерала Тацуми. Цинские солдаты переправились на китайский берег Ялуцзяна, где присоединились к главным силам армии Сычуаньского *тиду* Сун Цина, готовившимся оборонять этот водный рубеж. Боевые действия между цинскими и японскими войсками в Корее закончились.

Изложенные выше факты дают ясное представление о том, какое участие Корея смогла принять в японо-китайской войне 1894–1895 гг. в реальности: несмотря на заключение между Японией и Кореей формального союза, направленного против Китая, корейская сторона не только не смогла оказать скольконибудь действенной помощи своему «союзнику», но и предприня-

ла действия откровенно антияпонского характера, выразившиеся в участии отдельных частей корейской армии в сражении с японцами при Пхеньяне.

Кроме того, случаи оказания добровольной помощи местным населением японским войскам в источниках не упоминаются. Используемые японской пропагандой факты сообщения корейским населением сведений о местонахождении и перемещениях цинских войск носят отрывочный характер. Уверения японской пропаганды в том, что корейцы с радостью восприняли мобилизацию корейских мужчин в японскую армию в качестве носильщиков и погонщиков и выражали благодарность японцам по поводу оплаты ими работы мобилизованных корейцев, вряд ли полностью соответствуют действительности. Даже в откровенно прояпонских описаниях японо-китайской войны, издававшихся в России в 1895–1896 гг., неоднократно указывается на враждебность корейского населения по отношению к японцам.

Так, в книге капитана Симанского указывается, что в период с 17 сентября по 19 октября 1894 г. японцам пришлось выделить не менее 20 тыс. солдат для обустройства тыловых коммуникаций и предотвращения диверсий со стороны отрядов *тонхаков*³⁴. Лишь неслыханная в Корее оплата по 2 долл. (2 руб. 70 коп. по курсу) в сутки смогла привлечь в ряды японской армии около 10 тыс. корейских носильщиков, которым японцы постарались придать вид вспомогательных армейских частей. Однако Симанский сообщает, что радикальных успехов в вопросе организации вспомогательных частей из корейцев японцы добиться так и не смогли³⁵. Поэтому до самого конца войны в войсках продолжали сохраняться значительные контингенты носильщиков-японцев, получавших меньшую поденную плату, но более организованных и управляемых.

Плохое отношение корейцев к японцам было отмечено в ходе заседания Особого совещания в С.-Петербурге 11 апреля 1895 г. Даже после окончательного подавления восстания *тонхаков* японцам пришлось содержать около 6 тыс. солдат для охраны предложенных ими в Корее телеграфных линий. Враждебность по отношению к японцам корейцы проявляли и спустя почти год после окончания войны: полковник Альфтан описывает нападение местного населения на японских геодезистов в Пукчхоне и последо-

вавший за этим случаем в январе 1896 г. ввод туда японских солдат из Вонсана.

В сентябре 1895 г. при непосредственном вмешательстве японцев была убита королева Мин Менсон. Согласно сообщению Альфтана, в октябре 1895 г. японцы отобрали государственную печать у Коджона. Утрата печати и безнаказанное убийство королевы Мин (в бытность Юань Шикая резидентом в Корее подобные действия в отношении правящей династии были совершенно невозможны) унизило монарха в глазах народа. Все это хорошо объясняет тот факт, что, вопреки ожиданиям, прояпонские симпатии не обрели широкого распространения в Корее, а прорусские возросли, как только влияние Китая сошло на нет после подписания 17 апреля 1895 г. японо-китайского мирного договора в Симоносэки.

В то же самое время нельзя утверждать, что отношение корейцев к Китаю и его войскам всегда было дружественным. Грабежи и насилия войск Вэй Жугуя и других частей, сожжение г. Касан при отступлении не позволяли установить прочные отношения между китайской армией и местным населением, а активная помощь корейцев при строительстве укреплений в Пхеньяне может быть легко объяснена принудительной мобилизацией, произведенной цинским командованием.

Тем не менее, рассмотрев известные случаи сотрудничества корейского правительства и населения страны с японскими и цинскими войсками, мы можем сделать однозначный вывод о том, что в целом симпатии Кореи в этой войне были на стороне Китая. Деятельность прояпонских сил в Корее не смогла обеспечить активную поддержку населением действий японских войск. Отношение же населения к Китаю на местах определялось поведением войск в конкретных случаях, хотя изначально их вступление на территорию Кореи и воспринималось населением страны как избавление от ужасов японского вторжения.

¹ См.: *Покотиллов Д.Д.* Корея и японо-китайское столкновение. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1895. С. 46.

² В 1886 г. корейское правительство пригласило американских генерала Дьюи, полковника Камминса, майора Ли и капитана Ниенштадта

в качестве военных советников. В 1889 г. полковник Камминс и майор Ли были уволены. Генерал Дьюи и капитант Ниенштедт были уволены в 1892 г. В целом, их влияние на строительство современных вооруженных сил Кореи было невелико. См.: Война между Китаем и Японией в 1894–1895 гг. (Перевод с французского). Новгород: Новгородская губернская типография, 1896. С. 13–14.

³ К началу японо-китайской войны только вооруженная охрана Юань Шикая в Сеуле составляла 250 цинских солдат и офицеров.

⁴ Уполномоченный по усмирению.

⁵ Решение Ли Хунчжана об отправке войск в Корею было вызвано обращением корейского премьер-министра Мин Енчуна (клан королевы Мин) за помощью к Китаю 26.05.1894, в свою очередь инспирированное Юань Шикаем. См.: *Inouye Jukichi*. A concise history of the war between Japan and China. Osaka–Tokyo, 1895. P. 7–8.

⁶ Отряд матросов в 400 человек вошел в Инчхон и далее, в Сеул, 09.06.1894. Примечательно, что командовал всей этой операцией лично японский посланник Отори Кэйсукэ. 13.06.1894 военных моряков сменил прибывший отряд японских сухопутных войск. См.: *Inouye Jukichi*. Op. cit. P. 9–10.

⁷ Авангард Лутайских охранных войск в составе 800 человек пехоты и кавалерии высадился в бухте Пэксопхо Асанского залива 08.06.1894.

⁸ До 25.07.1894 в Корею в 3 приема высадились цинские войска под общим командованием чжилийского *тиду* Е Чжичао численностью около 2700 человек.

⁹ Уже к концу июня 1894 г. в окрестностях Сеула было сосредоточено более 10 тыс. японских войск, а в Инчхоне практически постоянно находилась сильная японская военно-морская группировка.

¹⁰ Следует отметить, что в этот момент реальной опасности для столицы со стороны *тонхаков* не существовало, и действия японцев, в отличие от цинов, были направлены в первую очередь не на подавление восстания, а на захват ключевых позиций в Сеуле.

¹¹ См.: Морской сборник. СПб., 1894. № 9. С. 20.

¹² *He Шичэн*. Дунчжэн жици (Дневник Восточного похода) / Чжан-Жи чжаньчжэнь (Японо-китайская война). Т. 6. Шанхай, 1956. С. 1–19.

¹³ МИД империи Цин, организованный в 1861 г. и замененный МИД современного типа в 1901 г.

¹⁴ См.: *Inouye Jukichi*. Op. cit. P. 15.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Японская сторона изображает события 23.07.1894 как обычный визит японского посла к государю Коджону за ответом на ультиматум и возлагает вину за произошедшее столкновение на охрану дворца. 17 корейских солдат были убиты и около 70 ранены, в то время как японцы

потеряли одного убитым и двух ранеными. См.: *Inoue Jukichi*. Op. cit. P. 40.

¹⁷ Одним из первых мероприятий нового правительства было обнародование указа о покаянии клана Минов, которые являлись активными сторонниками укрепления корейско-китайских отношений.

¹⁸ См.: *Нозиков Н.Н.* Японо-китайская война 1894–1895 гг. М.: Воениздат НКО СССР, 1939. С. 10.

¹⁹ «Kowshing» в европейских источниках.

²⁰ См.: *Симанский П.* Японско-китайская война 1894–1895. Перевод с немецкого. СПб., 1896. С. 33–40.

²¹ См.: Война между Китаем и Японией в 1894–1895 гг. С. 11.

²² См.: Там же. С. 13.

²³ Так, в мае 1894 г. направленный на подавление восстания Хон Гехун получил под начало всего 800 солдат и около 100 бродячих купцов-*нобуса-нов*, являвшихся в определенном смысле правительственными агентами в провинциях Кореи.

²⁴ В составе двух полков, артиллерийского батальона, роты саперов, эскадрона кавалерии, а также отряда санитаров и полевого госпиталя. См.: *Inoue Jukichi*. Op. cit. P. 60.

²⁵ См.: Война между Китаем и Японией в 1894–1895 гг. С. 19. В целом, существует обширная литература на разных европейских языках, восходящая к одному и тому же первоисточнику — официальным сведениям японского Генштаба, предоставлявшихся военным атташе различных стран. Именно эти сведения составляют основной корпус европейских источников по истории этой войны.

²⁶ Там же. С. 18.

²⁷ Там же. С. 25.

²⁸ Сообщая об этих событиях в «Цин ши гао», Чжао Эрсюнь даже не датирует их.

²⁹ См.: *Симанский П.* Указ. соч. С. 79–80.

³⁰ Фактически, это был весь гарнизон Пхеньяна — в 1889 г. полковник Вебель сообщал, что гарнизон Пхеньяна составлял всего 600 человек. В ходе развернувшейся в Корею крестьянской войны гарнизон мог быть усилен, что и объясняет большую численность корейских солдат в Пхеньяне у Цай Эркана по сравнению с данными полковника Вебеля. См.: *Вебель*. Поездка в Корею летом 1889 г. / Сборник материалов по Азии. Вып. 41. СПб., 1890.

³¹ См.: *Inoue Jukichi*. Op. cit. P. 70.

³² Op. cit. P. 81.

³³ Наиболее обоснованным подтверждением этой версии является доносение капитана П. Россова, что среди командующих армиями повстанцев были замечены японские офицеры. Однако других сведений

о миссии японских офицеров при армии повстанцев нет, а программные требования повстанцев включали в себя и антияпонские положения.

³⁴ См.: *Симанский П.* Указ. соч. С. 101.

³⁵ Там же. С. 103–104.

*И. А. Мусинова **

КОРЕЙСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ КОНЦА XIX в. — НАЧАЛА XX в. (анализ американской исторической традиции)

Проблемы международных отношений в Восточно-Азиатском регионе в конце XIX в. — начале XX в., борьбы держав за Корею, отношений Кореи с этими державами привлекали внимание американских историков на протяжении длительного времени. Первые работы, посвященные этим проблемам, были написаны еще в 1880-х годах дипломатами, миссионерами, журналистами, путешественниками, собравшими сведения по корейской истории, культуре, этнографии и др.¹ Хотя эти работы не были написаны профессионалами, они представляют определенную историческую ценность, так как созданы современниками событий, отражают дух времени.

Самым известным трудом, изданным в то время, является двухтомное издание американского миссионера Хальберта². На протяжении более чем 50 лет эта работа играла ключевую роль в западной историографии. Автор рассматривает историю Кореи с древнейших времен до февраля 1904 г.

В первые десятилетия XX в. не было достаточного количества публикаций, связанных с Кореей, с политикой западных держав в Восточно-Азиатском регионе. Авторы немногочисленных работ имели доступ к ограниченному набору источников, часто пользуясь недостоверными сведениями. Тем не менее в последние годы многие из этих работ были переизданы, что свидетельствует об их немаловажной значимости для исследователей.

До конца Второй мировой войны американских исследователей интересовала в первую очередь политика США, Китая и Японии в указанном регионе. Политика России рассматривалась не так подробно³. Американские историки и идеологи еще в конце

* Уральский государственный университет, Екатеринбург.

XIX в. — начале XX в. выдвигали тезис о том, что свои отношения со странами Азии, в том числе с Кореей, США строили на взаимовыгодной основе, отношения Кореи с Японией до конца Второй мировой войны преподносились как «цивилизаторская миссия». Что касается русско-корейских отношений, вплоть до окончания холодной войны американскими исследователями велась пропаганда традиционного тезиса о русской угрозе в отношении Кореи. Подавляющее большинство западных историков считали, что Россия начала проявлять экспансионистские устремления в Корею с конца 1850-х — начала 1860-х годов. Родоначальником этой теории можно считать В. Гриффиса, который долго находился на японской службе и по японским источникам написал свое сочинение⁴.

После окончания Второй мировой войны, освобождения Кореи от японской оккупации и особенно после завершения Корейской войны (1950—1953 гг.) начался новый этап в американской историографии, касающейся внешней политики держав в Восточной Азии. Во-первых, появилось корееведение (англ. *Korean Studies*) как самостоятельное направление в востоковедении США. В 1952 г. в Гарвардском университете открылась новая программа по изучению Кореи, автором которой стал Со Ду Су. Она предполагала преподавание расширенного курса языка, истории, экономики и политики Кореи. В 1967 г. подобные программы были открыты еще в нескольких американских университетах⁵. Корееведение с самого начала находилось в маргинальном положении благодаря скромной территории изучаемой страны, отсутствию специалистов и недостатку объективной информации. Многие специалисты первоначально исследовали Китай или Японию⁶.

Среди работ, касающихся борьбы держав за влияние в Корею, написанных в данный период, можно отметить книгу Фредерика Фу Цина⁷. Главная идея книги — проследить развитие дипломатии циньского Китая начиная с 1876 г. до 1885 г., изучить процесс постепенного открытия Кореи западными державами и Японией. Ф. Фу Цин отмечает, что к 1885 г. Корея стала объектом борьбы различных держав.

Автор говорит об особом роде зависимости корейской внешней и внутренней политики от Китая. Он считает, что Корея была

формально «зависимым» от Китая государством, но абсолютно свободна в области внутренней политики, религии. Китай никогда не вмешивался в эти сферы. В официальных документах того времени отношения между двумя странами часто описывались с помощью метафоры «губ и зубов» («если нет губ, зубам холодно»). Такие отношения, с точки зрения автора, могли просуществовать еще многие годы, если бы Китай не был «открыт» западными державами⁸.

В главе «Давление со стороны России» Ф. Фу Цин говорит о том, что интерес России к Корею проявился в 1864 г., так как к этому времени появилась общая граница между странами, на пограничных территориях возникли поселения, привлекавшие эмигрантов из Кореи и Китая. Тогда же появились первые контакты между населением. Это вызвало беспокойство Японии, Китая и стран Запада. Сэр Гарри Паркерс советовал Китаю вовлечь Корею в экономические и дипломатические отношения со странами Запада, чтобы защитить ее от угрозы с российской стороны⁹.

В целом, книга Фу Цина написана под влиянием событий холодной войны. Часто упоминается, что Россия была готова применить военную силу и прямое давление, чтобы удовлетворить свои притязания в отношении Кореи. Одним из основных факторов, способствовавших открытию этого государства странами Запада, по мнению автора книги, явилась угроза ему со стороны России. Напротив, подчеркивалось, что западные державы использовали преимущественно дипломатические методы для установления отношений с Кореей.

Несколько другая точка зрения была высказана Э. Малоземовым в работе «Дальневосточная политика России в 1881—1904 гг.» (*Russian Far Eastern policy 1881—1904*), опубликованной в 1958 г. Сравнивая политику России в отношении Кореи до и после 1884 г., автор приходит к выводу о том, что она оставалась неагрессивной и почти индифферентной ввиду стратегической уязвимости дальневосточных владений. Также автор подчеркивает, что Россия настаивала на сохранении независимости Кореи. Тем не менее и он говорит о проявлении «традиционной русской экспансии»¹⁰.

Карл Бергер в своей работе «Корейский узел: военно-политическая история»¹¹, опубликованной в 1957 г., обратился к изуче-

нию истоков японской оккупации Кореи в начале XX в. Он положительно отзывался о политике Японии в отношении Кореи: «К моменту появления США в регионе в 1882 г. Япония сделала значительный прогресс в области проникновения на Корейский полуостров... Она оказывала значительное влияние на корейское общество, и к 1880-м годам это привело к росту прогрессивного движения в стране». Согласно точке зрения автора, в войне 1894–1895 гг. Япония защищала Корею от прямого и косвенного вмешательства Китая в ее дела, стремилась реформировать Корею и гарантировать ее независимость. Автор отмечает, что появлению России в Восточной Азии предшествовал долгий период освоения русскими Сибири. К. Бергер говорит о планах России распространить свое влияние на всю Азию вплоть до Британской Индии. Так что вторжение России в Корею и Маньчжурию в конце XIX в., с его точки зрения, было лишь делом времени¹².

Хиллари Конрой¹³ говорит об определенной агрессивности внешней политики в отношении Кореи не только Японии, но и США. Что касается России, в 1895–1905 гг. она не была конфуцианским «старшим братом» для Кореи. Поэтому ее политика была не такой всепроникающей по сравнению с китайской. Россия была больше заинтересована в Маньчжурии, чем в Корее. Тем не менее Япония опасалась, что Россия может помешать ее планам. Японцы пытались вести осторожные переговоры в течение 8 лет, чтобы найти выход, затем решили, что это неэффективно, и начали войну¹⁴.

В конце 1970-х, в 1980-е годы в науку пришло новое поколение исследователей Кореи. Помимо изучения проблем модернизации, национализма, национально-освободительной борьбы, начали исследоваться новые вопросы.

Многие из этих исследователей относились к ревизионистскому направлению, которое зародилось еще в конце 1960-х годов. Критике подвергались созданные еще в годы Второй мировой войны Area Studies — центры, занимавшиеся изучением отдельных стран и регионов. Критиковалось недостаточное финансирование исследований о Корее университетами США, из-за чего исследователи постоянно ощущали давление и очень зависели от внешних источников финансирования; подвергалось критике огромное влияние академической структуры на молодых исследователей,

существование авторитетов в науке, соблюдение негласных правил в среде ученых, невозможность выйти за рамки системы, высказать противоположную точку зрения¹⁵. Критике подверглась и концепция «традиционного общества» в феодальных азиатских государствах, занимавшая важное место в американской историографии и отрицавшая социально-экономическое и культурное развитие стран Востока до середины XIX в., авторами которой стали Фэрбэнк и Рейшауэр, в области внешнеполитической истории — школа «политического реализма», которой принадлежала ведущая роль в американской историографии вплоть до конца 1970-х — начала 1980-х годов.

В конце 1960-х годов в Колумбийском университете появились такие критически настроенные ученые, как, например, Арутюнян и Наджита¹⁶. В 1970–1980-х годах эти профессора обучали своих студентов с учетом высказанных ими критических замечаний. В настоящее время студенты Арутюняна и Наджиты занимают ключевые должности в нескольких университетах США — Мичиганском университете, университете штата Иллинойс, УКЛА. В 1968 г. был создан комитет Committee of Concerned Asian scholars (CCAS) (Комитет ученых — специалистов по проблемам Азии). Участниками комитета стали многие ведущие ученые-востоковеды. Из-за этого они часто получали должности во второстепенных университетах либо работали в университетах за пределами США, например Фрэнк Болдуин. После войны во Вьетнаме появились люди, критикующие поддержку Соединенными Штатами Америки репрессивных политических режимов в Азии, а также использование модернизационной теории для осуществления политики в Азии.

Изменились и представления, господствовавшие в американской историографии на протяжении нескольких десятилетий. Дж. А. Ленсен в сборниках донесений иностранных дипломатов, непосредственно причастных к истории взаимоотношений Кореи, Китая и России, а также в двухтомном труде «Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884–1899» (1982)¹⁷ поставил под сомнение стереотип об особой агрессивности российской политики на Дальнем Востоке и сделал вывод о том, что владение корейской территорией было невыгодно России и потребовало бы огромных расходов, подорвало бы ее позиции в целом. Он также подчеркивает неотделимость российской внешней

политики от состояния развития Сибири и ее дальневосточных окраин.

Роберт Свартут в исследовании, посвященном Оуэну Никерсону Денни¹⁸, американскому советнику *вана* Кочжона в области внешней политики, вице-президенту комитета по внутренним делам Кореи в 1886–1890 гг., положительно характеризует политику США из-за ее незаинтересованности в захвате территории и стремления к экономическому сотрудничеству; подчеркивает, что США всегда выступали за независимость и самостоятельное развитие Кореи. Во второй части книги под названием «Международная дипломатия в Корее» автор говорит о недостатках внешнеполитического курса США в 1882–1905 гг., когда правительство формально поддерживало независимость Кореи, но отказывало ей в реальной помощи.

На современном этапе, в начале 1990-х годов, постмодернизм и постколониализм заняли лидирующие позиции в академических кругах. Выросло количество национальных меньшинств, в том числе и корейского, в американских университетах. Появилось гораздо большее по сравнению с предыдущим периодом количество американских корейцев, которые занимаются исследованием Кореи. Они обладают отличным знанием корейского языка и культуры и в то же время на высоком уровне владеют английским языком, получили американское образование. Тем не менее еще нет монографических работ представителей этого поколения, так как многие из них еще очень молоды. Ими были опубликованы статьи в различных журналах и сборниках. В 1993 г. был создан журнал *Positions: East Asia Cultures Critique* и др., где молодые ученые могут открыто высказывать свои идеи.

К началу 2000-х годов можно говорить о формировании единого корейско-американского историографического пространства, своего рода интернациональной историографии; начали стираться национальные границы между крупными историографическими центрами.

Приход в науку нового поколения историков с иными исследовательскими интересами и научной методологией вызвал изменение общепринятых схем и интерпретаций. Многие ученые начали отказываться от использования теории модернизации, от использования категорий Запада применительно к азиатским

странам. История культуры пришла на смену социальной и политической истории.

В последние десятилетия XX в. в некоторых работах американских авторов и работающих в США южнокорейских историков¹⁹ наблюдается стремление более объективно освещать российскую политику в Корее.

В современной англоязычной историографии корейско-российские отношения изучаются с точки зрения сравнительной перспективы. Современные авторы предпочитают исследовать Восточно-Азиатский регион в целом. Есть работы, посвященные рассмотрению отношений между странами внутри региона. Книга Петера Дууса «Аннексия Кореи Японией, 1895–1910 гг.»²⁰ посвящена политике Японии, Китая и России в отношении Кореи. Политике Японии в период Мейдзи (1868–1912 гг.) и китайско-японскому соперничеству в Корее в 1880–1894 гг. уделяется наибольшее внимание.

Андре Шмид в своей книге «Борьба за Корею»²¹ попытался также применить компаративистский подход, рассмотрел такие проблемы, как «колониализм и Восток», понятие национальной идентичности и национальных государств. Он поэтапно исследовал изменения, произошедшие в Китае, Японии, Корее в начале XX в., показал, каким образом строились отношения в регионе до и после проникновения стран Запада, попытался выявить причины дезинтеграционных процессов. Целью книги стало написание настоящей постколониальной историографии, преодоление пережитков националистического историографического проекта.

А. Шмид широко использовал прессу конца XIX в. — начала XX в. в своем исследовании. Хотя газетный тираж был относительно невелик, а редакторы постоянно жаловались, что их газеты никто не читает, Шмид доказал, что пресса была довольно могущественной силой, формировавшей мировоззрение корейцев. Автор рассмотрел такие проблемы, как дебаты по поводу взглядов на корейскую нацию как среди собственно корейцев, так и среди представителей других стран — России, Японии, Китая; проблемы капиталистической модернизации Кореи и роль иностранных держав в этом процессе и т. д. Он отметил, что некоторые корейские интеллектуалы чувствовали, что Япония представляет большую угрозу для Кореи, чем Россия²².

Профессор Принстонского университета Стефан Коткин выступил соредактором коллективной книги с участием американских и российских авторов по проблемам присутствия России в Азии, основанной на материалах, собранных на Дальнем Востоке России²³. Он обладает знанием русского, корейского, китайского и японского языков, что позволило использовать разнообразные источники в данном исследовании.

В заключение хотелось бы отметить, что качество исследований в последние годы значительно выросло, в них начали использоваться разнообразные методы, произошел отход от различных идеологических штампов. В 1990-е годы увеличилось число молодых исследователей, которые потеряли интерес к политической истории и начали заниматься проблемами антропологии, социологии, лингвистики и т. д. В современной американской историографии начался заметный крен в сторону публицистики в результате падения интереса к академическим работам. Характерной особенностью является многонациональный состав ученых, все они работают, публикуются и получают известность в США.

¹ *Shin Michael D.* Major Trends of Korean Historiography in the US // Sungkyun Journal of East Asian Studies. Vol. 3. No. 1. 2003. P. 151–175; *Pioneers of Korean studies* / Edited by Kim Keong-il. Academy of Korean Studies, 2004.

² *Hulbert H. B.* History of Korea. Vol. 1-2. Seoul, 1905; *McKenzie F. A.* The Tragedy of Korea. London: Hodder & Stoughton, 1908; *Dalles F.R.* Forty years of American-Japanese Relations, 1937.

³ *Nelson M.* Korea and the old orders in Eastern Asia. N.Y., 1967; *Foster D.* American Diplomacy in the Orient. 1926; *Dennett T.* Americans in Eastern Asia. 1941.

⁴ *Griffis W. E.* Japan's absorption of Korea. 1910.

⁵ *Shin Michael D.* Op. cit. P. 160.

⁶ Ibid.

⁷ *Chien Frederick Foo.* The opening of Korea. A study of Chinese diplomacy. 1876–1885. Taipei: The Shoe String Press, 1967.

⁸ Op. cit. P. 9, 16–17.

⁹ Op. cit. P. 56–58.

¹⁰ *Malozemoff E.* Russian Far Eastern policy (1881–1904). Berkeley and Los Angeles, 1958.

¹¹ *Berger Carl.* The Korea knot: a Military – Political history. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1957.

¹² Ibid.

¹³ *Conroy H.* The Japanese seizure of Korea 1868–1910. A study of Realism and Idealism in International Relations. Philadelphia, 1960; *Conroy Hillary.* The Japanese seizure of Korea, 1868–1910. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974.

¹⁴ Op. cit. P. 326.

¹⁵ *Cummings Bruce.* South Korea's Academic Lobby // JPRI Occasional Paper #7. Japan Policy Research Institute, May 1996.

¹⁶ *Harootyan Harry.* History's Disquiet: Modernity, Cultural Practice, and the Question of Everyday Life. New York: Columbia University Press, 2000. P. 33.

¹⁷ *Lensen J. A.* Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884–1899. V. I, II. Tallahassee: University Presses of Florida, 1982.

¹⁸ *Robert R. Swartout Jr.* An American adviser in Late Yi Korea: the letters of Owen Nickerson Denny. The University of Alabama Press, 1984.

¹⁹ *Lee Yur Bok.* West goes to the East. Paul Georg von Mollendorff and Great Power Imperialism in Late Yi Korea. Honolulu: University of Hawaii press. Cop., 1988.

²⁰ *Duus Peter.* The Abacus and the Sword. The Japanese penetration of Korea, 1895–1910. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1995.

²¹ *Schmid A.* Korea between empires, 1895–1919. Columbia university, 2002.

²² Op. cit. P. 31.

²³ *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East* / ed. Stephen Kotkin and David Wolff. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1995.

*О. Б. Лынича**

МИССИОНЕРСКИЕ УЧИЛИЩА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СРЕДИ КОРЕЙЦЕВ ЮЖНО-УССУРИЙСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XIX в.

Изучение школьного образования у корейских иммигрантов дальневосточной окраины России представляет особый интерес. Корейцы не являлись коренными жителями территории, вошедшей в состав России в 1860 г., — они стали добровольно переселяться в пределы соседнего государства с 1860-х годов. Навсегда покинув Корею, беженцы смотрели на Россию как на родину, несмотря на то что их статус был неопределенным в течение нескольких десятилетий — до середины 1890-х годов. С самого начала пребывания в новом государстве сельские корейские общины открывают начальные училища по русскому образцу. Уже сам по себе это уникальный факт, поскольку русские крестьяне-переселенцы Южно-Уссурийского края открывали школы спустя десятилетия после их водворения на новом месте. Руководство школьным делом среди корейских переселенцев принимает на себя русская православная церковь. В данном докладе сделана попытка осветить роль миссионеров в становлении школьного обучения корейских переселенцев.

Переселение корейцев на территорию российского государства поставило перед русской православной церковью задачу ведения христианской проповеди среди вновь прибывших. Для молодой Камчатской епархии, на которую была возложена миссия, это было почти невыполнимым заданием: епархия испытывала острый недостаток в священнослужителях, о специально подготовленных миссионерах не было и речи. Тем не менее был организован корейский миссионерский стан, который охватывал всю территорию Южно-Уссурийского края с центром в русском крестьянском се-

* Уссурийский государственный педагогический институт, Уссурийск.

лении Никольском. На никольского приходского священника дополнительно были возложены миссионерские обязанности. Таким образом, к его многочисленным пастырским обязанностям как в с. Никольском, так и в ближайших деревнях, где отсутствовали церкви, прибавились еще миссионерские заботы. Понятно, что вести миссионерскую работу в таких условиях было очень трудно.

Первым миссионером-священником, заботившимся о распространении школьного образования, можно по праву назвать Василия Григорьевича Пьянкова. Он был назначен миссионером корейской миссии и приходским священником в с. Никольское. В. Г. Пьянков прибыл в край в августе 1871 г. из Пермской епархии¹. Он проживал в Никольском и оттуда совершал миссионерские поездки по краю. В Посъете отец Василий всегда находил время посетить первые школы для корейских детей на российской территории — в селах Янчихе и Тизинхе. Иеромонах Павел писал в «Кратком очерке развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края», что В. Пьянков из школы с. Тизинхе «выбрал несколько мальчиков корейцев, а именно: Семена Цой, Ивана Тен, Илью Ким и Петра Цой (ныне Янчихенский волостной старшина), желая взять их на свое попечение и вывести в люди»². Священник жил со своими подопечными во Владивостоке, одевал и кормил их, «руководствовал и наставлял». По ходатайству отца Василия и с согласия адмирала А. Г. Кроуна, мальчики «по надлежащем испытании» были назначены юнгами на судно «Соболь». Таким образом, заключает иеромонах Павел, Василий Пьянков положил начало маленькому интернату из школьников-корейцев, приобщил их к «русскому духу», насколько он мог быть воспринят корейской натурой³.

Пребывание В. Пьянкова в крае было непродолжительным (1871–1873 гг.). В сентябре 1873 г. он покинул край, отправившись в Петербург для поступления Медико-хирургическую академию, чтобы, «посвятив себя изучению медицинской науки, приобрести большее влияние на корейцев». Журнал «Миссионер» сообщал, что «о. Пьянков в последние четыре года окрестил до 1300 корейцев и учредил для них 3 школы, в которых обучается более 100 учеников»⁴.

Находясь в столице, В. Г. Пьянков не забывал о корейских школах на окраине империи. Он опубликовал корейский букварь

«Корейская азбука (Автограф корейца, обучавшегося в миссионерской школе)»⁵. На обложке этой книги, напоминающей тетрадь, напечатано: «В пользу корейских школ Южно-Уссурийского края». На последней странице даны переводы с русского на корейский четырех фраз («Во имя отца и сына и святого духа»; «Иисусе Христе, помилуй меня»; «Боже, будь милостив ко мне грешному»; «Слава тебе, Боже наш, слава тебе»). И тут же — русско-корейский словарь, в котором 20 слов, таких, как «Бог», «отец», «сын», «дух», «церковь». По мнению известного российского ученого Л. Р. Концевича, это было первое в России начальное учебное пособие по корейскому языку⁶.

В небольшом предисловии к азбуке В. Г. Пьянков пишет, что «в 14 корейских селениях открыто 5 миссионерских училищ, в коих учится до 100 детей». Эти училища «крайне нуждаются в учебниках и ученических принадлежностях». Целью издания было выручить средства от продажи, на которые купить учебники и классные принадлежности⁷. Не известно, удалось ли В. Г. Пьянкову реализовать это благородное желание.

Сведения «Миссионера» о причастности православного миссионера В. Пьянкова к открытию школ следует уточнить. Школы в Тизинхе и Янчихе стали работать благодаря финансовой поддержке русских властей. Вряд ли верно говорить, что они были открыты отцом Василием. А вот третья школа, в Корсаковке (село первоначально называлось Михайловским), была действительно основана миссионером. В этом деле ему, вероятно, помог корсаковский старшина Петр Семёнович Цой, построивший в селе христианскую часовню⁸. Можно согласиться с мнением историка М. В. Белова, который считал Петра Семёновича первым корейцем, который не только принял православие, но и активно распространял его среди своих соотечественников⁹. Первоначально корсаковская школа помещалась в доме старшины, в ней было 12 учеников. Спустя некоторое время для школьных занятий сельским обществом была отведена отдельная фанза.

Корейские старшины Пуциловки и Кроуновки Павел Тен и Николай Энбошли также «много способствовали» обращению в христианство своих соплеменников¹⁰. Весной 1874 г. открылась школа в Пуциловке. Она помещалась в простом доме, принадлежащем пуциловскому обществу, имела небольшую библиотеку,

состоящую из 39 экземпляров разных руководств для первоначального обучения. В 1875 г. в корсаковской школе обучались 23 мальчика, пуциловской — 14¹¹. Корсаковская и пуциловская школы работали нерегулярно: они то открывались, то закрывались из-за отсутствия учителей или денег на их содержание.

Преемники Василия Пьянкова также проживали в с. Никольском, откуда совершали поездки по всему Южно-Уссурийскому краю, крестя корейцев Посьетского участка и Корсаковской волости. До конца 1870-х годов говорить об участии православного духовенства в деятельности начальных школ, работавших среди корейского населения Южно-Уссурийского края, не приходится. Как уже отмечалось, силы духовенства были очень незначительны, вести миссионерскую работу и организовывать школы священники не могли в силу объективных причин. В 1878 г. во главе Камчатской епархии становится епископ Мартиниан (Михаил Семенович Муратовский). Это был замечательный проповедник, который прежде занимался миссионерской деятельностью среди бурятского населения Забайкалья. Архипастырь Мартиниан добился разрешения Синода на учреждение должности главы Амурской православной миссии (до этого миссия находилась под непосредственным управлением епископа). Во главе проповеднической деятельности с 1880 г. по январь 1884 г. находился архимандрит Геронтий, опытный миссионер, прибывший из Забайкалья. Резиденцией Геронтия стало с. Благословенное на Амуре, основанное корейцами в 1871 г.

По инициативе епископа Мартиниана в 1879 г. обширный Южно-Уссурийский миссионерский стан разделили на два: Суйфунский и Посьетский. Центры миссий переместили в корейские селения «как более центральные для миссионерской деятельности»¹². Во вновь образованный Посьетский стан получил назначение местный приходской священник Иоанн Сечко¹³. Миссионерским центром было выбрано большое корейское село Янчихе, поэтому стан стал называться Янчихенским. И. Сечко в должности миссионера пробыл недолго: 22 декабря 1880 г. миссионером Янчихенского стана назначают священника ханкайской церкви Николая Верещагина¹⁴. Отставка И. Сечко была вызвана, вероятно, тем, что он не показал должного миссионерского рвения. Глава Амурской православной миссии посетил в сентябре

1880 г. Янчихенский стан и сделал заключение, что успеху проповеди мешало «собственное равнодушие» И. Сечко к обязанностям миссионера¹⁵.

29 июня 1880 г. миссионером Суйфунского стана был назначен никольский приходской священник Петр Певцов. В миссионерский стан входили четыре селения: Корсаковка, Пуциловка, Кроуновка, Синельниково. Центром миссии стало с. Корсаковка.

Появление двух миссионерских станов стало толчком к возобновлению работы школ. Впервые псаломщикам миссионерских церквей вменялось в обязанность обучать корейских детей. В 1880 г. в Корсаковке вновь открылась школа, в которой учились 7 мальчиков. Занятия с ними до своего отъезда на Посыет проводил псаломщик Андрей Ларионов¹⁶. Затем, «в пособие Корсаковскому миссионеру Петру Певцову», был определен диакон Илья Иванович Пляскин, при этом оговаривалось, что его назначение вызвано необходимостью иметь учителя в «иностранном училище»¹⁷.

Епископ Мартиниан во время пастырских поездок по вверенной ему епархии обязательно посещал школы и беседовал с детьми и учителями. В 1883 г. он побывал и в корсаковской школе. После богослужения в церкви дети подверглись экзамену в знании русской грамоты и истин православия: «К чести миссионера, занимавшегося обучением детей, большинство учеников читает по-русски довольно хорошо, и некоторые из них отвечали на вопросы из священной истории основательно»¹⁸. После этой поездки Мартиниан возложил обязанности миссионера на псаломщика корсаковской церкви, имевшего чин диакона, Илью Пляскина и рукоположил его в священники.

С этого времени дела в корсаковской школе пошли неважно. Корейцы сел Корсаковки и Синельниково «были очень недовольны своим священником отцом Ильей Пляскиным и подали исправнику прошение ходатайствовать о переводе его и назначении другого». Священника обвиняли в том, что делал с детей незаконные поборы и вовсе не учил их, но «собирая в школу, заставлял их работать в огороде»¹⁹. И. Пляскин вызвал в свой адрес такое негодование корейского населения, что ими была отправлена 29 июля 1884 г. телеграмма в адрес приамурского генерал-губернатора в Хабаровку. Случай, в общем-то, беспрецедентный. В теле-

грамме сообщалось, что «ныне опять священник еще хуже делает, терпения нет». Под жалобой стояли подписи старшин и жителей Пуциловки, Корсаковки, Кроуновки, Синельниково²⁰.

Священник Пляскин писал начальству, что эти жалобы не имеют под собой никакого основания и являются следствием происков корсаковского волостного писаря Воскресенского, стремившегося занять место учителя в местной школе и вытеснить оттуда Пляскина²¹. Церковные власти были склонны доверять миссионеру. Якобы корейцы, недовольные христианскими нововведениями, «примкнули к личности (из русских, бывший ссыльный), враждебной миссионеру», и навели на священника ложное обвинение. Сочувствие к Пляскину вызывали условия его проживания в Корсаковке — в «гнилой фанзе», из-за чего в 1883 г. умерли двое его детей. Тем не менее в апреле 1885 г., вследствие жалобы корейцев, решением консистории миссионера Корсаковского стана Илью Пляскина переместили к дракин-ской церкви (на Камчатке)²².

Жители Янчихе также жаловались начальству на действия своего священника Филиппа Типцева. Он препятствовал им строить здание школы, разрушил часть возведенной стены «из тех видов, что желал воспользоваться новым зданием для собственного жилья, а свое отдать под школу; присвоил 25 бревен, принадлежащих школе; нанес оскорбление действием корейскому старшине Ннани-Тэн»²³. Ф. Типцев в ответ писал, что, напротив, стремился побыстрее достроить здание школы, поскольку за неимением собственного помещения ученики собирались у него дома и стесняли, таким образом, семью священника. Резолюцией Камчатского епископа от 17 ноября 1885 г. Ф. Типцев был перемещен к никольской сельской церкви.

Корейское население не пожелало мириться с закрытием миссионерского училища в Корсаковке. На средства сельских общин в 1885 г. в Корсаковке (29 января) и Пуциловке (23 марта) открылись школы, где преподавали учителя, «за неимением других лиц, вовсе не подготовленные к этому делу».

Миссионеры вполне понимали значение школ для успеха ведения христианской проповеди. В отчете Камчатской миссии за 1883 г. впервые ставится вопрос о необходимости построить в Корсаковке училище на 50 человек и такое же в Пуциловке, с по-

мещением для учителя. Необходимость строительства училища, а также часовни в Пуциловке объяснялась тем, что в это село занимало центральное положение, здесь находилось корейское волостное правление. Кроме того, жители Пуциловки не имели возможности посылать детей за 15 верст в корсаковское училище²⁴.

В 1884 г. инспектор владивостокской гимназии Герман Мазинг сообщал, что в трех корейских школах (учитывалась также янчихенская) обучались не более 100 учеников, и приводит сведения о детях школьного возраста: 756 мальчиков и 588 девочек, всего 1344 ребенка²⁵. Так впервые были представлены сведения о количестве детей школьного возраста среди корейских иммигрантов. По отчету начальника Южно-Уссурийского округа П. А. Занадворова за 1885 г. видно, что число учеников было значительно меньше: в Корсаковке и Пуциловке обучались по 21 мальчику, в Янчихе — 15, всего 57 учеников. Преподавание в Корсаковке и Пуциловке было «непостоянным и неудовлетворительным от плохого выбора учителей». Школа в Янчихе продолжала числиться миссионерской, результаты обучения были также плохими из-за «недостаточной подготовки учителей, которыми бывают большей частью отставные солдаты»²⁶.

После отставки И. Пляскина миссионерские обязанности по совместительству стал исполнять никольский приходской священник Павел Мичурин. Он заведовал огромным приходом, который занимал центральную часть Южно-Уссурийского края. Понятно, что в этих условиях заниматься миссионерством отец Павел не мог просто физически. Дело ограничивалось редкими приездами священника в корейские села по Суйфунской долине²⁷.

В 1886 г. глава Камчатской епархии епископ Гурий посетил Южно-Уссурийский край с миссионерской целью. Позже он напишет: «...я принял корейскую миссию в расстроенном виде, если только она была когда-либо ранее благоустроена...»²⁸. Перед преосвященным стояла трудная задача найти миссионеров-пастырей, таких, которые, «по крайней мере, по своим нравственным качествам соответствовали бы высокой миссии среди корейцев». Гурий остановил выбор на своем секретаре Новокшенове, получившем образование в благовещенской гимназии. Это был «скромный, благородный, умный и трудолюбивый» молодой человек. Архипастырь поставил перед но-

воиспеченным миссионером задачу овладеть в течение полутора лет корейским языком²⁹.

В ноябре 1887 г. в Корсаковский миссионерский стан прибыл миссионер Александр Парфентьевич Новокшенов. Псаломщиком миссионерской церкви стал служить Иннокентий Верещагин. Молодой миссионер и его помощник отличались похвальным рвением к порученному делу. Через год отец Александр уже мог объясняться с прихожанами на корейском языке. И. Верещагин также выучил корейский язык и через 2 года «приготовился к миссионерской деятельности». А. П. Новокшенов взял руководство школьным делом Корсаковского миссионерского стана в свои руки. Благодаря его заботам в 1888 г. открылись школы в Синельниково (21 сентября) и Кроуновке (28 декабря). В Корсаковке для священника был отстроен дом, совмещенный со школой. Новая постройка по русскому образцу резко выделялась своим внушительным видом среди скромных корейских фанз. В Кроуновке и Синельниково школы помещались в специально отведенных фанзах³⁰. Корсаковская школа миссионером Новокшеновым была поставлена настолько хорошо по обучению и воспитанию детей, что ее можно было, по мнению главы Камчатской епархии, «ставить в образец». Из этой школы вышли переводчики Ким и Цой — мальчики 14 и 16 лет. Один из них с «таким умением» переводил поучения Гурия, что привел архипастыря «в восторг и удивление быстротой, сообразительностью и точностью»³¹.

Содержание школьного курса в корейских школах 1870–1880-х годов определялось программой элементарных (начальных) училищ. Дети учились читать и писать по-русски, осваивали четыре действия арифметики, знакомились со священным писанием и учили молитвы. Почти единственным мерилем успешности работы школы в эти годы являлось знание учащимися русского языка и Закона Божьего.

В июне 1889 г. на экзаменах в школах Корсаковской волости присутствовал начальник Южно-Уссурийского округа А. В. Суханов. В своем ежегодном отчете он описал содержание школьного курса и успехи учеников. Начальник округа подчеркнул, что дети обучались бесплатно в «особо выстроенных для того зданиях». Миссионер А. Новокшенов относился к делу обучения корейцев «с полным знанием и любовью». На эк-

заменах в присутствии А. В. Суханова большинство учащихся говорили «порядочно» по-русски, читали и поясняли прочитанное. Дети знали правила арифметики, умели пояснить значение картин, иллюстрирующих священное писание. Во время посещения Посъета и находящейся там школы Суханова ждало разочарование. Он отметил, что в результате обучения корейских мальчиков в янчихенской школе в течение 6 лет «едва наберется до 10 маломальски грамотных по-русски»³².

С начала 1890-х годов обучение в школах происходит по программам одноклассных церковно-приходских училищ, где основными предметами были Закон Божий, старославянское письмо, церковное пение. Однако спецификой школ среди корейского населения было то, что в них по-прежнему доминирующее значение имело изучение русского языка, так как дети приходили в школу, его не зная. Поэтому первые 2 года, а иногда и больше, уходило на его изучение.

Корейские миссионерские станы Южно-Уссурийского края были весьма обширными по площади, поэтому в 1890-е годы происходит их деление. Епископ Гурий ходатайствовал перед Святейшим Синодом об учреждении в корейских деревнях Пуциловке и Синельниково, входящих в состав Корсаковского миссионерского стана, самостоятельных миссионерских станов. Просьба была удовлетворена в 1891 г. В каждый их двух новых станов был назначен причт, состоящий из священника и псаломщика³³.

Янчихенский стан простирался на 250 верст и имел в своем составе 13 деревень и 80 выселков³⁴. В 1890-е годы здесь появились самостоятельные миссионерские станы в Тизинхе, Адими, Заречье, Мангугае и Посъете. Появление новых миссионерских станов, увеличение числа миссионеров способствовало их большему участию в делах школы. Епископ Макарий во время пастырской поездки 1893 г., как и его предшественники, посещал школы. На экзамене, устроенном преосвященным ученикам корсаковской и кроуновской школ, дети «бойко и быстро давали разумные ответы, сначала по-русски, а потом по-корейски». Епископ «выразил удовольствие» и благодарил учителей за «усердное отношение к делу обучения детей». В пуциловской школе (под руководством священника И. Верещагина) большинство детей обнаружили «вполне основательное знание пер-

воначальных молитв и многих событий библейской истории», имелся также прекрасный школьный хор³⁵. Мнение духовного лица о состоянии образования в миссионерских школах вполне согласуется с выводами начальника Южно-Уссурийского округа А. В. Суханова. В феврале 1893 г. он побывал в школах вместе с благочинным отцом П. Мичуриным и проэкзаменовал учащихся. Чиновник отметил, что впервые поступившие в школу дети изучают прежде всего русский язык, названия предметов на русском языке, учатся писать и читать по-русски. После 2 лет учебы дети правильно говорили и читали по-русски, объясняли, «насколько позволял язык», прочитанное, знали главнейшие молитвы, заповеди, символ веры, умели объяснить значение картин, иллюстрирующих священную историю, умели считать. Ученики знали «отчасти» грамматические правила и арифметические правила с именованными числами. В общем, делает вывод чиновник, обучение в этих школах дает удовлетворительные результаты³⁶.

В 1900 г. среди корейского населения Южно-Уссурийского края работало 11 церковно-приходских школ и 15 школ грамоты, в которых обучались 698 мальчиков и 43 девочки³⁷. Таким образом, к концу XIX в. во всех 22 селениях Янчихенской волости и 5 селах Корсаковской волости имелись школы. В больших селениях, растянувшихся на несколько верст, их было по 2-3. Школа по своему местоположению становится доступной большей части корейского населения. В середине 1890-х годов Святейший Синод высоко оценил состояние миссионерских корейских училищ: «...школы эти содержатся самими инородцами, охотно ассигнуемыми из общественного капитала потребную сумму на годичное содержание учителей, постройку и ремонт школьных зданий и заготовление классной мебели. Посему корейские миссионерские школы как по своей учебной организации, так и по внешней обстановке могут быть причислены к категории вполне удовлетворительных рассадников православно-церковного просвещения в епархии»³⁸.

Вклад миссионерских школ в развитие первоначального образования можно оценить достаточно высоко: это были, по существу, школы, которые способствовали интеграции корейского населения в новую для них культурную среду посредством изучения русского языка и основ православия. Из миссионерских школ вышла целая плеяда первых учителей-корейцев, в этом также заклю-

чается большое значение этих школ. Нельзя, конечно, умолчать и о недостатках этих учебных заведений — спорадичности их деятельности (школы то открывались, то закрывались), невысоком образовательном уровне учителей, священников-миссионеров и псаломщиков, не имевших часто даже среднего образования. Тем не менее работа миссионерских училищ стала основой для создания сети начальных образовательных заведений среди корейского населения.

-
- ¹ Иркутские епархиальные ведомости (далее — ИЕВ) 1871. № 45. Отд. офиц. С. 397.
- ² Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. № 7. Отд. неофиц. С. 178.
- ³ Там же. С. 179.
- ⁴ Миссионерская деятельность между корейцами в Камчатской епархии в 1872 г. // Миссионер. 06.03.1874. С. 63.
- ⁵ Пьянков В. Г. Корейская азбука (Автограф корейца, обучавшегося в миссионерской школе). СПб., 1874.
- ⁶ Концевич Л. Р. О развитии традиционного корееведения в царской России (историко-библиографический очерк) // Энциклопедия корейцев России. М., 2003. С. 89.
- ⁷ Пьянков В. Г. Указ. соч. С. 2.
- ⁸ Белов М. В. Русская православная церковь и корейцы. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 37.
- ⁹ Там же. С. 38.
- ¹⁰ Васильева Олимпиада. Пост Камень-Рыболов и его окрестности // Известия Императорского русского географического общества. 1875. Т. XI. СПб., 1876. С. 274.
- ¹¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 273. Л. 14.
- ¹² ИЕВ. 1881. Прибавления № 34. С. 396.
- ¹³ Там же. С. 436.
- ¹⁴ ИЕВ. 1881. № 11. С. 53.
- ¹⁵ ИЕВ. 1881. Прибавления № 34. С. 403.
- ¹⁶ Там же. С. 424.
- ¹⁷ ИЕВ. 1882. Прибавления № 28. С. 361.
- ¹⁸ ИЕВ. 1884. Прибавления № 8. С. 98.
- ¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 967. Л. 8.
- ²⁰ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 915. Л. 1.
- ²¹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 886. Л. 6.

- ²² ИЕВ 1885. № 25. С. 143.
- ²³ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 886. Л. 10.
- ²⁴ ИЕВ 1884. Прибавления № 41. С. 457.
- ²⁵ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1226. Л. 4.
- ²⁶ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1012. Л. 277–278.
- ²⁷ ИЕВ. 1887. Прибавления № 30. С. 374.
- ²⁸ Гурий. Сведения о миссии среди русских корейцах // Камчатские епархиальные ведомости (далее — КЕВ). 1899. № 12. Отд. офиц. С. 190.
- ²⁹ Там же. С. 190.
- ³⁰ Там же. С. 191.
- ³¹ Там же. С. 195.
- ³² РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 283–284 об.
- ³³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 гг. СПб., 1893. С. 47.
- ³⁴ ИЕВ. 1888. Прибавления № 21. С. 201.
- ³⁵ КЕВ. 1894. № 7. Отд. неофиц. С. 149–151.
- ³⁶ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Л. 152.
- ³⁷ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1900 год. СПб., 1903. С. 141.
- ³⁸ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 гг. СПб., 1898. С. 263.

Распространение протестантизма в государствах Азии

Страна	Численность последователей протестантизма, млн человек	В % от общей численности населения
Китай	58	5
Индонезия	17	9
Индия	16	2
Южная Корея	12	27
Филиппины	5	8
Мьянма	2,2	5
Япония	1,4	1
Пакистан	1,3	1

Источник: www.protestant.ru

А. В. Пак*

ПРОНИКНОВЕНИЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА В КОРЕЮ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП

История протестантизма в Корее насчитывает более 100 лет, что ничтожно мало в плане исторической хронологии. Может быть, именно по этой причине он пока не привлек к себе должного внимания со стороны российских востоковедов. Между тем, именно протестантское направление христианства внесло наибольший вклад в формирование облика современной Южной Кореи. Протестантские миссионеры были первыми, кто в конце XIX в. — начале XX в. привнесли в тогда еще единое корейское государство прогрессивные идеи западного образа жизни: европейскую медицину, образование, равноправие женщин, элементы западной культуры и т.д. Корейские христианские лидеры также были активными участниками борьбы за независимость против японской колониальной оккупации и сегодня, в эпоху всемирной глобализации, занимают активную позицию как внутри, так и за пределами РК.

В сегодняшнем мире Южная Корея уникальна тем, что является единственной из азиатских государств, в религиозной жизни которых протестантизм занимает доминирующее положение. По абсолютной численности последователей протестантизма выделяются следующие государства Азии (см. таблицу).

Ранние контакты европейских проповедников с корейцами состоялись еще в XVI в. Первые из них не привели к массовому распространению новой веры. Однако позднее, преодолев идеологические (консерватизм) и политические (репрессии со стороны властей) препоны, католицизм занял достойное место в корейской истории. Его идеи оказали влияние на зарождение в XVI — XVII вв. в среде корейской интеллигенции идейного течения *сирхак* (реальные науки), участники которого выступали за

* Институт востоковедения РАН, Москва.

практические знания, направленные на улучшение жизни страны и простого народа¹.

Католичество, или по-корейски *сохак* (западное учение), сыграло существенную роль и в появлении в середине XIX в. *тонхак* (восточное учение), которое, первоначально начавшись как мирное движение, переросло в 1893—1894 гг. в грандиозное крестьянское восстание, направленное как против пережитков феодализма, так и против усиления иностранного влияния в стране. Уже в начале XX в. религиозные и философские постулаты *тонхак* трансформировались в *Чхондоге* — Учение Небесного пути, ставшее одной из идейных основ дальнейшей борьбы за независимость Кореи и до сих пор распространенное в стране.

Вторым был протестантизм. Первые попытки проникновения протестантов в Корею относятся к 1830-м годам (Чарльз Гутслав, Роберт Томас, Александр Вильямсон, Джон Росс и др.)². Они представляли собой редкие, спорадические контакты европейских проповедников (в основном немцев и шотландцев) с корейцами за пределами Кореи. Тем не менее этот предварительный этап был, как мы увидим в дальнейшем, крайне важен, ибо его главным итогом стал перевод текста Библии на корейский язык.

Массовое распространение протестантизма началось лишь в 1880-е годы, вскоре после открытия страны и подписания договора с США в 1882 г. Именно в это время западные (по преимуществу аме-

риканские. — *Авт.*) миссионеры, такие, как Гораций Аллен, Хорас Ундервуд, Генри Аппенцеллер и др., активно проникают в Корею. В конце 1890-х годов в Корею проникло и православие, но в силу многих причин его влияние на историю страны было ничтожным.

Несомненно, что протестантизм должен был идеологически обеспечить проникновение США в Корею. Однако, в отличие от католицизма, протестантизм получал куда большую поддержку со стороны корейцев. Хорошее отношение к новой религии со стороны местных жителей во многом объяснялось тем, что миссионеры основывали не только церкви, но и строили гуманитарные учреждения — школы и больницы. Так, пастор Маклей в своем письме в Общество иностранных миссий методистской церкви писал: «Прежде всего давайте начнем с просветительской и лечебной работы. Не откладывайте, и я уверен, вы добьетесь больших успехов в проповеди христианства»³.

В своей практической деятельности западные миссионеры успешно использовали так называемый «метод Невиуса». В начале 1890 г. Джон Л. Невиус — проповедник, проживавший в Китае, — написал для протестантских миссионеров, которые собирались работать в Корее, специальный свод правил. Он состоял из следующих пунктов.

1. Распространять христианство не только среди высших слоев общества, но и среди народных масс.
2. Ставить своей целью воспитание женщин и молодежи.
3. В районных центрах открывать начальные школы и через них проводить христианское воспитание.
4. Готовить преподавателей через миссионерские образовательные учреждения.
5. Ускорить работу по переводу Библии.
6. Вести делопроизводство на корейском языке.
7. Увеличить число прихожан, вносящих средства для обеспечения самостоятельности церквей.
8. Распространять веру среди корейцев по возможности силами самих корейцев.
9. Врачам-миссионерам вести проповедь среди больных в основном на собственном примере.
10. Сохранять связи с пациентами и после их выздоровления⁴.

Одним из практических воплощений метода Невиуса в Корее стало появление в середине 1880-х — начале 1890-х годов больниц и учебных заведений нового, западного типа.

Среди первых христианских миссионеров на этом поприще особо следует выделить американского проповедника доктора Горация Аллена, сыгравшего ключевую роль в признании христианства корейским королем и правящим двором. Помог ему случай. В 1884 г. во время переворота Ким Ок Кюна сторонники модернизации Кореи решили отстранить от власти консерваторов. Во время заговора они нанесли опасную для жизни рану одному из министров, Мин Ен Ику⁵. Аллен сделал ему операцию и спас его от смерти. Этим он завоевал доверие корейского правительства, воочию показав ему преимущества европейской медицины.

Популярность европейского доктора привела к тому, что его дом превратился в добровольную лечебницу для пациентов, которые стали съезжаться к нему со всех концов Сеула. Поэтому через некоторое время стало ясно, что принимать их всех на дому просто не представляется возможным. Тогда Аллен обратился к вану Кочжону с прошением о разрешении ему строительства государственной больницы, которая могла бы работать под его руководством и при поддержке корейского правительства. Вскоре, несмотря на трудности и сопротивление консерваторов от традиционной корейской медицины, ему удалось осуществить свой проект. Больница была открыта 10 апреля 1885 г. и получила название *Кванхэвон* (Дом всеобщего милосердия)⁶. Ее директором стал д-р Аллен, задача которого заключалась в снабжении ее современным медицинским оборудованием, в то время как корейское правительство должно было взять на себя заботу о содержании здания больницы и обеспечении персоналом. Так была заложена основа для постоянной миссионерской работы в Корее.

Что касается учебных заведений, то и здесь миссионеры успели сделать очень много. Так, в августе 1885 г. по инициативе Х. Г. Аппенцеллера была открыта школа *Пэджэ хактан* (Школа воспитания полезных людей)⁷. Школа была предназначена для подготовки будущих протестантских проповедников из числа местных корейцев. Кстати, следует отметить, что ряд современных высших учебных заведений и университетов Южной Кореи начинали свою историю именно как миссионерские учебные уч-

реждения. К их числу относится женский университет *Ихва*, созданный в 1886 г., и университет *Енсе*, созданный на базе колледжа *Чосон* в 1905 г.

Учебные заведения, основанные европейскими миссионерами, ратовали за внедрение современных знаний, уважительное отношение к ученикам, боролись против традиционно конфуцианского, пренебрежительного отношения к женщине, выступали с критикой суеверий, просвещали молодежь относительно вреда для здоровья алкоголя, табака⁸ и т.д.

Конечно, миссионеры, открывая в Корее свои школы и больницы, руководствовались не одними лишь бескорыстными побуждениями. Их проповедническая деятельность не только служила реализации религиозных идеалов, но была важным средством политического влияния этих стран на Корею. Однако учебные заведения, созданные миссионерами, объективно содействовали развитию национального самосознания молодых корейцев, расширению их кругозора, получению ими современных знаний. Поэтому не случайно, что именно из стен этих школ позднее вышли многие видные деятели национально-освободительного движения Кореи. Исключительно в миссионерских школах — других женских учебных заведений тогда просто не было — получило образование и первое поколение корейской женской интеллигенции⁹.

Однако при всем желании европейцев проникнуть в страну, они никогда не смогли бы добиться такого большого успеха, если бы в самой Корее, в среде просвещенных *янбанов*, не выросла потребность в приобретении современных знаний. По свидетельствам миссионеров, часть корейских чиновников обращалась к ним с просьбами о более активном внедрении христианства в корейское общество. В частности, Пак Ен Хе — сторонник *кэхва ундон* (движение сторонников прогресса, или, точнее, «цивилизаторства») — в беседе с одним американским проповедником заявил: «Наш народ нуждается в просвещении и христианстве. Посредством ваших миссионеров и церковных школ вы сможете просветить и поднять культурный уровень нашего народа. Это будет трудная и даже, может быть, порою неблагодарная работа, но ваша великая страна способна ее совершить. Ваши миссионеры уже сделали очень много хорошего для Кореи. Наши старые религии слишком поверхностны, и поэтому они должны быть вытес-

нены христианством. Армия христианских учителей и проповедников должна проникнуть в каждый уголок нашей страны. Наш народ должен просвещаться и христианизироваться, чтобы позднее осуществить конституционную реформу. Тогда вполне возможно, что в отдаленном будущем мы станем столь же свободной и просвещенной страной, какой является сейчас ваша страна»¹⁰.

Другим методом Невюса было распространение христианства руками самих корейцев. И вот здесь в полной мере проявил себя заблаговременный перевод Библии на корейский язык. Дело в том, что протестантская церковь в Корее уже на начальном этапе распространения христианства имела отличительные особенности, которые сводятся к двум основным аспектам, поставившим ее в более выгодное положение, чем другие церкви. Во-первых, протестантские миссионеры с самого начала использовали Библию, которая была переведена на корейский язык за границей. Хотя римско-католическая церковь проникла в Корею на целый век раньше, чем протестантство, но из-за своей ортодоксальности она так и не попыталась осуществить перевод Библии на корейский язык и проводить молебны на родном для корейской паствы языке. Во-вторых, протестантские миссионеры возложили непростую миссию распространения Библии, а значит, и своей веры, на самих же корейцев, которые стали называться *квонсо*, т.е. распространители Библии¹¹. Очень часто распространителями становились бродячие торговцы *побусаны*, которые одновременно со своей основной деятельностью могли быть внештатными сотрудниками какого-либо библейского общества, где получали заработную плату, либо это были частные книготорговцы в небольших книжных лавках, которые получали комиссионные за проданную литературу. *Квонсо* продавали и распространяли Библию, разъясняли Священное писание, а там, где не было церквей, открывали их. *Квонсо* занимались не просто распространением священного писания, но и его пропагандой, которая часто сочеталась с ликвидацией неграмотности среди корейского населения и обучением простых людей национальному письму *хангыль*.

Кстати, своему феноменальному успеху протестантизм во многом был обязан именно корейскому алфавиту *хангыль*, который появился в Корее задолго до появления там первых христианских проповедников. Во-первых, *хангыль* мог в равной степени

использовать как простой народ, так и корейская интеллигенция. Во-вторых, при переводе различные теологические термины были переданы с помощью оригинальных корейских понятий. Так, например, «Бог», «Царствие Небесное», «внутренний мир» и другие теологические термины были трудноразъяснимыми для некоторых народов, однако для корейцев ко времени начала пропаганды протестантизма в Корею и перевода Библии на корейский язык они уже были хорошо знакомы. И, наконец, в-третьих, поскольку одной из сфер религиозной пропаганды в Корею являлся перевод Библии на корейский язык, а использовать при этом *хангыль* было гораздо легче, чем китайские иероглифы, популяризация исконного корейского алфавита была выгодна в одинаковой мере как самим корейцам, так и американским миссионерам.

Эта тенденция особенно наглядно проявилась позднее, в 1896–1898 гг., когда в Корею возникло и набрало силу патриотическое Общество независимости (*Тоннип хепхве*). Одним из итогов его деятельности в конце XIX в. было внедрение на корейскую почву множества прогрессивных идей: свободы печати, собраний, равноправия женщин, просвещения народа, традиций западной политической культуры и т. д. Многие из членов и руководителей Общества (Со Джэ Пхиль, Юн Чхихо, Ли Сын Ман) находились под сильным влиянием западных ценностей, в частности идей протестантизма. При их руководстве и активном участии американских миссионеров Аппенцеллера, Хальберта и других в Сеуле в течение нескольких лет издавалась газета «*Тоннип синмун*» («Независимая газета»), одна часть которой была на корейском языке (*хангыль*), а другая — на английском. Эта газета, будучи мощным средством пропаганды национальной независимости и модернизации Кореи, была одновременно и первым в ее истории печатным органом нового, западного типа. Поэтому не случайно именно день 7 апреля 1896 г. (а именно тогда вышел в свет первый номер «*Тоннип синмун*») в 1957 г. провозглашен в РК Днем печати и отмечается как праздник современной корейской прессы¹².

Поскольку речь зашла об Обществе независимости, то следует отметить, что, несмотря на кратковременность своего существования (1896–1898 гг.), оно оказало значительное влияние на последующее поколение борцов за независимость начала XX в. Именно в это время, в период *Кемонундон* (культурно-просветитель-

ское движение), т.е. с 1905 по 1910 г., когда страна уже подпадала под власть Японии, на корейской политической сцене в полной мере проявили себя люди, получившие первое «боевое крещение» в Обществе независимости. В процессе превращения страны в японскую колонию лозунги модернизации отходили на задний план, уступив место борьбе за национальную независимость. С 1898 по 1910 г. в стране появилась масса организаций политической направленности: Общество самоусиления Кореи (*Тэхан чаганхве*), Корейское общество (*Тэхан хепхве*), причем во многих из них успешно трудились бывшие члены Общества независимости.

История протестантизма в Корею насчитывает немногим более века. Его появление и последующее распространение на Корейском полуострове было предопределено объективными историческими причинами, прежде всего ростом экспансии западных держав и внутренними изменениями, происходившими в тогдашнем корейском обществе. Однако понадобилось, по историческим меркам, не так уж много времени, прежде чем «чужеземное учение» перестало быть «чуждым», а стало своим — частью собственной истории и культуры.

Успех протестантизма в начальный период был вызван целым рядом факторов. На первых порах ему способствовала обстановка общего духовного кризиса, который подорвал позиции традиционных верований. Важную роль сыграло и то, что христианство в Корею не воспринималось как религия колонизаторов и что его сторонники с самого начала играли немалую роль в национально-освободительном движении. Поэтому христианство не несло для большинства корейцев негативного оттенка, напротив, оно часто было символом приобщения к новым западным демократическим идеям и ценностям. Большую роль в популяризации нового верования сыграла и гибкая политика самих протестантских миссионеров.

В советское время многие отечественные исследователи справедливо говорили о том, что западные миссионеры, успешно внедрявшие в Корею христианские ценности, действовали не столько из альтруистических побуждений, сколько из своих корыстных интересов и интересов тех стран, которых они представляли. Но это лишь часть исторической правды. Другая заключается в том,

что подвижническая деятельность протестантских миссионеров на начальном этапе проникновения в Корею, открытие ими современных школ, больниц, распространение передовой западной науки и культуры расширяло кругозор корейцев, обогащало их, вело к возникновению у них чувства самоуважения и приобретению ими первого политического опыта. Поэтому не случайно в годы аннексии и колониального владычества Японии в Корею многие из корейских христиан в той или иной степени оказались вовлеченными в национально-освободительную борьбу. Так, например, в Первомартовском движении 1919 г. из 15 156 человек, арестованных японцами, 3373 были протестантами¹³.

Однако воздействие христианства не исчерпывалось только лишь событиями антиколониальной борьбы, но оказало немалое влияние на историю Кореи уже после 1945 г. Корейские христиане активно участвовали в борьбе против военных диктатур Пак Чжон Хи и Чон Ду Хвана, выступая за демократические права и свободы. В 1980-е годы они активно выступали за преодоление раскола двух Корей на путях мирного объединения. Поэтому не будет преувеличением сказать, что современную Корею невозможно представить без христианства. Подтверждением этого являются данные переписи населения Южной Кореи за 2005 г., согласно которой 55% южнокорейцев являются христианами, из них католиков — 5 146 147, а протестантов — 8 616 438 человек¹⁴.

¹ Пак В. П. Просветительское движение и система образования в Корею во второй половине XIX — XX вв. М., 1982. С. 19.

² Paik L.G. The history of protestant missions in Korea (1832–1910). Seoul, 1987. P. 43.

³ Цит. по: Чан Джэён. Первомартовское движение 1919 г. и корейская протестантская церковь. М., 1997. С. 72.

⁴ Ким Г. Н. История религий Кореи. Алматы, 2001. http://world.lib.ru/k/kim_o_i/ghjt6rtf.shtml

⁵ Paik L.G. Op. cit. P. 102.

⁶ Ibid. P. 106.

⁷ Vipin Chandra. Imperialism, resistance and reform in late 19th — century Korea: enlightenment and the Independence Club. Berkely, 1988. P. 60.

⁸ Fisher J.E. Democracy and mission education in Korea. New York, 1928. P. 96.

⁹ Ланьков А. Христианство в Корею. www.oriental.ru

¹⁰ Цит. по: Wanne J.J. A cultural history of modern Korea. P. 524.

¹¹ Ким Г. Н. Указ. соч.

¹² A handbook of Korea. Seoul, 1993. P. 589.

¹³ Ланьков А. Указ. соч.

¹⁴ Республика Корея. Цифры и факты. Сеул, 2008. С. 188.

*Л. В. Овчинникова**

КОЛОНИАЛЬНАЯ КОРЕЯ В МАТЕРИАЛАХ ЯПОНСКОЙ ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ (конец 1910-х годов – 1945 г.)

Проблематика истории Кореи колониального периода остается актуальной и по сей день. Отечественная ориенталистика создала немало трудов по этому периоду. Но наряду с объективными оценками и суждениями в них немало спорного, требующего переосмысления. Положение осложнялось тем, что долгое время советские корееведы были вынуждены следовать в своих трудах за официальной историографией КНДР, которая не всегда была объективной. Это привело ко многим негативным явлениям, в частности к безымянности, отсутствию сведений о лидерах, участниках антияпонской борьбы. Образовалось немало «белых пятен», нерасшифрованных страниц колониальной истории. Думается, что и сейчас эта тема, которая относится к числу активно изучаемых российскими корееведами, требует дальнейшего исследования, новых подходов, освобождения от идеологических догм.

Несомненно, японский колониальный режим рассматривал Корею как плацдарм для экспансии в Восточной Азии, использовал ее как колониальный рынок, выпивал из нее все соки. Именно на эту эксплуатационную часть и делается упор в выпущенных в последнее время трудах отечественных корееведов. Вместе с тем в тот период началось строительство современной инфраструктуры: были созданы предпосылки для развития систем управления, здравоохранения, образования. Колонизаторская, эксплуатационная составляющая, несомненно, превалировала, но с ней соседствовали и элементы модернизации экономической и общественной жизни.

При исследовании истории колониальной Кореи нельзя упускать из виду секретные и закрытые материалы и документы, вы-

* ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова.

пущенные японским генерал-губернаторством. Несомненно, эти источники воссоздают картину колониальной Кореи, показывают методы управления и контроля японских властей, повествуют об их идеологической работе в колонии, рассказывают о национально-освободительной борьбе корейского народа. Они помогают осветить общественно-политическую жизнь этой страны, ее экономическое и промышленное развитие.

Несколько слов о том, как попали в руки автору эти книги. После капитуляции Японии многие секретные материалы уничтожались, сжигались. Но некоторые из них служащие колониальной администрации припрятали и продали букинистам, и эти книги появились в книжных лавках, где их и сумели приобрести сотрудники Генерального Консульства СССР, проживавшие в то время в Сеуле. Среди них оказалась и Ф.И. Шабшина, впоследствии ставшая одним из ведущих специалистов по истории Кореи. Она пробыла в этой стране несколько лет – с небольшим перерывом с 1940 по 1946 г. со своим мужем А.И. Шабшиным (Куликовым) – вице-консулом СССР в Сеуле. Советский дипломат, понимая важность данных материалов, стал обладателем секретных документов генерал-губернаторства и тайной полиции. После войны эти книги были привезены в Москву. Позже Ф.И. Шабшина первая в отечественной историографии исследовала некоторые закрытые издания генерал-губернаторства. Она приводила отдельные данные из них в своих книгах «Очерки новейшей истории Кореи», «В колониальной Корее», в разделах «Истории Кореи». После войны чемодан с секретными архивами японского генерал-губернаторства и тайной полиции несколько десятилетий пролежал на антресолях, затем был передан автору. Вполне очевидно, какую огромную ценность представляют эти архивы для современных историков-востоковедов. Остановлюсь на них подробнее.

Закрытые материалы японского генерал-губернаторства – материалы полиции, суда, прокуратуры – были изданы в 1920–1940-е годы в Корее на японском языке. Книги содержат по периоду с конца 1910-х до начала 1940-х годов большое количество фактического материала. Их чисто прагматические, прикладные цели, а также детализированные до мелочей сведения лишь повышают ценность рассматриваемых изданий. Встает вопрос о степени достоверности и объективности данных материалов. Ведь нетруд-

но догадаться, какими методами полиция добывала сведения у арестованных, многие из которых не выдерживали пыток, давали ложные показания. Думается, рассчитанная на узкий круг допущенных к закрытым изданиям чиновников информация, содержащаяся в этих материалах, может быть признана более или менее достоверной. Все же автор счел необходимым в процессе их исследования тщательно сверять ее с другими материалами. Можно предположить, что полицейско-жандармские службы нередко преувеличивали размах народной борьбы, антияпонских выступлений, дабы завесить свою роль в их подавлении, чтобы получить еще большие ассигнования, материальные средства и возможности для своей деятельности.

Отражено в источниках и несколько искаженное представление авторов об освободительном движении, рассматриваемом сквозь призму полицейской методологии и исключительно как продукт экспорта извне. Наиболее полно во всех закрытых изданиях отражена сфера подавления антияпонской борьбы. В них раскрываются многообразные разноплановые террористические, идеологические и другие методы, которые предпринимала японская колониальная администрация в Корее.

Исследуемые закрытые японские издания можно классифицировать следующим образом: а) комплексно-аналитические, исследовательские; б) оперативные; в) справочные; г) разные, главным образом обзорные. Рассмотрим наиболее, на наш взгляд, важные материалы.

К первой группе можно отнести книгу «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время» («Сайкин-ни окэру те:сэн дзиан дзе:ке:»), Сеул, 1939 г., созданную, как явствует из ее текста, не только полицейскими чинами, но и учеными, аналитиками. В ней затрагиваются вопросы антияпонского движения в Корее, содержатся сведения о его леворадикальном крыле, о лидерах патриотов, их организациях. В книге предприняты попытки периодизации и выяснения особенностей и тенденций развития антияпонской борьбы. Приведен большой материал о методах ее подавления, о так называемых «идеологических преступлениях», сводки, таблицы, подробные данные о процессах над ее участниками. В этой книге, как и в других аналитических материалах, дифференцированный подход к антияпонским организациям

сводится, в основном, к делению их на два потока: левый, возглавляемый или прямо отождествляемый с коммунистами, и буржуазно-националистический. О втором говорится гораздо меньше. Особую бдительность авторы книги «Состояние общественного спокойствия...» проявляют к проблеме единства действий, связям между этими двумя потоками, изыскивая пути предотвращения создания ими единого фронта. Интересны материалы книги о корейских религиозных организациях.

Отдельная глава в ней посвящена легальным, ненасильственным формам выступлений корейцев за национальную независимость (участие в парламентских выборах и пр.). Материалы книги указывают на то, сколь тревожило администрацию состояние умов корейцев, их недовольство политикой колониальных властей, а в 1930-х годах — развертыванием Японией военных действий в Китае. Чрезвычайные меры борьбы с «опасными элементами», включавшие не только репрессии, но и создание в колонии различных прояпонских организаций и разложение изнутри патриотических сил, отражены в книге весьма наглядно.

Основное внимание книга уделяет леворадикальному крылу патриотических сил, которое рассматривалось колониальной администрацией в качестве влиятельной силы корейской освободительной борьбы. Особо подчеркивается, что деятельностью левого крыла руководила Москва. Книга указывает и на большую роль китайской компартии в партизанской борьбе на территории Маньчжурии, в создании единого антияпонского фронта.

Обширный материал содержится в «Вестниках идеологии» («Сисо: ихо:»)¹, которые можно отнести к группе оперативных материалов. В них приводятся отчеты прокуратуры Верховного Суда касательно «особо важных идеологических преступлений» в Корее, сводки о судебных делах, об арестах членов подпольных групп, «красных» союзов рабочих, крестьян, интеллигенции.

Новые материалы можно найти о руководителях и активе патриотических организаций. (В этом издании и других книгах упоминаются такие известные деятели антияпонского движения, как Ким Ду Бон, У Ен Хен, Пак Хон Ен и т.д.)

¹ Автором проанализированы доступные для него выпуски за 1934 г. № 12; 1936 г. № 6; 1937 г. № 11; 1938 г. № 14 и 16. Скорее всего, их было издано намного больше.

В «Вестниках идеологии» говорится и о настроениях корейцев, проживавших в Японии, Китае, об «опасно мыслящих корейцах», связанных с деятельностью газет, журналов, других средств информации. Опубликованы там и обзорные статьи. Они, естественно, имеют прикладное значение, но содержат и элементы анализа. Например, здесь есть статьи «Характеристика и особенности развития корейского коммунистического движения», «Новый курс компартии Кореи»; раздел «О деятельности христиан» и другие публикации повествуют о роли в борьбе за независимость религиозных организаций.

Затрагиваются также и вопросы деятельности ВКП (б), компартий Японии и Китая с точки зрения их влияния на корейцев.

В целом, «Состояние общественного спокойствия...», являясь как бы комплексным изданием, касается преимущественно общих вопросов освободительного движения; «Вестники идеологии», предназначенные для оперативной информации, раскрывают механизм действия карательной системы. Они также дают подробный фактический материал о состоянии общественной мысли в Корее, об умонастроениях разных слоев ее населения, о позиции действовавших в стране политических сил.

Следует подчеркнуть также значительную ценность для исследователей секретных справочных изданий: «Корейская полиция» («Те:сэн кэйсацу»), Сеул, 1938 г., и «Словарь тайной полиции» («Ко:то: кэйсацу е:годзитэн»), Сеул, 1935 г. В первой книге приводятся данные о числе и характере правонарушений, об арестах по всем провинциям Кореи за период 1921–1937 гг., о боевых действиях корейских партизан. Одна из глав, посвященная вопросам обеспечения общественного спокойствия, повествует о борьбе оппозиционных сил, о подавлении ее полицией и жандармерией в колониальный период со времени аннексии страны Японией в 1910 г. Книга дает возможность выяснить структуру существовавшего в Корее военно-полицейского режима, в частности системы надзора и сыска, обучения и финансирования аппарата насилия.

Другое справочное издание, «Словарь тайной полиции», является своего рода пособием для службы тайного сыска. В нем приведены данные о наиболее крупных корейских патриотических организациях, дается краткая характеристика каждой из них.

Основное внимание также уделено объединениям левой направленности: приведены сведения о ККП, комсомоле. Интересен приводимый в «Словаре» понятийный аппарат. Здесь дается расшифровка таких терминов, как: «капитализм», «классовая борьба», «национализм», «социал-демократия», «национальная независимость» и др. Тем самым из книги можно извлечь не только конкретную информацию, но и уяснить трактовку японскими службами, их руководством проблем корейского освободительного движения, ситуации в мире в целом.

Отнесенные автором к группе обзорных (разных) источники полнее позволяют раскрыть общую обстановку в стране, состояние корейского тыла. «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства» («Те:сэн сотоку дзикеку тайсакай симонган санкосе») Сеул, 1938 г., куда входят издания: «Общественные учреждения и мероприятия»; «Движение за возрождение корейской деревни», опубликованные под грифом «секретно»; «Внешняя торговля Кореи»; «Промышленные ресурсы Кореи»; «Справочник по бюджету генерал-губернаторства»; «Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи» (под грифом «сов. секретно») и другие, говорят о возросшей роли Северной Кореи в военных планах Японии, о стремлении японцев укрепить свой тыл в период подготовки и ведения войны против СССР, превратить Корею в военно-стратегический плацдарм, а также о большом промышленном строительстве, которое там развернулось. (Чрезвычайные меры властей касались обороны прежде всего противовоздушной, системы охраны важнейших городов, учреждений и транспорта — железнодорожного, морского и воздушного.)

Важными представляются и публикации «25 лет управления Кореей» («Сисэй нидзю:гонэнси»), Сеул, 1935 г.; «30 лет управления Кореей» («Сисэй сандзю:нэнси»), Сеул, 1940 г.; «Обстановка в Корее» («Те:сэн дзидзе:»), Сеул, 1941 г., 1943 г. и др.

Из этих книг исследователи могут не только почерпнуть сведения о ситуации в Корее и подлинном положении народных масс, но и о том, что конкретно было создано Японией в своей колонии. В частности, о создании там инфраструктуры, о промышленном и железнодорожном строительстве, развитии культуры.

Таково в общих чертах содержание исследуемых книг. Учитывая их особый характер, задачи и цели из создателей, автор,

по мере возможности, стремился сверять приводимые сведения с другими источниками, и в первую очередь — с закрытыми материалами, подготовленными российскими учеными. Это спецбюллетени «для служебного пользования» сектора Кореи Института востоковедения РАН; архивы А.И. Шабшина (Куликова), являвшегося вице-консулом СССР в Сеуле (1939–1946 гг.), а затем (1946–1948 гг.) заместителем политического советника СССР в Северной Корее; записи воспоминаний участников антияпонской борьбы, сделанные Ф.И. Шабшиной, проживавшей и работавшей в Генеральном Консульстве СССР в Сеуле (1940–1946 гг.); советская пресса 1920–1930-х годов и многочисленные труды российских корееведов, в наиболее общем виде отраженные в «Истории Кореи».

Повторяемость информации в исследуемых источниках не снижает их значимости, позволяет при сопоставлении этой информации с другими материалами отсеять сомнительные, противоречивые сведения. Формат статьи не позволяет представить здесь весь объем информации. Ограничимся лишь упоминанием основных тем, которые источники помогают осветить.

По периоду конца 1910–1920-х годов: ситуация в стране; внутренние и внешние факторы подъема освободительного движения; восстание 1919 г.; реформы колониальных властей; зарождение социалистического движения; создание и деятельность КПК; проблемы и первые ростки единого национального фронта патриотических сил; июньская демонстрация 1926 г.; VI конгресс Коминтерна, его новый курс и его проявление в Корее; образование «Синганхве» как организации единого фронта.

По периоду 1-й половины 1930-х годов: роль, отводимая Японией Корее; левизна и сектантство в корейском освободительном движении, нанесенный ими тяжелый ущерб; отход от действий политики единого фронта действий национальных сил; VI конгресс Коминтерна и его левосектантский курс; роспуск «Синганхве»; деятельность так называемых «красных» рабочих, крестьянских союзов, тайных обществ; об общих изменениях в расстановке политических сил и процесс их размежевания.

По периоду 2-й половины 1930-х годов: VII конгресс Коминтерна; антиколониальные, антивоенные выступления в стране; партизанское движение; рейды подразделения, возглавляемого Ким

Ир Сенем; КПК и корейская партизанская борьба; создание Общества возрождения отечества, его связи с Кореей.

Другой блок вопросов касается форм и методов управления в колонии, акций японских властей, направленных на подавление освободительного движения, идеологической работы, которая велась японской колониальной администрацией в среде оппозиционных сил. Эти вопросы исследовались отечественными востоковедами лишь в небольшой степени, они определенно заслуживают внимания и могут быть темой отдельной статьи.

Исследуемые материалы помогают сделать вывод о гибкости, продуманности и многообразии методов управления и контроля в колонии. Из них следует, что японскими властями тщательно учитывались внешние и внутренние условия — как стимулировавшие, так и ограничивавшие сопротивление масс колониализму и войне. Это касается факторов: экономических, политических, психологических, религиозно-этических; уровня массового сознания; черт национального характера; курса руководящих сил разных потоков освободительной борьбы и других специфических особенностей Кореи. Необходимо подчеркнуть следующее: хотя во все рассматриваемые периоды главным методом управления являлся сыск и террор, этой цели служила и созданная японскими колонизаторами мощная идеологическая система, для которой характерна была не только жестокость, но и осмотрительность, умение приспособиться к обстоятельствам, особенно в сфере корейских национальных традиций.

Таким образом, «секретные» и «особо секретные» издания японской полиции, суда и прокуратуры представляют значительную ценность для исследования разных аспектов корейской истории колониального периода — прежде всего ситуации в самой Корее, социальных, культурных, идеологических процессов, происходящих в этой стране. Они позволяют проследить многие изменения в социальной сфере — формирование корейской буржуазии, рост рабочего класса и прочее, — оценить формирующиеся там социально-политические силы.

Во всех изданиях содержится большой банк информации, во многом новой, касающейся массовых выступлений, деятельности оппозиционных сил, политических организаций, их направленности и географии активности. Весьма ценны данные о персо-

налиях антияпонского движения, слабо представленной в трудах российских корееведов.

Источники, конечно при критическом их использовании и сопоставлении с другими изданиями, помогают воспроизвести картину колониальной Кореи, восполнить многие «белые пятна» ее историографии.

Одновременно они представляют обширную информацию о деятельности колониальных властей, приводят на этот счет многочисленные данные, наглядно показывают формы и методы управления в Корее, особенности колониальной политики Японии в Азии.

Указанные источники содействуют и переосмыслению, пересмотру некоторых ошибочных трактовок и выводов, способствуют поиску новых оценок, постановке новых проблем.

Надо сказать, что колониальное прошлое страны — это не абстрактный, чисто академический вопрос. Изучение архивных документов и материалов может помочь исследованию актуальных проблем современной Кореи, изучению различных вопросов международной политики, в частности японо-южнокорейских отношений. Здесь следует упомянуть и ставший актуальным в последние годы вопрос о договорах 1905 г. и 1910 г., оформивших японское колониальное господство. (В частности, встает вопрос о правомерности заключенных в насильственной обстановке договоров, соблюдения всех норм их юридического оформления.)

В целом, характеризуя значение рассматриваемых изданий японского генерал-губернаторства в Корее как источника исследования колониальной Кореи, автор считает, что с введением их в научный оборот вносится весомый вклад в пополнение источниковедческой базы данного периода корейской истории.

Список исследуемых в статье закрытых изданий японского генерал-губернаторства в Корее:

1. Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время (Сайкин-ни окэру те:сэндзиан дзе:ке:) («секретно»). Сеул, 1939.
2. Вестники идеологии (Сисо: ихо:). 1934. № 12; 1936. № 6; 1937. № 11; 1938 г. № 14, 16 («секретно»).
3. Корейская полиция (Те:сэн кэйсацу) («секретно»). Сеул, 1938.

4. Словарь тайной полиции (Ко:то: кэйсацу е:годзитэн). («секретно»). Сеул, 1935.

5. Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства (Те:сэн сотоку дзикеку тайсакай симонган санкосе). Сеул, 1938. Издания:

- Общественные учреждения и мероприятия («секретно»).
- Движение за возрождение корейской деревни («секретно»).
- Внешняя торговля Кореи («секретно»).
- Промышленные ресурсы Кореи («секретно»).
- Справочник по бюджету генерал-губернаторства («секретно»).
- Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи («сов. секретно»).
- Организация сухопутного транспорта («секретно»).
- Телеграф, почта, радио («секретно»).

6. 25 лет управления Кореей (Сисэй нидзюгонэнси). Сеул, 1935.

7. 30 лет управления Кореей (Сисэй сандзюгонэнси). Сеул, 1940.

8. Обстановка в Корее (Те:сэн дзидзе:). Сеул, 1941.

9. Беспорядки в Корее (Те:сэн со:дзе дзике). Сеул, 1930.

10. Исследование поселков в Корее (Те:сэн буракуте: те:сахо: коку). Ч. 1. Сеул, 1924.

11. Город Сеул (Кэйдзе: фусэй иппан) («секретно»). Сеул, 1942.

12. Ежегодник национального движения в Корее (Те:сэн миндзоку ундо: нэнкан) («секретно»). Сеул, 1932.

13. Приложение к законам и указам в Корее (Те:сэн дзикеку канкэй хо:ки цуйроку). Т. 8. Законы и указы в Корее на 1 июля 1941 г. (Те:сэн Ге:сэй гаккай хакко:). Сеул, 1941.

Н. Н. Ким*

В ПОИСКАХ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КОРЕИ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

В большинстве современных работ по истории Кореи редко присутствует четкая методология исследования, особенно это характерно для анализа социально-политических процессов. Либо авторы пишут, придерживаясь марксистской теории исторического материализма, но без былой уже логической последовательности и ярко выраженной приверженности основным принципам классовой теории К. Маркса, либо просто избегают каких-либо ссылок на используемую ими методологию.

Поэтому, предлагая новый метод анализа социальных отношений внутри корейского общества колониального периода, мы делаем попытку взглянуть на организацию социальных групп Кореи с иных, немарксистских, методологических позиций, исходя из основных понятий теории социальной стратификации М. Вебера.

Если говорить о характере экономической системы («порядке» в терминологии Вебера) применительно к Корее колониального периода, то в целом это была капиталистическая система, во многом сохранявшая тогда элементы феодального хозяйствования. Становление промышленного капитализма началось в Корее еще до установления японского протектората, но относительно интенсивное его развитие приходится уже на колониальные годы (1930-40-е гг.). Если посмотреть вглубь корейской истории, то первые элементы рыночных отношений могут быть обнаружены еще во второй половине XVII века¹.

Главным толчком к формированию современных форм капиталистического рынка стало открытие корейских портов в конце XIX в. и последовавшее за этим активное развитие внешней торговли Кореи с Японией и Китаем. Таким образом, внешняя торговля

* Институт востоковедения РАН, Москва.

сыграла «цивилизующую роль» в становлении капиталистических отношений. Появление иностранных товаров стимулировало развитие товарно-денежных отношений, а вместе с ним — и рост товарного производства на внутреннем рынке. В результате, существующая до сих пор система товарного обмена, основанная на простом обмене потребительными стоимостями (в терминологии Маркса) и доминирующей роли государства в движении (распределении) товара (фактически — риса) внутри Кореи, оказалась в серьезном кризисе².

Частые неурожаи последней четверти XVIII в. — начала XIX в., а также последней четверти XIX в. сделали невозможным эффективное исполнение государством функций по поддержанию стабильного воспроизводства риса, являвшегося основным эквивалентом денежного обмена. Необходимы были качественно новые механизмы управления национальной экономикой, постепенно избавлявшейся от черт домашнего производства, натурального обмена, распределения.

Первая серьезная попытка разрешить социально-экономические проблемы была предпринята в 1894 г. (реформы года *Кабо*). С точки зрения социального развития, существенное значение имела отмена системы сословных привилегий. Отмена сословия *ноби*, уравнивание всех слоев населения в юридических правах стимулировали развитие рынка свободной наемной рабочей силы, необходимой для становления промышленного производства. Экономическими результатами реформ года *Кабо* было развитие банковской системы и упорядочение фискально-денежной политики.

Однако эти меры только частично помогли развитию современных рыночных отношений. В начале XX в. в Корее по-прежнему доминировали полуфеодальные методы управления экономикой: большая часть национального дохода формировалась за счет поступлений с поземельного налога, а также других видов прямых и косвенных налогов, уплачиваемых, как правило, в натуральном виде, что, естественно, блокировало развитие товарно-денежных отношений. Господство крупных земледельческих хозяйств, наряду с огромным числом малоземельных или безземельных крестьянских дворов, задавленных многочисленными налогами, также не способствовало успешному развитию внутреннего рын-

ка. Самой же главной юридической проблемой было отсутствие собственников как таковых. Конечно, они были, но права их на землю и прочее имущество не были четко определены. Поэтому первое, за что взялись японцы, — это зафиксировали права частных собственников. Путем земельной переписи, растянувшейся почти на 9 лет (1911–1918 гг.), японское правительство утвердило право частной собственности, а вместе с ним и заложило главный фундамент развития капиталистических отношений. Земля превратилась в товар, который можно было свободно продать, купить, заложить.

Земельные преобразования (земельной реформой это вряд ли допустимо назвать) первых лет колониального периода вынудили собственников гораздо больше, чем в прошлые годы, полагаться на рынок. Во-первых, потому, что земельный налог должен был уплачиваться в денежной форме, а во-вторых, его нельзя было не уплатить, как раньше, даже несмотря на неурожайный год³. Обследование земель сопровождалось перераспределением земельной собственности в пользу как старых собственников, корейских помещиков, так и новых в лице генерал-губернаторства, частных, полугосударственных японских компаний, мелких японских собственников⁴. Корейское крестьянство осталось на «обочине» процессов перераспределения собственности, получив лишь небольшую прибавку к тому, что у них было и раньше. Но в любом случае, крестьянин впредь вынужден был ориентироваться на рынок, так как основное бремя налогов с земли было возложено на его плечи.

Несмотря на серьезные ограничения развития национального капитала, колониальный режим имел достаточно много преимуществ с экономической точки зрения и по праву мог называться «капиталистическим раем», с одной существенной оговоркой — «раем» для узкого круга предпринимателей, оказывающих полную политическую и идеологическую поддержку господствующей власти⁵. Слабое регулирование рабочих конфликтов, низкие зарплаты, ненормированный рабочий день, а также невысокие налоги с промышленных предприятий — все это, безусловно, способствовало развитию национального капитала, упрочению его позиций на местном рынке⁶. На протяжении 1930-х годов национальный рынок достаточно стабильно развивался: открывались новые промышленные компании, магазины, рестораны и

пр. Тенденцию стабильного развития национального рынка в эти годы выражают такие показатели, как ВВП, ВНП, доход на душу населения, которые либо росли, либо держались на одном уровне (стагнация не переходила в падение), не вызывая, по крайней мере со статистической точки зрения, сомнений в «благом» влиянии японской экономической политики в Корее⁷.

Поэтому, если говорить о внешней стороне экономической политики японского генерал-губернаторства в Корее в целом, то нужно признать, что японцы сделали достаточно много для капитализации корейского производства. Но явно недостаточно, чтобы капитализировать внутренний рынок в полной мере. Под влиянием колониального режима многие процессы, характерные для естественного развития рынка, деформировались или же, вообще, блокировались. Причина деформации, а отчасти — и стагнации экономического развития Кореи в колониальный период, заключалась в том, что японцы в целом не были заинтересованы в самом главном условии поступательного развития капитализма — формировании на территории Кореи свободного рынка товаров и услуг. Они использовали Корею как сырьевой придаток, что подробно описано во многих работах по истории колониального периода, и мы не будем здесь на этом останавливаться⁸.

Вся их модернизация, которой так гордятся защитники теории колониальной модернизации, носила точечный характер и была направлена на развитие отраслей, экономически выгодных прежде всего метрополии, и только потом — колонии⁹. Японцы мало заботились о развитии национального капитала, поскольку иначе надо было признать равенство двух экономик — японской и корейской, а вместе с этим — и полную интеграцию (политическую, экономическую, социальную) корейского населения в японское общество. Экономическое равенство прямо зависит от распределения политической власти в обществе, но уравнивать японцев с корейцами в политических правах никто в действительности не собирался. Хотя об этом много говорилось и в японском обществе были даже определенные либеральные группы, которые выступали с подобными требованиями, реального политического веса они не имели¹⁰.

Мы не случайно обратились к характеристике экономической системы Кореи в колониальный период. При разработке крите-

риев социальной стратификации, моделировании реальных социальных групп (классов) необходимо обязательно учитывать тип социально-экономической системы, а вместе с ней — и особенности национального рынка труда, системы занятости, местных традиций и прочих, часто иррациональных, факторов, влияющих на распределение людей по тем или иным социальным стратам.

При всем влиянии экономического порядка на социальную структуру общества, М. Вебер также признает и наличие обратной связи — когда социальный порядок влияет на экономическую систему, на характер распределения экономической власти между разными социальными группами (классами). Универсальным критерием деления общества на экономические «классы» и социальные («статусные группы») страты является, по Веберу, власть. «Классы, статусные группы и партии, — пишет М. Вебер, — явления, относящиеся к сфере распределения власти внутри общества»¹¹. Ни одна из существующих форм власти в обществе не исчерпывает содержание власти как таковой. Например, проявление экономической власти может быть всего лишь следствием власти, возникшей из других источников. Социальные почести, привилегии сами могут служить базисом политической или экономической власти, и очень часто так и происходит.

Взаимная обусловленность различных форм власти имеет принципиальное значение для понимания особенностей системы социальных отношений в Корее в период японской колонизации. Японцы пришли в Корею не на пустое место: в Корее существовал отлаженный государственный аппарат, бюрократическая система, которая на протяжении многих веков контролировала общество. Поэтому их господство, политическая власть во многом зависели от того, насколько плавно им удастся слиться с корейской бюрократической элитой, состоявшей, как правило, из крупных земельных собственников. Путем взяток, создания новых привилегий, льгот для корейской элиты японцам удалось, в общем, перетянуть ее на свою сторону и тем самым обеспечить надежную социальную поддержку своему режиму. Хотя корейские бюрократы более не обладали монополией на административную власть, неправильно будет говорить, что они были вне власти¹².

Интегрировав корейскую бюрократию в колониальный аппарат, японцы невольно, а может быть и намеренно, создали серьез-

ное препятствие для модернизации традиционной сословно-привилегированной системы социальных отношений. Не будучи уже сословными, в собственном смысле этого слова, привилегиями, а скорее уже просто социальными почестями по праву рождения, они в новом облике продолжали определять социальный строй и в рамках колониального режима и, как следствие, косвенным образом влиять на функционирование новой, колониальной власти. Поэтому не только колониальный режим был виновен в торможении развития рыночных отношений в Корее, но и та часть корейского общества, которая являлась столпом прежнего социального порядка — традиционной сословно-привилегированной системы — и соответствующих ей социальных традиций¹³.

М. Вебер ввел понятие «статусной группы» с тем, чтобы показать, *во-первых*, наличие неэкономических факторов, влияющих на положение человека в обществе. Престиж профессии или рождения не всегда связан с обладанием собственностью, хотя, конечно, может, зависеть от нее. Поэтому, собственно, социальный статус (у Вебера) не всегда совпадает с классовым статусом.

Во-вторых, Вебер, в отличие от Маркса, пытался изобразить общество как глубоко стратифицированное на различные группы, разделенное не только по экономическим параметрам на классы (макро-группы), но и на страты, в зависимости от обладания ими той или иной степенью престижа, позволяющего достичь им особого рода монополии.

Думается, что выделение фактора «престижа» в качестве дифференцирующего критерия социальной стратификации вполне может быть применено и к характеристике обществ переходного периода, в частности — Кореи. Наиболее типичной статусной группой в условиях перехода от традиционной сословной структуры общества к классовой системе является группа по происхождению. Корейцы, родившиеся в семьях *янбанов*, несмотря на меняющуюся социально-экономическую реальность, разными способами пытались поддерживать престиж своего социального происхождения. Утратив с утверждением колониального режима монополию на политическую, административную власть, представители янбанских кланов использовали иные пути для поддержания былого социального авторитета и превосходства. *Янбаны* старались заключать брак только с представителями свое-

го круга, избегая тем самым «размывания» социальных границ своей генеалогии. Они продолжали заниматься научной работой, считавшейся престижным занятием в конфуцианской культуре. Экономический фактор — полуфеодальная система земельной собственности — способствовал сохранению прежних социальных привилегий *янбанов* в относительно неизменном виде¹⁴.

Образование можно расценивать также как особый источник престижа в колониальные годы, позволявший добиться определенных социальных привилегий. Например, если мы посмотрим на представителей крупной корейской буржуазии, известных просветителей, национал-реформистов, правых националистов, то увидим, что все они заканчивали японские вузы: Ким Сон Су, Чхве Нам Сон, Ли Гван Су, Ан Чже Хон — университет Васэда; Чо Ман Сик, Ким Бен Но, Чхве Рин — университет Мейдзи; Ким Ен Су — университет в Киото, Пак Ен Чхоль — военную академию в Токио.

В условиях усиления процесса распространения капиталистических отношений в производстве появляются профессии, занятия, представители которых формируют закрытые группы, обладающие одним статусом и уровнем престижа. Предприниматели (не торговцы), квалифицированные рабочие — это совершенно новые социальные группы, претендующие на какой-либо вид монополии: монополии на прибыль, знание, труд. «Престиж» в данном случае надо понимать не как критерий высокого социального статуса, обеспечивающего стабильный материальный доход, а именно как право на исключительное обладание какими-то социальными привилегиями (право носить определенную одежду, занимать управляющую должность, получить образование и пр.). Квалифицированный рабочий может быть по статусу ниже, чем собственник предприятия, но в любом случае выше, чем неквалифицированный рабочий того же предприятия. Понимая свое исключительное положение в общей массе рабочих, квалифицированный рабочий будет стремиться сохранить за собой монополию на определенный вид работ и доход. Поэтому, собственно, его экономические интересы не всегда могут совпадать с интересами того класса, к которому он принадлежит.

Проблема социальной стратификации Кореи колониального периода заключается в том, что это — переходный период, когда старые социальные связи пока не исчезли, а новые еще не успели

утвердиться. Переход к новой системе капиталистических экономических отношений способствовал слому прежнего социального порядка, базировавшегося на сословных привилегиях, но не устранил его полностью, так как сохранялась полуфеодальная система земельной собственности, помноженная на колониальные формы эксплуатации. В итоге как в сфере промышленного производства, так и сельскохозяйственного наблюдаются устойчивые монополистические тенденции. Монополизм в сфере производственных отношений, а главное — в области политической власти, препятствовал относительно равному распределению экономической и политической власти между различными стратами. Поэтому, с одной стороны, корейское общество в период колонии может быть достаточно четко разделено на несколько экономических классов, с другой — в нем может быть выделено большое количество условно замкнутых социальных групп, не равных между собой по обладанию привилегиями, властью.

В исторической литературе существует устойчивый взгляд, что все слои общества колониального периода были «задавлены» японским режимом, и о каких бы то ни было серьезных привилегиях для корейцев, их участии во власти нет и речи. Автор этой статьи придерживается другого мнения. Если бы действительно было так, тогда бы самые экономически слабые слои общества — крестьянство, рабочие — смогли бы осуществить подлинную революцию в сфере собственности после утверждения независимости в 1948 г. Но этого не произошло, «слабая» национальная буржуазия, землевладельцы вновь пополнили ряды южнокорейской бюрократии. И получилось это, потому что еще в колониальные годы они обладали определенной экономической, бюрократической властью, которая позволила им утвердить свое господство и после краха японского колониального режима.

Используя два основных критерия — профессиональную занятость и доход (предпринимательский доход, доход от недвижимости, зарплата), — корейское общество колониального периода может быть разделено на 3 класса:

1. Высший класс, который подразделяется на 2 слоя — высший слой собственников (крупная корейская буржуазия, землевладельцы, и т.п.) и высший слой несобственников (чиновники 1-2 рангов, управляющие крупных предприятий).

2. Промежуточный класс средних и мелких собственников, чиновники среднего звена, высококвалифицированный технический персонал.

3. Низший класс — чиновники низшего звена, обслуживающий персонал, полуквалифицированные, неквалифицированные рабочие, полуарендаторы, арендаторы.

Особое затруднение вызывает у нас вопрос о классовой принадлежности корейской интеллигенции. В классической схеме Вебера интеллигенция выделена в отдельный класс. В условиях развитого промышленного капитализма интеллигенция действительно может быть выделена в отдельный класс, способный конкурировать на рынке товаров и услуг с другими экономическими классами. Учитывая предельно низкие затраты колониальных властей на образование, здравоохранение, работники интеллектуального труда по доходам в лучшем случае могут быть отнесены к среднему классу. Думается, что оптимальным решением данного вопроса будет отнести корейскую интеллигенцию не к классу, а к разряду статусной группы.

В заключение можно сделать следующий вывод: корейское общество колониального периода может быть разделено не только на экономические классы, но и на множество замкнутых статусных групп. Это было глубоко стратифицированное общество, разделенное на большое количество мелких социальных (статусных) групп. Принадлежность к одному клану, к одному региону рождения, к одному вузу, к одной деревне, к одной профессии, к одной монополистической группе — все эти факторы, как и многие другие, влияли на место индивида в иерархии социальных групп, а зачастую — и на положение в классовой структуре. Эту социальную раздробленность (не классовую или внутриклассовую) надо обязательно иметь в виду, когда мы будем говорить о причинах или истоках социально-политических проблем Кореи уже после освобождения в 1945 г.

¹ Новая история развития корейской экономики (кор. яз.). Сеул, 2008. С. 136.

² В эпоху Чосон государство в качестве мер помощи слабым крестьянским хозяйствам предоставляло им в долг зерно, семена, орудия труда, а позже изымало в качестве обязательной поставки так называемый на-

лог «хвангок» (погашение зерновой ссуды). В целом, это касалось всех крестьянских дворов, все они должны были ежегодно часть урожая сдавать государству, контролировавшему таким образом движение риса на внутреннем рынке (Новая история... Указ. соч. С. 111).

³ Ramon H. Myers and Yamado Saburo. Agricultural development in the Empire // Japanese colonial empire, 1895–1945. — Princeton, N.J., 1984. P. 430. В Корею существовала практика списания королевским двором крестьянских долгов. Особенно это часто применялась в годы постоянных неурожаев (Новая история... Указ. соч. С. 117).

⁴ К 1915 г. рост частных японских хозяйств (суходольных, рисовых полей) составил 144%, ВКО — 535 %. Но при всем стремительном росте японской земельной собственности все-таки большая часть обрабатываемой земли принадлежала корейским помещикам (Экономический рост Кореи. 1910–1945. (кор. яз.) / Под ред. Ким Нак Нен. Сеул, 2006. С. 323).

⁵ Такие известные корейские предприниматели, как Пак Хон Сик, Ким Ен Су, Хен Чжун Хо, Ха Чжун Сик, Чжон Ун Ен и др., все активно развивались в 1930-е годы во многом благодаря тесным связям с генерал-губернаторством. По некоторым данным, в 1939–1940 гг. Ким Ен Су получил от Корейского банка индустриального развития (*Чосон сиксан ынхен*) 30 млн вон, от Маньчжурского банка промышленного развития (*Манчжу хынп ынхен*) — 12 млн вон. Таким образом, общая сумма займа составила 42 млн вон — астрономические по тем временам деньги. Пак Хон Сик инвестировал полученные от Корейского банка индустриального развития средства в развитие собственной сети магазинов (*Со Чжун Сок*. История демократического движения современной Кореи (кор. яз.). Сеул, 2004. С. 57).

⁶ Соотношение средней зарплаты китайского или корейского рабочего к зарплате японского рабочего представляло 1:3. Продолжительность рабочего дня, по официальным данным, равнялась 11 час. в частных компаниях и 10 — в казенных (Колониальная Корея. Из публикаций в СССР 1920–1930-х годов / Сост. Ю.В.Ванин. М., 2007. С. 20, 310–347). Японских рабочих, работавших меньше 10 час. в день, в среднем было 45,3%, свыше 12 час. — не более 0,3%. Тогда как корейских рабочих, занятых на производстве менее 10 час., было 12,8%; работавших же свыше 12 час. — 46,9% (История корейских профсоюзов (кор. яз.). Сеул, 1979. С. 39–41). Что касается налогов с производства, то они действительно были низкие. В структуре распределения национального дохода они составляли в среднем 2,5% в 1930-е годы, до этого где-то 1,5%; более 50% дохода присваивали собственники компаний, земель (Экономический рост Кореи. Указ. соч. С. 358).

⁷ Рост ВВП в 1912–1939 гг. в области сельского хозяйства составил 1,5%, промышленного производства — 9,4%, добычи газа, электроэнергии, строительства — 9,2%, в сфере услуг — 4,7%. Для сравнения скажем: по

темпам роста ВВП южнокорейской экономике удалось преодолеть указанные показатели только к 1960 г., значительно выше — к 1970 г. Рост уровня потребления в год в 1912–1939 гг. составил в среднем 3,28%, на человека — 1,94% (Экономический рост Кореи. Указ. соч. С. 212, 294).

⁸ Критика колониальной политики японского империализма и теории колониального развития (кор. яз.) / Под ред. Шин Ен Ха. Сеул, 2006; *Со Чжун Сок*. Указ. соч. Все работы советских ученых по истории колониальной Кореи глубоко критичны в отношении действующего тогда режима.

⁹ В 1940 г. в структуре производства 41,4% приходилось на долю сельского хозяйства, собственно промышленность занимала всего 15,7%, из которых 64,2% — легкая промышленность, 35,8% — тяжелая. Уровень потребления возрос к 1940 г., но в его структуре по-прежнему преобладали расходы на продукты питания, одежду, аренду и совсем мизерными были расходы на здравоохранение, образование. Зарплата промышленных рабочих в год увеличивалась всего лишь на 0,30%, и то, по всей видимости, за счет роста реальной зарплаты квалифицированных рабочих (Экономический рост Кореи. Указ. соч. С. 356, 391, 323).

¹⁰ Речь идет о либеральных группах японских политиков в ранний период «демократии Тайсе», разрабатывающих проекты распространения законодательства метрополии на колонии (1918–1921 гг.) (История Японии. 20 век/ Под ред. В. Э. Молодякова, Э. В. Молодяковой. М., 2007. С. 86–87).

¹¹ Цит. по: *Кравченко А. И.* Социология Макса Вебера: труд и экономика. М., 1997. С. 163.

¹² Об интеграции корейской элиты в колониальный бюрократический аппарат подробно написано в работе: *Шипаев В. И.* Корейская буржуазия в национально-освободительном движении. М., 1966. С. 24–34. К 1942 г. процентное отношение корейских чиновников различного уровня к японским составляло 48,9%, т.е. половину. Корейцы пополняли преимущественно ряды простых клерков, в составе чиновников 1-го ранга корейцев было 22,7%, 2-го ранга — 13,8%, 3-го ранга — 36,8% (Экономический рост Кореи. Указ. соч. С. 485).

¹³ Социальная оппозиция *янбан* — *санмин*, характерная для традиционной сословно-привилегированной системы, сохранялась в течение очень длительного времени, вплоть до конца 1950-х годов. Конечно, она не имела к тому времени явно экономического противостояния, а скорее проявлялась на уровне именно социальных привилегий, тем не менее разделение общества по принципу бывшей сословной принадлежности сохранялось. См. подробнее: *Ли Ман Ган*. Социальная структура корейской деревни (кор. яз.). Сеул, 1960.

¹⁴ Корейская война и корейский капитализм (кор. яз.). Сеул, 2000. С. 20–22.

*А. И. Шарфетдинова**

ОСНОВНЫЕ ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КНДР

Вопреки неблагоприятной внешнеполитической ситуации, которая складывается в последние годы вокруг КНДР в связи с обострившейся ракетно-ядерной проблемой, здесь по-прежнему уделяется серьезное внимание поддержанию контактов в культурной сфере, в том числе по линии ЮНЕСКО. Так, посредством пропаганды объектов культурного наследия, северокорейское руководство рассчитывает подкрепить идеологические постулаты социализма «чучхейского» образца, рассчитывая не только на внутреннюю, но и на внешнюю аудиторию.

Следует признать, что, несмотря на недостаток финансирования, северокорейское руководство предпринимает довольно действенные меры по созданию условий для сохранения памятников исторического и культурного наследия. Сохранением культурных, исторических и природных памятников и ценностей в КНДР занимается Управление охраны памятников культуры (УОПК). В 2006 г. оно было выведено из прямого подчинения кабинету министров КНДР и передано Министерству культуры КНДР. Управление состоит из трех отделов: по курированию исторических памятников, по охране достопримечательностей и заповедников (до 2000 г. входил в Министерство охраны государственной территории и окружающей среды), по охране артефактов. Помимо охраны и управления подведомственными объектами, Управление в соответствии с государственным планом ведет раскопки и реставрацию исторических памятников и культурных ценностей.

Работа по охране и восстановлению некоторых объектов культурного наследия (храм Синиса в горах Кымган, панорамная беседка Манвольдэ в Кэсоне) до 2010 г. (т.е. до очередного обостре-

*Институт востоковедения РАН, Москва.

рения напряженности в межкорейских отношениях) проводилась в рамках межкорейского сотрудничества по линии общественных и религиозных организаций Севера (Союз буддистов Кореи) и Юга (Общество ученых-историков).

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) в КНДР условно по возрасту можно разделить на следующие основные исторические периоды: памятники и реликты ранних периодов становления человечества (палеолита, неолита, бронзового века); период феодального государства Когуре (V в. до н.э. – середина VII в.); период централизованного государства Коре (X–XIV вв.); период феодального правления династии Ли (1392–1910 гг.).

Отдельно стоят объекты, связанные с мифологическим родоначальником корейской государственности Тангуном. В уезде Кандон пригорода Пхеньяна в 1993 г. была «восстановлена» гробница короля Тангуна. Со слов северокорейских историков, место захоронения упоминалось в исторических хрониках, однако поскольку Тангун считался мифическим существом, то и к раскопкам интереса проявлено не было. Утверждается, что в 1991 г. в этом месте были найдены останки этого легендарного персонажа и его супруги. Проведенное радиоизотопное исследование якобы показало, что возраст останков равен 5 тыс. лет – когда, как гласит легенда, было создано корейское протогосударство (как представляется автору, определение возраста с подобной точностью технически невозможно).

Посетителям, преодолевшим расстояние от подножия до расположенного на вершине входа в гробницу, предлагается за 100 евро осмотреть останки легендарной личности. Примечательно, что в Пхеньянском историческом музее также экспонируются останки Тангуна, причем работники музея утверждают, что «подлинники» хранятся именно у них. Известно, что в Южной Корее весьма скептически относятся к заявлениям северокорейцев о тангунских раскопках, однако здесь эти сомнения игнорируются.

Особую ценность, с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, социальной культуры, представляют исторические мемуары и реликвии периода Когуре – целой эпохи в истории Кореи, когда

наблюдался небывалый подъем в политической, экономической, культурной сферах.

Наглядным пособием для изучения положения и роли Когуре в объединении трех государств служат сохранившиеся до наших дней фрески, выполненные внутри гробниц, и горные крепости.

В комплекс гробниц Когуре входит несколько групп гробниц и отдельные гробницы – всего порядка 30 захоронений, которые относятся к позднему периоду существования государства Когуре, являясь ценнейшими свидетельствами этой культуры. Только около 90 гробниц Когуре из более чем 10 тыс., обнаруженных в целом в Китае и Корею к настоящему времени, содержат настенные росписи. Почти половина таких гробниц находится в пределах данного комплекса. Они, как полагают, были сооружены для захоронения *ванов*, членов королевских семей и высокопоставленных чиновников¹.

Каменные гробницы периода Когуре состоят из нескольких комнат и галереи. Стены, потолки, двери и опоры украшены росписями, выполненными минеральными красками, которые до сих пор сохранили свою первозданную яркость. Фрески гробниц в Северной Корею относят к национальным произведениям живописи, многие из них ценны тем, что содержат важные сведения о быте, традициях, поверьях жителей Когуре. Особый интерес представляют гробницы, в которых бытовые сюжеты сочетаются с орнаментальными и мифологическими. В гробнице с фресками в с. Токхын, обнаруженной в декабре 1976 г., найдена картина, изображающая известную легенду о любви волопаса и ткачихи.

До настоящего времени произведены раскопки около 80 могил с настенной живописью периода Когуре, расположенных в окрестностях Пхеньяна, а также в пров. Южная Хванхэ.

В 25 км восточнее центра Пхеньяна находится могила родоначальника первого феодального государства Когуре *вана* Тонмена. Согласно легенде, его могила была перенесена одновременно с переводом столицы Когуре из Цзианя (нынешняя территория Китая) в Пхеньян. Могила состоит из нескольких комнат и галерей, стены украшены фресками.

Среди других значительных находок последнего времени можно выделить дворец чиновника высокого ранга Мечхона (XII в.), обнаруженный в 2006 г. в районе Ренсон северокорейской столицы.

Раскопки памятников Когуре на территории Северной Кореи ведутся и по сей день. К числу уникальных раскопок в современный период можно отнести «тройную» земляную гробницу с каменными плитами Кансон, случайно обнаруженную в 2001 г. в пров. Южная Пхенан. Гробница получила название по числу формирующих общую гробницу однокамерных сооружений — большого, среднего и малого. Большая и средняя гробницы внутри отделаны фресками².

На данный момент в Список всемирного наследия ЮНЕСКО включен только один объект на территории КНДР (с. Анак пров. Южная Хванхэ): 63 гробницы «№ 3 Анак» (Когуквонванрын), 16 из которых украшены фресками (середина IV в.), что представляет собой самую большую площадь фресковой живописи внутри гробниц на территории Северной Кореи.

Включение в список ЮНЕСКО было осуществлено по нескольким критериям. «Во-первых, гробницы являются выдающимся инженерно-техническим сооружением. Во-вторых, особые традиции захоронения в культуре эпохи Когуре оказали значительное влияние на погребальные традиции в регионе, включая Японию. В-третьих, гробницы являются уникальным памятником эпохи Когуре, наглядно демонстрирующим не только традиции захоронения, но и обычаи повседневной жизни и верования того периода. В-четвертых, комплекс гробниц представляет собой важный пример в типологии захоронений»³.

Примечательно, что в октябре 2007 г. в Центральном историческом музее КНДР при содействии информационных агентств КНДР (ЦТАК), Японии (Киодо Цусин) и Южной Кореи (Ренхап) была проведена уникальная фотовыставка на тему «Настенные фрески гробниц эпохи Когуре».

Вопросы культурного наследия активно используются руководством КНДР в пропагандистских целях и призваны при помощи материалов, показывающих могущество Когуре, продемонстрировать его военное и культурное превосходство над Силла, традиционно считающегося предшественником нынешней Южной Кореи. В последние годы в целях пропаганды на страницах местной прессы в рубрике «Славное достояние нашей нации» помещаются материалы, посвященные памятникам истории и культуры, обнаруженным на территории Южной Кореи.

В одной из таких статей подлинным источником информации о развитии корейской истории и культуры названа когуреская мемориальная плита — надгробный памятник высотой свыше 2 м в г. Чхонджу пров. Северная Чхунчхон (обнаружена в 1979 г.). Текст на надгробной плите гласит, что Когуре, благодаря своей гибкой дипломатической тактике, «заставляло играть по своим правилам» Силлу. Реликвия эпохи Когуре стала документальным свидетельством, демонстрирующим исторические факты становления завершающей фазы процесса объединения трех государств, за счет которых территория увеличилась в 10 раз. На мемориальной плите среди других исторических записей приводится упоминание о том, что жители Когуре пренебрежительно называли Силлу «кувшином» (видимо, здесь имеются в виду глиняные скульптуры в виде всадников и лодок, использовавшиеся в качестве сосудов для жидкости (воды или вина) во время церемонии погребения. — *Прим. д.и.н. Пак Б.Б.*) Обращает внимание также подтверждение того, что жители Когуре использовали особый вариант азбуки «иду»⁴.

В период агрессии со стороны китайской династии Тан в отношении Когуре большинство культурных когуреских памятников было уничтожено, кроме самых укрепленных пунктов — горных крепостей. Самые известные из них — крепости Пхеньянская, Тэсонсан, Чонбансан (в районе Саривона), Хвалленсан (Южная Пхенан) и Пэльмасан (Северная Пхенан).

В пределах столицы КНДР расположена крепость на горе Тэсонсан — горная крепость периода Когуре. На южном склоне горы остались следы дворца правителя Когуре. Общая длина крепостных стен составляет 20 ли (8 км). За стенами крепости сохранились следы арсенала, казармы, продовольственного склада, а также 170 прудов для использования в военных целях и рыбозаведения. Южные ворота являются парадным въездом в крепость, именно их строительством в 427 г. было положено начало возведению новой столицы Когуре — современного Пхеньяна. Они демонстрируют давние традиции строительного мастерства в Корее. Особый способ кладки гарантирует износостойкость сооружения, а изящная роспись на поверхности гранита выполнена в соответствии с эстетическими канонами того времени.

Пхеньянская крепость была построена как форпост столицы Когуре: общая протяженность стен приближается к 23 км.

Крепость состоит из внутренней, средней, внешней и северной частей, в ней насчитывалось 16 ворот, в том числе восстановленные в последние годы Тэдонмун, Потхонмун, Чонгымун, Хенмумун, а также беседки Ыльмильдэ, Чвесындэ, Ренгвандэ и Пубекдэ.

Необходимо отметить, что северокорейцы, в отличие от южан, практически никак не реагируют на попытки китайцев включить Когуре в число китайских государств на том лишь основании, что для этой страны, располагавшейся на территории современного Китая, было характерно широкое использование элементов китайской культуры.

Одними из самых представительных религиозных памятников являются буддистские храмы Кванбопса в горах Тэсонсан (392 г.), Вольчонса в горах Кувольсан (846 г.), Сонбульса в горах Чонбансан (898 г.) и Похенса в горах Мехянсан (1042 г.).

Храм Похенса в горах Мехянсан был построен в 1042 г., перестроен в 1765 г. Во дворе храма расположена самая высокая в Северной Корее восьмиугольная пагода (8,58 м). Пагода уникальна тем, что она выполнена по всем канонам периода Коре — в свойственном тому периоду архитектурном стиле.

Храм замечателен своим уникальным хранилищем с полным собранием самых древних буддистских текстов «Трипитака Кореана», выгравированных на 80 тыс. деревянных дощечек в XIII в. Такие же дощечки хранятся в Южной Корее в храме Хэинса на горе Каясан. В отличие от южнокорейского аналога, «Трипитака Кореана», хранимая в храме Похенса, не включена в Список всемирного наследия ЮНЕСКО (КНДР подписала Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО значительно позже других стран — участниц этой организации, в 1998 г.). Однако в плане на включение в Список всемирного наследия «Трипитака Кореана» среди северокорейских культурных ценностей «по старшинству» стоит на 3-м месте после г. Кэсон.

Своим национальным достоянием корейцы по праву называют древнюю столицу государства Коре (918–1392 гг.) Кэсон, который называют «сосновой столицей». Здесь расположены руины королевского дворца периода государства Коре Манвольдэ («Место любования восходом луны»), сохранилось много других памятников и реликвий периода Коре: Кэсонская обсерватория

Чхонсондэ, университет Сонгюнган, построенный в начале XI в. (старинное здание сейчас занимает исторический музей Коре), Тэхынсанская крепость, могила вана Конмина и ряд других. Часть памятников была восстановлена после Корейской войны (1950–1953 гг.).

Сооружение двойной гробницы Конмина с глубиной до 15 м относится к позднему периоду Коре. Летописи указывают, что 31-й ван Коре лично руководил ее возведением до своей смерти в период с 1365 по 1372 г. Гробница также известна как «музей каменного искусства» — по наличию окружающих ее каменных изваяний и выгравированных на стенах изображений двенадцати священных животных⁵.

Управление охраны памятников культуры КНДР направило в ЮНЕСКО заявку на включение в Список всемирного наследия исторических реликвий, находящихся в Кэсоне. Также в «лист ожидания» включены: «горы Мехян, Кымган и Чхильбо и расположенные в их окрестностях исторические и культурные памятники; реликвии в Пхеньяне; гробницы в районе Кучжан»⁶.

Период правления династии Ли известен тем, что многие памятники времен Когуре (крепостные ворота в Пхеньяне: Хенмумун, Чхильсонмун, Тэдонмун, Потхонмун), Коре (университет Сонгюнган, храм Кванымса в Кэсоне, храмы Анбен, Похенса, Янхваса в пров. Северная Пхенан и др.) были обновлены. С той эпохи сохранились уникальные «Летописи династии Ли». Это редчайший по своим масштабам дневник, в котором увековечены по дням исторические события, имевшие место в течение 519 лет существования династии Ли, с 1392 по 1910 г. Летописи состоят из 900 книг в 1763 томах. Исторические материалы охватывают обширную сферу политической, экономической и культурной жизни, военного дела и международных отношений, приводятся астрономические, метеорологические, географические, медицинские, агротехнические и другие научно-технические сведения. Летописи были переведены на современный корейский язык и изданы в КНДР 1975–1991 гг.

КНДР стремится включить в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как можно больше объектов. За счет развития связей по линии этой организации здесь рассчитывают усилить пропаганду социализма «чуждейского» образца, привлечь дополнитель-

ные финансовые средства на поддержание памятников, получить необходимую научно-техническую информацию о сохранении уникальных памятников истории и культуры. Главной задачей, которую ставят перед собой северокорейские историки, по мнению автора, является не столько научный обмен и взаимное обогащение культур, сколько продвижение «чучхейской» трактовки корейской истории. Успехи, достигнутые в области археологических раскопок, неизменно приписываются «мудрому руководству» Ким Ир Сена и Ким Чен Ира.

¹ UNESCO/BPI [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/1091>

² Чосон рекса сасансик (Идейные вопросы истории Кореи). Пхеньян: Изд-во научных энциклопедий, 2008. С. 84.

³ Данные UNESCO/BPI [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/1091>

⁴ Славное достояние нашей нации // Минджу Чосон. 14.07.2007.

⁵ Чосон рекса сасансик (Идейные вопросы истории Кореи). Указ. соч. С. 224.

⁶ URL: <http://whc.unesco.org/en/statesparties/KP>

*Ли Сан Юн**

ЖЕНСКИЕ ТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ, ЯПОНИИ И КИТАЯ

Всем известно, какое влияние оказали в свое время Китай, а затем Япония на весь ход развития истории Кореи. Естественно, что и корейская литература развивалась в творческом взаимодействии с литературами сопредельных стран.

Мы рассмотрим ряд произведений японских и китайских авторов XX в., в которых наряду с некоторыми социальными вопросами внимание уделяется положению женщины в обществе, описывается ее внутренний мир, и сравним их с рассказами южнокорейских писательниц Пак Ван Со, Син Кен Сук и Ын Хи Ген, написанными в 1970–1990-е годы. В это время политическая ситуация в Республике Корея не располагала к активному взаимодействию культур этих стран.

Несмотря на то что начиная с конца XIX в. Корея под воздействием Японии начала знакомиться с мировой цивилизацией, с западной литературой, после ее освобождения от колониальной зависимости в 1945 г. ситуация изменилась. Отношение к Японии как к стране, унижавшей достоинство корейцев в течение десятилетий, сохранялось в корейском обществе долгие годы. В Республике Корея были запрещены показы японских кинофильмов, практически не переводились на корейский язык произведения японских писателей. Но поскольку и Южная Корея, и Япония веками придерживались конфуцианских законов с присущим этому учению культом патриархальной семьи, обе страны, став на капиталистический путь развития, столкнулись с одинаковыми проблемами, связанными с изменением традиционных отношений в обществе.

* Российский государственный педагогический институт, С.-Петербург.

О проблеме женской эмансипации в Японии заговорили в начале XX в. Этой теме посвящены романы «Женщина» (1913 г.) Арисима Такэо (1878–1923 гг.) и «Портрет дамы с жемчугами» (1921 г.) Кикичи Кана (1881–1948 гг.). Героини этих романов уже ощущают себя женщинами нового мира и нового времени, но вынуждены преодолевать предрассудки общества, живущего по старым правилам.

Известная японская писательница Уно Тие (1897–1996 гг.) в своих произведениях рисует портреты раскрепощенных женщин, стремящихся к свободе, не желающих мириться со своей судьбой. Так, в романе «В разлуке тоже есть радость» (1935 г.) автор рассказывает о переживаниях женщины, которая решает оставить опостылевшего ей мужа. В других произведениях, например романе «Любовные откровения» (1935 г.), писательница обращается к теме любовных отношений между мужчиной и женщиной, описывая реальные события из жизни знакомых ей людей.

Одна из основных тем в литературе Южной Кореи 1970–1990-х годов – «разлад и ломка традиционного семейного уклада» – японскими писателями рассматривается с 1960-х годов. Так, Нобуо Кодзима в повести «Семейный круг» (1965 г.) «...передает ощущение истощенности прежних форм семейной жизни и в то же время обращает внимание читателей на то, что новые отношения в японской семье еще только складываются, и этот процесс протекает весьма сложно и противоречиво. Старый японский свод семейных правил утратил силу, но замены пока еще нет. В повести очень заметно ощущение неустроенности, переходности состояния внутрисемейных отношений. Поэтому так бросается в глаза непрочность взаимоотношений супругов, их разобщенность, некоммуникабельность; это и является лейтмотивом повести»¹.

В эти годы в произведениях японских писателей появляется героиня, стремящаяся к освобождению от гнета патриархальной семьи, которая все решительней борется за свое счастье, за право любить и быть любимой. Так, писательница Мицуко Такахаси (род. в 1928 г.) в рассказе «Сезон бабочек» говорит о «...потерянности человека в современном мире, мечте о счастье, о поэзии, о чем-то возвышенном и прекрасном», которое выливается «в прозу психиатрической больницы»². В один прекрасный день жена одного уважаемого человека вдруг превращается в прекрасную

бабочку, на которую все обращают внимание. Постепенно в доме все женщины начинают мечтать о чудесном перевоплощении, и одна за другой жены вечно занятых работой мужчин становятся бабочками, порхающими на свободе. В этом рассказе-аллегории слышится протест женщин, не желающих больше жить подобно гусенице в коконе.

Рассказ Мицуко Такахаси перекликается с рассказом Ын Хи Ген (род. в 1959 г.) «Коробки моей жены». В нем звучит та же тема – тема отчуждения человека, его одиночества. Корейская писательница также сравнивает героиню с гусеницей, которой не суждено превратиться в бабочку: «Я смотрел на жену, когда она спала в своем кресле, свернувшись клубочком, как гусеница, и мне казалось, она похожа на мяч, диаметр которого все уменьшается и уменьшается»³.

Возможно, одинаковые ситуации, общность социальных условий и семейных традиций, сложившиеся в Японии в этот период, а через два десятилетия – и в Корее, породили у писательниц одинаковые мотивы и образы.

Следует отметить, что в этих произведениях именно через женские образы передано стремление человека к мечте, счастью, чему-то возвышенному.

Во второй половине 1980-х годов в японской литературе появилось имя Бананы Ёсимото (род. в 1964 г.). Проблемы, которые рассматривает писательница, связаны с внутренним миром женщины, ее переживаниями.

К этому времени в Японии произошли серьезные изменения, касающиеся семейных отношений, поэтому по сравнению с прошлыми десятилетиями, когда для большинства японок жизнь представлялась безысходной, героини Ёсимото чувствуют себя более свободными. Так, в рассказе «Сны о корейской капусте» (1993 г.) затронута тема супружеской измены. Героиня «разрушает чужую семью», выходит замуж за любимого, но жизнь ее превращается в страдание от ожидания измены мужа. Она думает, что «предавший один раз, предаст еще и еще». Только после известия о том, что первая жена вышла замуж и счастлива в новом браке, героиня понимает, что получила прощение за свой «проступок», и обретает спокойствие. У нее начинается новая жизнь, она уверена, что «завтра будет ослепительно сиять солнце»⁴.

Судьбы героев произведений Ёсимото нельзя назвать обыкновенными, чаще всего они трагические. Автор наделяет своих персонажей особыми чертами, порой сверхъестественными, отличающими их от остальных людей. Так, в романе «Цугуми»⁵ (1989 г.) предстает хронически больная девушка, слабая телом, но сильная духом, которой любовь помогает победить смерть. В другом романе — «Кухня» — героиня, оставшись совсем одна после смерти бабушки, привязывается именно к этой части квартиры, поскольку быть «...наедине с кухней... намного лучше, чем быть одной»⁶. Доброта девушки, ее естественное отношение к людям помогают ей найти свою любовь и избавиться от одиночества.

В произведениях Бананы Ёсимото герои часто сталкиваются со смертью, размышляют о ней. Так, в рассказе «Ящерица» (1993 г.) герой признается: «Когда я был маленьким, смерть произвела на меня неизгладимое впечатление. Я пропитался запахом смерти. Его уже не отмыть»⁷.

Судьбу его любимой женщины также с детства определила смерть другого человека. Герои хотели бы состариться вместе и умереть в один час, как ничем не выдающаяся пара — супруги, верующие в вечную жизнь. О них герой узнает от своей любимой. Пожилые люди испекли хлеб на завтрак, но по неосмотрительности оставили открытым газ. Они вдруг «...почувствовали себя просветленными и умерли счастливыми»⁸.

Несмотря на то что Ёсимото много размышляет о смерти, главной темой ее произведений можно назвать любовь к жизни, ко всем ее проявлениям. Не случайно героев манит природа, звездное небо, море — все то, что связано с вечностью, стремлением жить и любить.

Автор представляет современных людей, живущих в огромном городе, где «мистическое переплелось с реальным». Каждый мечтает о любви, своем теплом доме, стремится найти другого, единственного человека, с которым можно было бы смотреть на небо, слушать шум ветра, говорить о своем детстве, увиденных снах или просто вместе молчать.

Творчество Бананы Ёсимото можно сравнить с творчеством корейской писательницы Син Кен Сук (род. в 1963 г.). В их произведениях главная тема — тема преодоления смерти. Их героини, как правило, обретают гармонию после испытаний, посланных им

судьбой, и часто эти испытания связаны со смертью близких им людей. Обращение к мистике также свойственно обоим писательницам. И Син Кен Сук, и Банана Ёсимото раскрывают внутренний мир женщины, в котором главное место занимает любовь.

Таким образом, несмотря на то что в исследуемый период культурные связи между Республикой Корея и Японией нельзя назвать активными, в литературе двух стран можно проследить общие тенденции.

Поскольку в XX в. *Kumai* и Республика Корея развивались в рамках разных идеологических систем, то и литература двух стран, соответственно, шла каждая своим путем. Как известно, «проводимая в Китае с мая 1966 г. по сентябрь 1977 г. «великая пролетарская культурная революция» нарушила жизнь страны, нанесла непоправимый урон китайской культуре, искалечила человеческие души»⁹. В этот период популярная литература в континентальном Китае рассматривалась как реакционная и находилась под административным запретом. Возродилась она только в условиях «политики реформ и открытости»¹⁰.

Темы произведений китайских писателей после 1977 г. связаны главным образом с прошлым мрачным десятилетием. Писатели пишут правду о страданиях народа, разрухе и голоде, преследованиях интеллигенции, невыносимых условиях деревенской жизни. «Произведения, зафиксировавшие эти впечатления и опыт, составили огромный прозаический материал, получивший в Китае название “Обличительной литературы” или “Литературы шрамов”»¹¹.

В 1980-е годы в произведениях китайских писателей наряду с общественно-политическими темами звучит и тема духовного раскрепощения женщин. Известный писатель и общественный деятель Китая Ван Мэн считает, что «...именно в судьбах женщин ярче всего отражается стремление человека к освобождению от патриархальных обычаев, стереотипов мышления»¹².

Что касается так называемой «женской прозы», то следует отметить, что после «культурной революции» женщины наравне с мужчинами активно включились в творческий процесс. В 1980-е годы китайские писательницы заявили о себе, начав рассматривать в своих романах и повестях как социальные проблемы, так и проблемы, связанные с духовным миром женщины. С тех пор они прочно занимают свое место в культурной жизни страны.

Произведения наиболее известных китайских писательниц, таких, как Шэнь Жун (род. в 1936 г.), Чжан Канкан (род. в 1950 г.), Цань Сюэ (род. в 1953 г.) и Те Нин (род. в 1957 г.), были переведены на русский язык. Так, в повестях «Средний возраст» Шэнь Жун и «Северное сияние» Чжан Канкан, изданных в 1980 г., описываются события после «культурной революции», но жизнь героев, их судьбы тесно переплетены с недавним прошлым.

Повесть «Средний возраст» Шэнь Жун принесла писательнице поистине всенародное признание. Главная героиня произведения — врач-офтальмолог Лу Вэньтин «мечтала помочь своему народу преодолеть вековую отсталость. Она согласна на все, чтобы только принести пользу людям»¹³. Уважаемая всеми доктор Лу Вэньтин живет с семьей в одной маленькой комнатке, получает мизерную зарплату и, отдавая все силы, каждый день проводит несколько сложнейших операций. В результате она получает инфаркт и оказывается в больничной палате. «Шэнь Жун в своей повести точно уловила общественные причины болезни своей героини и многомиллионной китайской интеллигенции, любящей свой народ и испытывающей чувство искренней горечи оттого, что целое поколение, у которого, как думает Лу Вэньтин, “позади уже большая часть жизни”, потеряло лучшие свои годы»¹⁴.

«Северное сияние» Чжан Канкан — повесть о простой девушке, студентке вечернего института, мечтающей о светлой любви, ярком, как северное сияние, будущем. За несколько недель до свадьбы она отказывает нелюбимому жениху — практичному молодому человеку, думающему только о сытой благополучной жизни. Девушка готова отдать свое сердце бедному, но принципиальному, честному и доброму сантехнику, пережившему смерть родителей, нищету и голод во время «культурной революции». «Героиня твердо знает, что счастье в том, чтобы помогать людям, чтобы жизнь была наполнена любовью»¹⁵.

В этих повестях героиня представлена как «...общественное, политическое существо, находящееся под влиянием социально-исторических сил».

Примерно в то же время, в конце 1970-х годов, Пак Ван Со пишет свои рассказы о женщинах-современницах. Но здесь звучит совсем другая социальная тема. Героини Пак Ван Со стремятся любой ценой добиться благополучия и положения в обществе.

Тем не менее корейскую писательницу роднит с китайскими понимание важности нравственной позиции человека и общечеловеческих ценностей.

Социальными можно назвать и темы произведений писательницы Те Нин. Одним из приоритетных направлений ее творчества можно выделить «...борьбу против рабской психологии за возрождение и развитие личности». Чеховская идея «выдавливания из себя раба» заставляет героев, «...обладающих качествами личности или формирующих эти качества в себе, искать свое место в жизни, взаимодействовать с обществом или противостоять ему»¹⁶.

Экономические реформы, проходившие в стране, политическая ситуация китайского общества после известных событий 1989 г. способствовали возникновению новых тенденций в литературе, повышению интереса к «частной жизни человека и его внутреннему миру. С середины 1990-х годов не нищета, а растущее благосостояние и общество потребителей, сформировавшееся за годы реформ, становятся врагами индивидуальности»¹⁷. Об этом пишет в своих произведениях автор.

Тема становления личности, которая звучит в повестях и рассказах Те Нин, у корейских писательниц имеет другую направленность. В рассказах Пак Ван Со корейская женщина рассматривается в контексте семейных отношений, для нее атмосфера внутри собственного дома всегда были важнее отношений с обществом, коллективом. И она утверждает себя как личность прежде всего внутри семьи. В отличие от нее, китайская женщина — «социальный объект», созданный обществом, десятилетия жившим с определенной идеологией.

В середине 1980-х годов на литературной арене Китая появилось имя писательницы Цань Сюэ (настоящее имя — Дэн Сяохуа) (род. в 1953 г.). В своих произведениях Цань Сюэ одна из первых начала писать о взаимоотношениях мужчины и женщины, о любви, о семье, рассматривать проблему женского счастья. Ее произведения всегда находят отклик у читателей, вызывают острую дискуссию. Как отмечает С.А. Торопцев, «новаторская проза Цань Сюэ не совсем привычна для литературы КНР, где в течение долгих лет внимание к потаенным глубинам человеческой души не считалось достойным “революционной литературы”»¹⁸.

В конце 2004 г. Ван Мэн в одном из интервью так охарактеризовал состояние китайской женской прозы: «Женская литература сейчас очень сильна в Китае. По крайней мере есть с десяток талантливых женщин»¹⁹. Среди них он отметил Цань Сюэ, назвав ее «особенной писательницей». Ван Мэн упомянул и о так называемой компьютерной литературе, которая создается совсем юным поколением, «пишущем о наркотиках, сексе». Очевидно, к ним можно отнести и писательницу Вэй Хой (род. в 1973 г.).

В 1999 г. ее роман «Крошка из Шанхая» («Shanghai Baby») вызвал сенсацию в Китае, а затем стал мировым бестселлером. Вслед за ним в 2005 г. вышел в свет второй роман писательницы — «Замужем за Буддой», в котором описывается дальнейшая жизнь Крошки из Шанхая. Эти произведения переведены на 21 язык, в том числе и на русский.

Главные героини романа «Крошка из Шанхая» — начинающая молодая писательница 25 лет по имени Коко, от лица которой ведется повествование, и ее возлюбленный по имени Тянь-Тянь, нигде не работающий молодой человек, живущий на деньги матери. Когда-то он был увлечен живописью, писал картины. На первый взгляд, героини и их друзья кажутся беспечной «золотой молодежью», которая наслаждается плодами цивилизации, свободной любовью, и если о чем-то мечтают, то лишь о славе и богатстве. Коко по совету любимого пишет роман. По сути — это своего рода дневник писательницы, в котором рассказывается о том, как создавалась книга. Автор со всеми подробностями описывает веселую жизнь богатой молодежи, делится своими любовными приключениями и переживаниями. Роман заканчивается трагически: Тянь-Тянь умирает от наркотиков. С детства не знавший родительской любви, тепла родного дома (отец умер, мать вышла замуж за испанца и живет за границей), одинокий и ранимый, молодой человек, почувствовав, что любимая изменяет ему с приезжим иностранцем, ищет спасения в наркотиках.

Как отмечено в аннотации, книгу запретили в Китае, усмотрев в ней «декадентство и раболепие перед западной культурой». И в самом деле, начав читать роман, трудно поверить, что он написан китайкой: «Мое настоящее имя — Ники, но друзья зовут меня просто Коко. Как ту знаменитую француженку Коко Шанель, которая прожила чуть ли не до девяноста лет. Она мой кумир, после

Генри Миллера, конечно. Каждое утро, просыпаясь, я только и думаю о том, как бы прославиться»²⁰.

Однако стремление жить по западным образцам не принесло счастья героине. И в судьбе ее любимого человека Запад сыграл роковую роль: его отец поехал в Европу вслед за матерью, основавшей там свой бизнес, и умер на чужбине при странных обстоятельствах. Так Тянь-Тянь остался без семьи.

«Крошка из Шанхая» — роман о новом поколении «благополучной» китайской молодежи, которая не знала ужасов «культурной революции». Это поколение вступило во «взрослую жизнь» в новое время, когда в прошлом остались идеи равенства и братства, лозунги, призывающие молодых людей посвятить свою жизнь служению народу. Вместе с экономическими преобразованиями, в результате которых повысился уровень благосостояния многих китайцев, изменилась система ценностных ориентаций, нарушились традиционные семейные отношения, свобода нравов перестала восприниматься как нарушение этических норм. У молодежи появились новые кумиры, олицетворяющие славу и благополучие. Эти новые отношения создали проблемы, связанные с внутренним миром человека, которые и рассматриваются в современной литературе.

Знакомство с некоторыми произведениями китайских писательниц позволяет сделать вывод, что их проблематика лишней раз подтверждает неизбежность связей социально-экономических условий общества и развития литературы. Несмотря на разный политический строй, путь к благополучию обоих государств проходил и проходит под воздействием «вестернизации» и «глобализации». Новые веяния вступают в противоречие с традиционными конфуцианскими ценностями, что характерно как для корейской, так и для китайской литературы.

Таким образом, в современной литературе Южной Кореи, Японии и Китая с 1960-х до конца 1990-х годов, в частности в женской прозе, можно выделить некоторые общие тенденции. В начале развития эта литература обсуждает социальные темы, связанные с ролью женщины в семье и обществе, повышением ее самосознания, становлением личности. В последующие годы писательницы обращаются к внутреннему миру женщины, рассматривают ее отношения с мужчиной, пишут о любви, желаниях

и возрастающих запросах своих героинь. В то же время в женской прозе трех сопредельных стран все чаще звучит тема неудовлетворенности, одиночества, отчуждения. Эти темы продиктованы самой жизнью, всем ходом истории этих государств.

-
- ¹ *Ким Рехо*. Предисловие // Современная японская повесть. М.: Прогресс, 1980.
- ² *Гривнин В.* Предисловие // Японская новелла. 1960–1970. М.: Прогресс, 1972. С. 10.
- ³ *Би Хиген*. Анэ-ый санчжа // 1998 нен до чже 22 хве исан мунхаксан сусанчжакпум чжип (Коробки моей жены // Сборник рассказов, удостоенных премии им. Ли Сана в 1998 г.). Сеул, 1998. С. 33
- ⁴ *Ёсимото Банана*. Сны о корейской капусте // Ящерица. Сборник рассказов. СПб.: Амфора, 2004. С. 92.
- ⁵ *Ёсимото Банана*. Цугуми // Цугуми. Три романа под одной обложкой. СПб.: Амфора, 2006.
- ⁶ *Ёсимото Банана*. Кухня. С-Пб: Амфора, 2005. С. 6.
- ⁷ *Ёсимото Банана*. Ящерица // Ящерица. Сборник рассказов. С-Пб: Амфора, 2004. С. 50.
- ⁸ Там же. С. 51.
- ⁹ *Федоренко Н.* Предисловие // Современная китайская проза. М.: Радуга, 1988. С. 6.
- ¹⁰ См. подробнее: *Желоховцев А.Н.* Возрождение популярной развлекательной литературы в Китае // ИВ РАН, 2002. URL: <http://www.ifes-ras.ru/conf/2006/3/>
- ¹¹ *Федоренко Н.* Указ. соч. С. 6.
- ¹² См. подробнее: *Аманова Г.А.* Ван Мэн: жизнь и творчество. Дисс.... канд. филол. наук. М., 1993.
- ¹³ *Рифтин Б.* О современной китайской повести и ее авторах // Средний возраст. М.: Радуга, 1985. С. 16–17.
- ¹⁴ Там же. С. 18.
- ¹⁵ *Федоренко Н.* Указ. соч. С. 14.
- ¹⁶ См. подробнее: *Корец Г.А.* Процесс становления личности в творчестве современной писательницы Те Нин: Тез. докл. XVI междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М.: ИДВ РАН, 2006.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Торопцев С.А.* Цань Сюэ. Хижина в горах. URL: <http://gs.lang.hanty.usi.ru/lib/win/INPROZ/SUE/hutamong.txt>. Рассказ переведен Торопцевым С.А. Опубликовано в журнале «Азия и Африка сегодня». 1990. № 12.

¹⁹ *Ван Мэн*. Чувствую, что попал к старым друзьям // Интервью в издательстве «Иностранная литература». URL: <http://www.ksu.ru/persons/11527.ru.html>

²⁰ *Вэй Хой*. Крошка из Шанхая. М.: Столица-Принт, 2006. С. 5.

*С.С. Суслина**

РОЛЬ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Республика Корея приобщилась к научно-техническому прогрессу довольно поздно, когда активно приступила к проведению стратегии догоняющего развития (в начале 1960-х годов) и в рамках ее – политики «экспортно ориентированной индустриализации». В 1966 г. для развития передовой науки и технологии был создан Корейский институт науки и технологий, а в 1967 г. – Министерство по науке и технологиям.

Первоначально политика страны в области науки и технологий была нацелена в основном на внедрение, освоение и применение иностранных технологий. Однако в 1980-е годы акцент был смещен на планирование и осуществление национальных проектов в области науки и технологий с целью повышения уровня научных исследований и технологических разработок. В число таких проектов вошли программы, призванные увеличить как государственные, так и частные инвестиции в эту сферу и подготовить высококвалифицированный персонал для работы в области науки и технологий.

На этапе 1960–1980-х годов РК с большой эффективностью для себя использовала заимствованный опыт и иностранные технологии. В эти годы для Южной Кореи мощными источниками приобщения к достижениям научно-технического прогресса (НТП) стали: во-первых, внешняя торговля с высокоразвитыми странами – США, Японией, странами Западной Европы; во-вторых, возможность подготовки за рубежом высококвалифицированных кадров; в-третьих, создание при техническом содействии высокоразвитых стран промышленных предприятий.

* МГИМО (У) МИД России, Москва.

В результате в 1970–1980-е годы научно-технический потенциал Южной Кореи значительно укрепился, но стало очевидным, что, несмотря на начавшееся развитие собственной системы НИОКР, ход этих процессов в большей степени по-прежнему определялся действием внешних факторов и зависел от расширения технологического трансферта из центров мирового хозяйства.

По мере появления новых потребностей развития экономики и новых вызовов глобализации РК перешла к поискам наиболее оптимального сочетания внешних каналов поступления достижений мирового НТП с собственными усилиями по развитию национального научно-технического потенциала. Уже в конце 1980-х годов возникла острая необходимость поддерживать высокую конкурентоспособность экспортной продукции за счет выпуска не трудоемких товаров, а предметов высокотехнологического и наукоемкого производства. В РК был взят курс на развитие фундаментальной науки, современной технологии и социально значимой техники. Правительство стало уделять больше внимания подготовке ученых и квалифицированных специалистов для удовлетворения быстро растущей потребности в научных исследованиях и разработках как в государственном, так и в частном секторах экономики.

С начала 1990-х годов правительство РК сосредоточило усилия в трех сферах: развитие исследований в области фундаментальной науки, обеспечение эффективного распределения и применения научных и технологических ресурсов и расширение международного сотрудничества. Эти усилия были направлены на повышение конкурентоспособности РК в области современных технологий.

Главная цель разработанной государственной политики в области науки и техники заключалась в том, чтобы в первую очередь способствовать созданию, а не копированию научных достижений, развивать отдельные высокотехнологические направления, которые найдут применение в XXI в., совершенствовать научные программы, обеспечивать стабильное инвестирование в научные исследования и разработки.

Тэджонская выставка «Экспо-93» показала принципиальное значение науки и технологии для страны, которая готовится к вступлению в XXI в. Республика Корея успешно продвигалась в исследованиях прикладного характера, особенно в области фар-

макологии, создания нового поколения пестицидов, в разработке качественно новых типов полупроводников.

В 1996 г. в Южной Корее насчитывалось 2856 научно-исследовательских учреждений (НИУ), в числе которых 163 НИИ, 258 научных центров при учебных заведениях и 2435 научных учреждений и подразделений на частных предприятиях.

Заложенный еще в 1974 г. городок науки Тэдок (впоследствии долина Тэдок) стал крупнейшим центром научной деятельности страны. Уже в 1995 г. на территории этого городка велись НИОКР по самым актуальным направлениям науки: новые материалы, точная химия, электроника, информационные технологии, аэрокосмическое оборудование, биоинженерия, энергетические ресурсы и др.

Затем началось сооружение городка науки Кванчжу (по прикладным исследованиям и их коммерциализации), а также еще четырех подобных Кванчжу научных городков в Пусане, Тэгу, Чончжу и Каннине. Со временем такие технопарки должны создать своеобразный технический пояс, который охватит всю страну с помощью систем телекоммуникаций, транспорта и других служб обеспечения.

В Южной Корее уже складывается своеобразная «карта» размещения научных центров. Так, в столичном регионе — Научно-исследовательский комплекс в Хоннине и Научно-исследовательский центр генной инженерии в Сувоне; в центральном регионе — городок науки Тэдок; в юго-западном регионе — Научно-исследовательский центр тонкой химической технологии и точного машиностроения в промышленном районе Ханам; в юго-восточном регионе — Научно-исследовательский центр изучения материалов в Пхохане в районе Ульсана.

Важным направлением научно-технической стратегии Южной Кореи являются ядерные разработки. С 1957 г. РК является членом МАГАТЭ, а в 1959 г. был основан Корейский научно-исследовательский институт атомной энергии (КНИИАЭ), который быстро стал авангардом современной научной и технологической базы страны. Институт разработал технологию топливной регенерации для реактора, работающего на тяжелой воде, что позволило полностью обеспечивать потребности в ядерном топливе для, например, самой старейшей в стране АЭС — Вольсунской. В компетенции института — осуществление проектов по использованию

ядерных отходов. Институт также занимается исследованиями в области негативного воздействия ядерной энергии на человека и окружающую среду. Таким образом, КНИИАЭ осуществляет ряд научных работ, связанных с ядерным топливом, ядерной безопасностью, конструированием реакторов, а также фундаментальными исследованиями.

Следует отметить, что РК подписала ряд двусторонних и трехсторонних соглашений о соблюдении мер ядерной безопасности с МАГАТЭ, а также с США, Францией, Канадой, Германией, Австралией и другими странами. В 1975 г. она ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия. В 1990 г. был создан Корейский институт ядерной безопасности (КИЯБ), который в качестве независимой организации призван следить за соблюдением правил ядерной безопасности. В 1997 г. генерирование ядерной энергии составило 34% от общего объема произведенного в стране электричества. К 2015 г. правительство РК планирует увеличить количество ядерных энергетических установок (ЯЭУ) до 28 единиц (тогда 46% всех мощностей по производству электроэнергии в стране будет приходиться на АЭС)¹.

Развивая собственный научно-технический потенциал, РК активизирует свое участие в международном научно-технологическом обмене. Однако она сталкивается здесь с проблемой защиты интеллектуальной собственности (ИС), которая решается недостаточно оперативно. Выдвинутая еще в годы президентства Ким Дэ Чжуна задача достижения в XXI в. в Южной Корее «общества, построенного на знаниях», основывается на создании интегрированной системы управления ИС. Эта система включает в себя создание, внедрение, коммерциализацию и защиту ИС.

Основными поставщиками технологий в РК являются США (50% всех сделок) и Япония (30%). При закупках технологий южнокорейцы исходят из того, что они приобретают какой-либо продукт вместе с процессом его изготовления, который в перспективе должен быть налажен в самой Южной Корее. Платежи по статье технологического обмена в платежном балансе у Южной Кореи постоянно растут: в 1990 г. — 10,9 млрд долл., в 1995 г. — 19,5 млрд долл., в 2004 г. — 41,5 млрд долл.²

Особенно активно Южная Корея стремится к получению патентов в США. Так, только в 2000 г. «Самсун электроникс» полу-

чила там 1442 патента и заняла 4-е место в мире среди других компаний, патентующих в этой стране свою продукцию.

Интересно также отметить, что возрастает не только импорт информационных технологий, но и их экспорт, что в конечном итоге ведет к увеличению положительного сальдо по этой статье торгового баланса. Всемирная ядерная ассоциация (WNA), в которую входят представители мировой атомной отрасли, в апреле 2010 г. отдала РК 5-е (после США, Канады, Франции и России) место по уровню экспорта в области ядерной энергетики. Тем самым ассоциация признала Южную Корею в качестве одной из ведущих стран — экспортеров технологий в данной сфере.

Правительство РК на протяжении уже двух последних десятилетий проводит в жизнь различные программы стимулирования международного обмена, стремясь все более эффективно использовать научные ресурсы других стран — России, Китая, Индии и восточно-европейских стран.

Что касается России, то началом деловых отношений в этой сфере стало заключение соглашения между компанией «Самсун» и Российской академией наук (РАН) о коммерциализации наиболее перспективных научных разработок. Между российской и южнокорейской сторонами был согласован план поэтапного финансирования разработок на общую сумму в несколько миллионов долларов. Кроме того, представительство «Самсун» в Москве осуществляет две студенческие программы в России: «Программу поддержки талантливых студентов» и «Программу сотрудничества в области разработки программного обеспечения».

Наибольший интерес у южнокорейской стороны вызывают разработки в областях лазерной технологии, биотехнологии, производства композитных и сверхпрочных материалов, генной инженерии, ядерной энергетики, электроники, аэрокосмической техники и др.

Правительственные программы по НИОКР предусматривают вывести РК к 2025 г. в число семи мировых лидеров в области науки и техники. Увеличатся инвестиции в базовые научные исследования, включая области физики, химии, математики и биологии, в которых Южная Корея сильно отстает от мировых лидеров.

Если в 1991 г. в стране насчитывалось немногим более 76 тыс. ученых и инженеров, т.е. на 10 тыс. жителей приходилось в среднем всего 17 научных сотрудников и специалистов³, то к 2015 г.

планируется увеличить число научных работников до 258 тыс. и в 2025 г. — до 543 тыс. против 196 тыс. в 2005 г.⁴ (см. таблицу).

Руководство страны понимает значение образования и науки как фундаментальной предпосылки для успешного экономического развития. В стране насчитывается 408 высших учебных заведений и колледжей, 3,5 млн студентов — из них 32% получают техническое образование⁵. По этому показателю в его относительном измерении ко всему количеству молодежи в стране Южная Корея занимает одно из ведущих мест в мире.

Особо большое внимание науке Южная Корея стала уделять при администрации Ким Дэ Чжуна. Именно тогда было выбрано 7 наиболее важных секторов, которые планировалось интенсивно развивать в период с 2000 по 2005 г. К числу этих направлений относились: фундаментальные науки, информатика, биотехнологии, мехатроника, окружающая среда, новые виды энергии и материалов. Предполагалось всячески поощрять взаимодействие между промышленностью и наукой.

Таблица

Долгосрочный план развития науки и техники в РК

	1997 г.	2005 г.	2015 г.	2025 г.
Инвестиции в НИОКР:				
всего, млрд долл.	12,8	20	47	80
в том числе:				
% от ВВП	2,69	3,0	3,5	4,0
% от госбюджета	3,9	5,0	5,0	5,0
гос. сектор/частный сектор	23:77	27:73	30:70	30:70
на душу населения, долл.	60	110	270	450
Количество научных работников, человек:				
всего	138 438	196 000	258 000	543 500
на 10 тыс. населения	30	40	50	74
Регистрация патентов, шт.:				
внутренних	35 900	128 600	333 600	
иностраннных	3391	17 500	45 400	
Национальная конкурентоспособность в области науки и технологий, место в мире	28-е	12-е	10-е	7-е
Вклад науки и технологий в экономический рост, %	19	23	26	30

Источник: Korea Now. 29.01.2000. P. 19.

Для внедрения новейших технологий в промышленности государство способствует развитию тех сфер, которые связаны с деловой активностью, а также активизирует политику, направленную на расширение сотрудничества между крупными компаниями и средними и малыми предприятиями. Имея опыт достижения эффективного роста за сравнительно короткий период времени, правительство РК сконцентрировало свое внимание на качестве экономического роста. Для этой цели стране необходимо добиться трех условий, которые обеспечат будущий рост: создание новых рабочих мест; поощрение инноваций в промышленности; сбалансированное развитие городов и провинций.

В 2003 г. правительство поставило развитие науки и технологий в качестве приоритетной задачи для ускорения экономического роста. Статус министра по делам науки и технологий был поднят до уровня вице-преьера, чтобы добиться более эффективного планирования, координации и оценки политики в области науки и инновационных технологий.

Кроме того, в 2004 г. было создано Управление по делам науки и инновационных технологий. Этот административный орган Национального совета по науке и технологиям отвечает за общее управление и координацию политики в области науки и технологий, за осуществление национальных проектов в этой области, за политику в области промышленности и людских ресурсов, связанную с внедрением научных разработок и инновационных технологий, и за региональную политику в сфере новейших технологий.

В том же году правительство обнародовало план реструктуризации национальной инновационной системы. По данным на конец 2004 г., общие инвестиции в развитие науки и технологий достигли 19 млрд долл., что составило 2,85% от ВВП страны. В течение 10 лет затраты на НИОКР должны вырасти до 3,5%. ВВП⁶.

В начале 2000-х годов Южная Корея по продукции с использованием биоинженерной технологии занимала 3% мирового рынка. Конкурентоспособны были лишь три сектора: клонирование, культивация клеток и ферментация.

В 2000 г. РК занимала 16-е место в мире по проведению фундаментальных научных исследований (в 1990 г. — 30-е место).

Помимо государственных особенно велики частные вложения в развитие науки за счет финансовых пожертвований круп-

нейших корпораций страны. Южнокорейский частный капитал активно участвует в технологической инновации промышленности. Следует отметить, что в силу сохраняющегося доминирования крупного монополистического капитала мелкие и средние фирмы сталкиваются с трудностями в разработке и получении необходимых технологий из-за недостатка финансовых средств. В 1989 г. был основан Корейский институт промышленных технологий, целью которого является технологическая поддержка мелкого и среднего предпринимательства.

В 2000-е годы наблюдалась тенденция роста участия мелкого и среднего бизнеса в технологическом обновлении промышленности, особенно в секторе информационных технологий (ИТ). Большую роль в осуществлении инновационных и рискованных операций играет венчурный капитал. Текущий венчурный бум начался с высокотехнологичных отраслей промышленности, таких, как электроника, телекоммуникации, информационная сфера. Малые и средние компании, а также венчурные фирмы составляют сейчас 99,1% от общего числа корейских предприятий, на них работают 69,3% всех занятых. Крупный капитал также втянут в венчурный бум, например «Самсун электроникс» создал СП в Силиконовой долине.

Венчурные проекты сопряжены с высокой степенью риска. Корейский венчурный бизнес еще находится на ранней стадии своего развития и будет прибыльным в том случае, если он способствует разработкам уникальной, конкурентоспособной технологии и ему обеспечиваются постоянные вливания капитала и эффективный маркетинг.

Что касается уровня технологической модернизации ведущих отраслей южнокорейской промышленности, то еще в 2000 г. Министерство торговли, промышленности и энергетики (МТПЭ) выбрало 10 самых передовых корейских разработок. Среди них в сфере информации и телекоммуникаций выделены дисковод CD-RW компании «LG Электроникс», CD-RW DVD и «сверхэффективная солнечная батарея большой площади» компании «Самсун», а также сеть высокоскоростного соединения с Интернетом TDSL компании «Гигалинк». В области химии и механики МТПЭ отметило схему выполнения дизайна для танкеров по перевозке сжиженного газа. Объемы продаж товаров и услуг на внешнем рынке

с применением технологий, попавших в первую десятку, составил 3,6 млрд долл.

Развитие информационных технологий в РК осуществляется при активном государственном содействии. Основные задачи реализуемой в стране общенациональной государственной программы включают вхождение РК в десятку стран, лидирующих в области ИТ. В настоящее время РК занимает 1-е место в мире по уровню скорости и доступности проводного Интернета.

Удельный вес информационных и коммуникационных продуктов в экспорте продукции обрабатывающей промышленности РК в 2007–2009 гг. равнялся около 33,0% (в США этот же показатель составил 28%).

В Южной Корее основная масса научно-исследовательских разработок приходится на промышленный сектор (около 90%) и гораздо менее ими обеспечен сектор услуг. Это самый низкий показатель из числа стран ОЭСР⁷.

Развитие инноваций и научно-исследовательской базы было одним из основных пунктов предвыборной программы нынешнего президента Ли Мен Бака. Победив на выборах, Ли Мен Бак озвучил проект под названием «Новый зеленый курс», имеющий своей целью создание новых рабочих мест и полное изменение индустриальной структуры страны. Проект стоимостью 50 млрд вон (320 млн долл.) включает: посадку лесов, очищение рек, строительство велосипедных дорожек, железных дорог, экологически чистых домов и более рациональное энергопотребление. К тому же, предполагается создание 950 тыс. новых рабочих мест в течение 4 ближайших лет⁸.

Для большего экономического эффекта этого курса были приняты положения о снижении подоходного налога на 2% и повышении порога налоговых вычетов с 1 млн вон до 1,5 млн вон. Для крупных компаний налог на прибыль был снижен с 22–25% в 2009 г. до 20% в 2010 г. Для малых и средних компаний — с 13–11% в 2009 г. до 10% в 2010 г. Принято решение о том, что индустрии знаний и информационных технологий будет разрешено перебазироваться в столичную зону Сеула в качестве первого этапа в числе шагов, направленных на создание небольшого промышленного парка высоких технологий, с учетом и того, что близлежащий Инчхон ожидает приток большого объема иностранных инвестиций (Инчхонская свободная экономическая зона).

Согласно плану, разработанному в 2009 г. Государственным комитетом по науке и технологиям, до 2015 г. в развитие фундаментальной науки мирового класса и разработку линейного протонного ускорителя будет инвестировано более 3,5 трлн вон. Специальный закон о создании соответствующей научной базы был утвержден Национальным собранием.

Правительство обнародовало 5-летний план и так называемого «зеленого роста» на период 2009–2013 гг., в соответствии с которым предполагается ежегодно направлять на его цели 107 трлн вон, или 2% от ВВП. Большие ассигнования включают затраты на крупные инфраструктурные объекты, такие, как «Проект восстановления четырех крупных рек» и расширение сети высокоскоростных железных дорог. Он также включает 23 трлн вон на обеспечение новых моторов роста⁹.

Этот проект разработан в качестве ответной меры на аномальные изменения климата и нацелен на радикальное решение проблем, которые вызваны природными катастрофами, такими, как наводнения и засуха, а также на максимальное использование речных акваторий путем повышения эффективности регулирования рек. Предполагается, что в 2011 г. РК столкнется с нехваткой воды в 800 млн куб. м.

Кроме того, реализация этого проекта послужит базой для восстановления региональной экономики путем развития районов вдоль берегов р. Ханган и осуществления программ по развитию водных видов спорта и отдыха.

Этот 5-летний план также предполагает ассигнования в сумме 13 трлн вон (1,2% от ВВП) на НИОКР в 27 наиболее важных технологических направлениях. Особая роль отводится исследованиям в фундаментальных науках.

Определенную заботу для Южной Кореи уже сейчас представляет проблема «тепличных выбросов», которые по объему выросли почти вдвое за 1990–2005 гг., что является самым высоким показателем среди стран ОЭСР. В связи с этим Южная Корея поставила цель: сократить выбросы в атмосферу на 30% к 2020 г., что соответствует обычному уровню бизнеса, начиная эти сокращения на 4% с 2005 г. При этом предполагается перейти от принципа добровольности к рыночным инструментам воздействия на фирмы в этом плане. Сокращение выбросов

потребуется переход от развития энергоинтенсивных отраслей к низкоуглеродному производству.

В конце 2010 г. на 9-м заседании Комитета по вопросам «зеленого роста» при президенте страны была рассмотрена предложенная правительством программа развития возобновляемых источников энергии. В соответствии с ней, РК будет уделять особое внимание разработкам солнечной и ветровой энергии, чтобы к 2015 г. войти в пятерку мировых лидеров в области возобновляемых источников энергии. В их разработку планируется привлечь 40 трлн вон (36 млрд долл.). Из них 7 трлн вон составят правительственные, а оставшиеся 33 трлн вон — частные инвестиции. 1,5 трлн вон предстоит вложить в развитие десяти основных инновационных технологий. Это — разработка солнечных батарей нового поколения и строительство ветровой электростанции на побережье Желтого моря. По подсчетам экспертов Министерства экономики знаний РК, среднегодовой рост мирового рынка возобновляемых источников энергии за последние 5 лет составил более чем 28%. При сохранении таких темпов роста к 2015 г. его объем составит 400 млрд, а к 2020 г. — 1 трлн долл., что сопоставимо с размерами мирового автомобильного рынка¹⁰. И Южная Корея стремится не упустить момент и занять достойную нишу на этом рынке.

Нетрудно увидеть, что новый «зеленый курс» президента Ли Мен Бака в первую очередь нацелен на то, чтобы помочь стране пережить мировой экономический кризис и создать новые рабочие места. Однако не исключено, что он может превратить кризис в возможность для возобновления развития экономики РК на новой основе в значительной степени благодаря тому, что создаст для нее новые двигатели будущего роста.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что в настоящее время Республика Корея еще не достигла в инновационной сфере уровня таких развитых стран, как США, Япония, Германия, но уже успела немало продвинуться вперед по пути научно-технического прогресса. Чтобы выйти на ведущие позиции, ей еще многое предстоит сделать. Необходимо уменьшить зависимость от импорта иностранных технологий, ассигновывать больше средств из госбюджета на научно-техническое развитие, продолжать развитие собственной базы фундаментальных исследований.

¹ The Korea Herald. 29.04.2004.

² Korea and the World. 2007. Key Indicators. KITA. Seoul, 2007. P. 129.

³ См.: Суслина С.С. Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 1980-х — начало 1990-х годов). М., 1997. С. 154.

⁴ Korea and the World. 2007. Key Indicators. Op cit. P. 62.

⁵ KBS WORLD. 07.09.2010.

⁶ KBS WORLD. 07.02.2011

⁷ OECD Economic Surveys: Korea, June 2010. P. 7.

⁸ Корейская культурно-информационная служба. Информационная служба Посольства Республики Корея. *Ли Мен Бак*. Экономика «зеленых» технологий. 13.01.2009.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ KBS WORLD. 18.10.2010.

*В.Г. Самсонова**

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК В РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЭТОЙ СФЕРЕ

После установления дипломатических отношений Россия и Республика Корея за последние два десятка лет прошли большой путь от простого узнавания друг друга к возведению партнера в ранг стратегического. Отмечается положительная динамика в их экономическом сотрудничестве: растет взаимный торговый оборот, успешно работают южнокорейские компании на территории России. По данным Федерального торгового союза (ФТС) России, объем российско-южнокорейской торговли в 2010 г. увеличился на 84% и составил 17,7 млрд долл., более того – сальдо торгового баланса было положительным и составило 3,1 млрд долл. (табл. 1). В настоящий момент Россия занимает 14-е место среди внешнеторговых партнеров Республики Корея.

Таблица 1

**Товарооборот между Россией и Республикой Корея в 2005-2011 гг.,
млрд долл.**

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	01.01.2010	01.01.2011
Оборот	6,4	9,3	15,0	18,3	10,6	17,7	0,9	1,1
динамика, %	159,5	145,3	161,3	122,0	57,4	168,0	171,7	128,3
Экспорт	2,4	2,5	6,2	7,8	5,7	10,4	0,6	0,5
динамика, %	120,2	115,9	225,5	126,3	73,0	184,0	224,6	-7,3
Импорт	4,0	6,8	8,8	10,5	4,9	7,3	0,3	0,6
динамика, %	197,5	169,3	130,3	119,0	45,9	149,4	118,6	195,9
Сальдо	-1,6	-4,3	-2,6	-2,7	-0,8	3,1	0,3	-0,1

Источник: данные ФТС России.

*Институт Дальнего Востока РАН, Москва.

Однако нынешнее состояние двустороннего экономического сотрудничества не отвечает вызовам нового, информационного мира. Переход мирового сообщества к качественно иному технологическому укладу, базирующемуся на массовом использовании информационно-коммуникационных технологий, определяет новую ступень современной цивилизации. Назрела необходимость перехода торгово-экономических отношений двух стран на новый уровень, в котором будет повышаться роль научно-технического сотрудничества (НТС).

На сегодняшний день, в эпоху, когда «правят балом» технологии и инновации, и Россия, и Республика Корея понимают важность развития научно-технических разработок.

Что касается России, то ее правительством разработан сценарий перехода российской экономики от «экспортно-сырьевой» модели развития к созданию качественно новой экономики, ориентированной на инновации, опирающейся на рост интеллектуального капитала и развитие высокотехнологичных производств, конкурентоспособных на мировом рынке. Принятая в ноябре 2008 г. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (КДР-2020) определила основные направления перехода к инновационному, социально ориентированному типу экономического развития страны. Концепция предполагает, что к 2020 г. доля инновационного сектора в структуре добавленной стоимости, создаваемой в различных отраслях экономики страны, достигнет 17%, т.е. будет сопоставима с долей оптовой и розничной торговли и превзойдет нефтегазовый сектор. Основные целевые показатели, намеченные в КДР-2020:

- доля предприятий, осуществляющих технологические инновации, возрастет до 40–50% в 2020 г. (в 2007 г. – 10%);
- доля России на мировых рынках высокотехнологичных товаров и услуг достигнет не менее 5–10% в 5–7 и более секторах (в том числе в атомной энергетике, авиатехнике, космической технике и услугах, специальном судостроении, в отдельных нишах на рынке программного обеспечения);
- удельный вес экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров увеличится до 2% (в 2007 г. – 0,3%);

▪ удельный вес инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции увеличится до 25–35% (в 2007 г. – 5,5%);

▪ внутренние затраты на исследования и разработки повысятся до 2,5–3,0% ВВП (в 2007 г. – 1,1%), из них за счет частного сектора – больше половины¹.

Пока же, судя по результатам научно-технической деятельности, Россия отстает от своих конкурентов. В практике международных сопоставлений результаты научно-технической деятельности оцениваются по показателям патентной активности, технологическому балансу и др.

Патенты. В табл. 2 приведено число патентов, зарегистрированных в системе «триады патентных семей» (патент, зарегистрированный в патентных ведомствах ЕС, США и Японии) Россией и другими странами в 2005 г., и некоторые характеристики патентной деятельности.

В 2005 г. доля РФ в международном патентном деле была равна 0,12%, число патентов на 1 млн человек – 0,44, абсолютное число патентов – 63. Эти цифры показывают наше бедственное положение в патентной деятельности. Важным показателем результативности научно-исследовательской деятельности является

Таблица 2

Число патентов, зарегистрированных в системе «триады патентных семей» в 2005 г.

Страны	Абсолютное число патентов, ед.	Темп прироста числа патентов за 2000–2006 гг., %	Доля страны в международном патентном деле, %	Число патентов на 1 млн человек, ед.
Россия	63	17,00	0,12	0,44
Китай	356	339,14	0,70	0,27
США	15774	5,89	31,10	53,12
Япония	14976	3,42	29,53	117,21
Германия	6298	3,75	12,42	76,38
Великобритания	1651	-0,52	3,25	27,41
Франция	2472	8,42	4,87	39,36
ОЭСР	50299	9,54	99,17	42,97

Источник: данные Минобрнауки РФ.

соотношение поступлений от продажи технологий за рубеж и платежей за покупку технологий в других странах, т.е. сальдо торгового технологического баланса (табл. 3). Что касается сальдо технологического баланса с 2000 по 2006 г., Россия если вначале имела незначительное, но положительное сальдо (+20,4 млн долл.), то затем, на протяжении всего периода, увеличивала дефицит в торговле технологиями (-609,4 млн долл. в 2006 г.). Эти тенденции свидетельствуют об усилении в России процесса заимствования зарубежных технологий на ранних стадиях их развития и малой доли технологий в структуре российского экспорта².

Таблица 3

Платежно-технологический баланс России, млн долл.

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Платежи	183,6	398,8	577,2	659,3	818,7	960,9	1137,9
Поступления	204	242,2	211,1	236,4	379,6	391,6	528,5
Баланс	20,4	-156,6	-366,1	-422,9	-439,1	-569,3	-609,4

Источник: данные Минобрнауки РФ.

Что касается РК, то она продолжает активно развиваться в области современных технологий. Правительством разработана стратегия «5–7–7», которая предусматривает затраты на НТР в размере 5% ВВП, развитие 7 приоритетных областей и вступление в семерку научно-технических держав мира³. РК поставила перед собой задачу к 2025 г. подняться до 7-го места в мире по уровню конкурентоспособности в области науки и техники. Для этого она ежегодно повышает расходы на научно-технические исследования. С 2004 по 2009 г. ассигнования на НИОКР (государственные и частные) выросли с 21 до 25 млрд долл. Также с 2008 по 2012 г. правительство планирует увеличить расходы на фундаментальные исследования с 2,8 до 8,1 трлн вон (табл. 4).

Внутренние затраты на исследования и разработки в РК в 2008 г. составляли 3,37% ВВП. Россия же существенно проигрывает по этому показателю (1,04%), более того, начиная с 2000 г. уровень затрат на исследования и разработки в нашей стране не увеличивался, тогда как в РК он постоянно повышался (рис. 1).

Таблица 4

Расходы на фундаментальные исследования в РК

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Расходы на фундаментальные исследования, трлн вон	2,8	3,7	4,9	6,2	8,1
Доля от общего бюджета на научно-технические разработки, %	25,6	30,6	36,0	42,4	50,0

Источник: данные Министерства образования, науки и технологии РК.

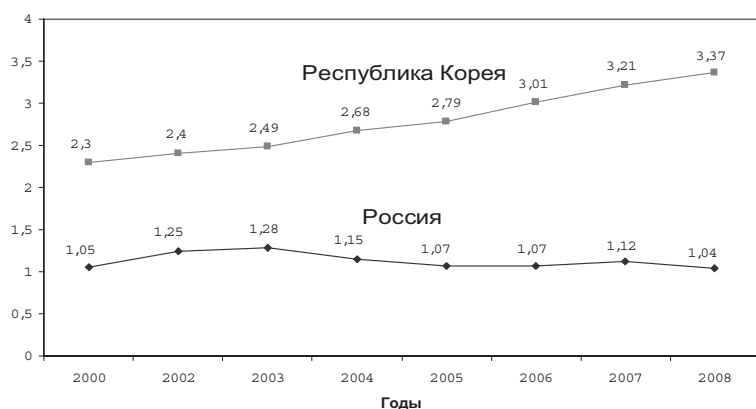

Рис. 1. Внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к ВВП (по данным Росстата РФ)

Среди направлений государственной политики в научно-технической сфере важное место занимает развитие международного сотрудничества. Использование международной кооперации (в нашем случае — кооперации с южнокорейской стороной) позволяет объединить средства и ресурсы разных стран, добиваясь тем самым эффекта синергизма. Россия рассматривает РК как одного из перспективных партнеров в развитии взаимовыгодного научно-технического сотрудничества. Поэтому одним из первых международно-правовых соглашений между нашими странами стало Соглашение между Правительством СССР и Правительством Республики Корея о НТС от 14 декабря 1990 г.

Вопросы НТС рассматриваются в рамках Российско-корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. 20 сентября 2010 г. в г. Санкт-Петербурге проведено ее 10-е заседание, на котором обсуждались вопросы активизации двустороннего торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. В ходе работы комиссии особое внимание было уделено сотрудничеству в области науки и техники, освоения космоса.

В частности, стороны договорились об инициации процесса отбора актуальных высокотехнологичных исследовательских проектов в ходе рабочих встреч, семинаров экспертов, а также обсуждения форм, направлений совместной исследовательской деятельности, включая вопросы финансирования. Определенные подвижки были достигнуты в таком важном аспекте, как правовое обеспечение научно-технического сотрудничества. Российской стороной неоднократно отмечалось, что южнокорейские партнеры под различными предлогами уходят от решения вопроса о разработке юридических механизмов регулирования прав интеллектуальной собственности, создаваемой и передаваемой в процессе реализации совместных научно-технических проектов. В результате было достигнуто согласие о начале обсуждения на экспертном уровне проекта протокола о принципах охраны и распределения прав на интеллектуальную собственность в области НТС.

Координирующим органом в сфере НТС является Российско-корейский совместный комитет по научно-техническому сотрудничеству, график заседаний которого приводится ниже.

Заседания Российско-корейского совместного комитета по научно-техническому сотрудничеству

1. Май, 1991 г., Сеул.
2. Июнь 1992 г., Москва.
3. Май 1993 г., Сеул.
4. Июнь 1994 г., Москва.
5. Октябрь 1995 г., Сеул.
6. Май 1997 г., Москва.
7. Июнь 1999 г., Сеул.
8. Май 2001 г., Москва.
9. Ноябрь 2007 г., Сеул.
10. Декабрь 2009 г., Москва.

Тематика сотрудничества включает актуальные направления в области космоса, фармацевтики, лазерной техники, оптики, энергетики, биотехнологии. Имеются перспективы развития кооперации в области разработки программных продуктов и средств вычислительной техники. С 1990 г. в рамках российско-южнокорейского научно-технического сотрудничества было принято и реализуется в общей сложности более 90 проектов, предусматривающих проведение исследований и разработок в перспективных областях науки и техники. К их числу относится *аэрокосмическая область*. В рамках этого направления реализуется ряд совместных проектов, в том числе и по созданию образцов новой техники. В 2004 г. было подписано межправительственное соглашение, в соответствии с которым первый южнокорейский космонавт в апреле 2008 г. совершил полет в космос на российском космическом корабле. С помощью российских ученых в РК построен космический центр на о. Наро. На 10-м заседании совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству Россия и РК договорились продолжать сотрудничество по вопросу подготовки третьего запуска ракеты KSLV-1.

Развивается НТС и в *сфере исследования Антарктики*. РФ и РК признали необходимость содействия в подготовке и тренировке специалистов в области ледового плавания для эффективного управления южнокорейским ледоколом «Араон» и договорились о том, что российская команда специалистов будет сопровождать южнокорейский корабль в Антарктике, а также о дальнейшем сотрудничестве при подготовке специалистов в области ледового плавания. Также РФ и РК договорились укреплять сотрудничество по обмену необходимой информацией и проведению совместных исследований живых организмов в низкотемпературной среде Северного Ледовитого океана.

В *фармацевтической сфере*: ЗАО «Исследовательский институт химического разнообразия (ИИХР)» заинтересовано в развитии сотрудничества с компанией «SK Bio-Pharmaceuticals» в проведении доклинических исследований, а также ранних фаз клинических испытаний и разработке новых лекарственных средств. В настоящее время ЗАО «ИИХР» и Институт Пастера в Республике Корея начали совместные проекты по разработке новых лекарств в области лечения туберкулеза. ООО «ХИМРАР» заинтере-

совано в организации с фирмой «DONG-A Pharmaceutical Co.Ltd» совместного биотехнологического предприятия по доклиническим и клиническим исследованиям и разработкам инновационных препаратов в области лечения болезней центральной нервной системы, таких, как болезнь Альцгеймера.

В судостроении: Россия входит в число стран, заказывающих суда в Республике Корея⁴. В настоящее время образован Специальный комитет для рассмотрения и реализации конкретных направлений и проектов сотрудничества. В комитете предусмотрены две секции: «Проектирование и производство» и «Исследование и технологии судостроения». Им будут рассматриваться следующие основные направления сотрудничества:

- перспективы строительства и модернизации верфей на территории России;
- закупка оборудования и материалов для технологических целей и строящихся судов;
- разработка технологий по проектированию и строительству судов, платформ для нефтегазового шельфа и другой морской техники;
- обучение кадров проектированию и строительству судов с участием корейских специалистов.

В настоящее время сотрудничество в судостроении получает новый толчок в связи с совместным проектом на базе завода «Звезда»⁵. Проект будет реализован Дальневосточным центром судостроения и судоремонта Объединенной судостроительной корпорации совместно с южнокорейской компанией «ДЭУ». Производством нового судостроительного комплекса станут танкеры водоизмещением до 200 тыс. т и танкеры по перевозке сжиженного природного газа до 210 тыс. куб. м.

В рамках визита Президента Республики Корея Ли Мен Бака в Россию подписан Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между Российской корпорацией нанотехнологий (РОСНАНО) и Министерством образования, науки и технологий Республики Корея. В соответствии с документом стороны будут осуществлять сотрудничество по следующим направлениям:

- обмен информацией о национальной политике в области нанотехнологий, научных исследованиях, производстве и потенциальном рынке, разработке механизмов оценки перспектив при-

менения и рисков использования нанотехнологий, сертификации и стандартизации результатов нанотехнологических исследований, защите интеллектуальной собственности в области нанотехнологий, а также прочими сведениями в нанотехнологической сфере;

- содействие реализации проектов, связанных с коммерциализацией нанотехнологических достижений Российской Федерации и Республики Корея;

- проведение научных работ по прогнозированию в области нанотехнологий (форсайт);

- проведение совместных семинаров, симпозиумов и прочих мероприятий в области нанотехнологий, поддержка взаимных визитов и обмен специалистами.

Далее, 11 декабря 2009 г. РОСНАНО и Корейский исследовательский институт стандартов и науки (KRISS) подписали Меморандум о сотрудничестве. Планируется, что стороны объединят усилия в сфере разработки необходимых нормативных документов, привлечения испытательных лабораторий и специалистов для оценки соответствия и безопасности нанотехнологий и продукции наноиндустрии и создания условий для коммерциализации результатов научно-технической деятельности.

Параллельно для успешного сотрудничества создаются совместные научные центры. В частности, с 2005 г. на базе Технопарка пров. Кенги функционирует совместный научно-исследовательский центр SOI-Korea, созданный Корейским электротехническим научно-исследовательским институтом (KERI) и Государственным научным центром «Государственный оптический институт им. С.И. Вавилова» (г. С.-Петербург). В 2010 г. к проекту решили присоединиться еще несколько российских участников, а сам проект получил новое название «Russia Science Seoul». В мае того же года в мэрии Сеула состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании о создании российско-корейского научно-исследовательского центра. В соответствии с подписанным документом южнокорейская сторона предоставляет центру помещение и выделяет на 2010–2014 гг. финансирование в размере 16 млн долл. В исследовательском центре «Russia Science Seoul» будут работать 73 специалиста в области нано- и биотехнологий (39 российских и 34 южнокорейских)⁶.

Российско-южнокорейское научно-техническое сотрудничество является важной составляющей для всей системы взаимоотношений между нашими странами. Обе страны возлагают большие надежды на эту сферу, которая может объединить фундаментальные разработки России в аэрокосмической области, атомной энергетике и других областях и прикладные технологии РК в робототехнике, электронике, автомобилестроении.

Для поднятия на новый уровень сотрудничества в научно-технической сфере представляется целесообразным сконцентрировать усилия на следующих направлениях:

- подготовка проекта протокола (и в дальнейшем его подписание) о принципах охраны и распределения прав на интеллектуальную собственность в области научно-технического сотрудничества;

- совместная коммерциализация имеющихся российских научных разработок и технологий на базе институтов РАН и отраслевых НИИ;

- организация совместных производств как в России, так и в странах Северо-Восточной Азии с использованием российских патентов и лицензий;

- более активное привлечение различных научных фондов и выделяемых ими грантов для поддержки научных исследований российских ученых в области точных, естественных, общественных и гуманитарных наук;

- создание совместных фондов для финансирования фундаментальных исследований;

- активное участие российских ученых в перспективных программах научно-исследовательских работ в Южной Корее.

¹ Национальная инновационная система и государственная инновационная политика Российской Федерации. Минобрнауки РФ. Базовый доклад к обзору ОЭСР национальной инновационной системы Российской Федерации. М., 2009. С. 31.

² Там же. С. 21.

³ Диалог Россия – Республика Корея-2010. Материалы секции «Образование и наука». Сеул, 2010. С. 114.

⁴ По состоянию на конец 2008 г. корейские верфи были загружены 32 судами суммарным дедвейтом около 2,7 млн т. В настоящее время для ОАО

«Совкомфлот» на корейских верфях в постройке находятся 3 танкера для перевозки сырой нефти дедвейтом 157 тыс. т (Daewoo Shipbuilding & Marine), 2 танкера для перевозки сырой нефти дедвейтом 145 тыс. т (Hyundai Heavy Industries), 4 продуктово́за дедвейтом 112 тыс. т (Hyundai Samho Heavy Industries) и челночный танкер дедвейтом 72,7 тыс. т (Samsung Heavy Industries Co.). Для Приморского морского пароходства на верфи Hyundai Heavy Industries строятся 2 танкера для перевозки сырой нефти дедвейтом 91,4 тыс. т, 2 продуктово́за дедвейтом ок. 103 тыс. т, 2 танкера дедвейтом 146,6 тыс. т; на верфи STX Shipbuilding CO Ltd строится 6 продуктово́зов дедвейтом по 51 тыс. т.

⁵ URL: <http://www.minprom.gov.ru/activity/shipbuilding/news/30/print>

⁶ URL: URL: <http://kore-saram.ru/V-Seule-otkrilsya-Issledovatel'skii-tsentr-Russia-Science-Seoul>

*А.Ф. Сиякова**

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: «ЗЕЛЕННЫЕ» ТЕХНОЛОГИИ КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Интерес частного и государственного секторов в Республике Корея, так же, как и во всем мире, к экологичным производствам стремительно растет в условиях изменений, происходящих в энергетическом секторе, в окружающей среде и в международной экономической ситуации. Цены на энергоносители остаются высокими из-за истощения природных сырьевых запасов, более того, они подвержены значительным колебаниям. При этом объемы промышленных выбросов, в особенности в развивающихся странах, не сокращаются, что отрицательно влияет на экологическую ситуацию во всем мире. Ухудшение экономической конъюнктуры и снижение деловой активности, вызванные недавним глобальным экономическим кризисом, привели к тому, что многие страны стали искать новые источники экономического роста. И именно так называемая «зеленая» промышленность, которую начали активно поддерживать правительства многих стран, может стать одним из таких источников.

«Зеленая» промышленность подразумевает природосберегающие производства, наносящие минимальный вред окружающей среде, низко- и безотходные производства, а также производства, направленные на защиту окружающей среды и на сокращение зависимости от традиционных источников энергии вместе с уменьшением количества выбросов парниковых газов. Пока не выработано единое и общепринятое определение «зеленой» промышленности, но, говоря о ней, выделяют три основные составляющие.

Во-первых, это внедрение природоохранных технологий в традиционные отрасли промышленности. *Во-вторых*, природосберегающая деятельность, предупреждающая бытовые и про-

* МГИМО (У) МИД России, Москва.

мышленные загрязнения окружающей среды. Она включает также использование экологичных технологий, средств производства и инфраструктуры и, кроме того, предоставление консалтинговых услуг в сфере экологического строительства, освоения территорий и производства. *В-третьих*, использование новых и возобновляемых источников энергии, которое регулируется актом «О развитии и использовании новых и возобновляемых источников энергии»¹.

США, государства Европейского Союза и Япония уже выделили те природосберегающие промышленные производства, в которых у них есть относительные конкурентные преимущества, и сконцентрировали усилия на их развитии. В Республике Корея также было заявлено о том, что «зеленые» технологии являются современным источником экономического роста, и было принято решение об оказании им поддержки на правительственном уровне.

В августе 2008 г. президент РК Ли Мен Бак заявил о новом курсе «Низкоуглеродная экономика и экономический рост, основанный на природосберегающих технологиях»², после чего была проведена соответствующая работа по формированию нормативно-правовой базы и правительство предложило механизм бюджетного финансирования экологичных отраслей. Задача объявленного курса — объединить экономическую эффективность и экологическую и социальную ответственность для реализации стратегии устойчивого развития.

Однако развитие экологичных производств и экологичной экономики в целом неизбежно столкнется с рядом трудностей. Первая проблема — это нехватка специалистов.

Занятость в секторе «зеленой» промышленности охарактеризована в Программе экологического развития ООН как «достойная занятость в условиях устойчивой, низкоуглеродной экономики»³, т.е. она обеспечивает хорошие и безопасные условия труда и высокую заработную плату. Согласно прогнозу Министерства экономики знаний РК, количество рабочих мест в отрасли новых и возобновляемых источников энергии к 2020 г. превысит 944 тыс. (рис. 1), к ним относят также потенциально занятых во всех сферах отрасли экологического строительства и комплексного развития и использования территорий.

В то же время в Республике Корея уже сейчас существует недостаток в высших и специальных учебных заведениях, готовящих

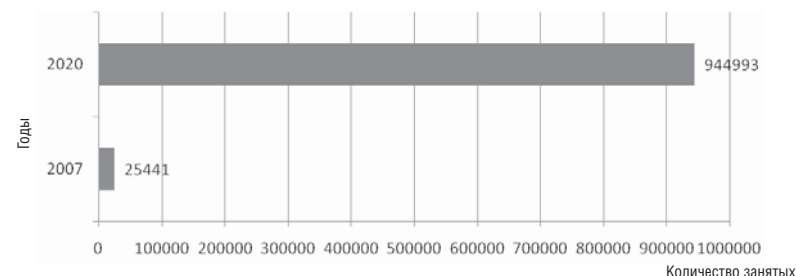

Рис. 1. Рабочие места в отрасли новых и возобновляемых источников энергии

Источник: New and Recyclable Energy RD&D Vision (2007). Ministry of Knowledge Economy. <http://www.mke.go.kr>

необходимых специалистов и инженеров. В свою очередь, потенциальные абитуриенты также не стремятся получить специальность в области экологического производства в связи с неопределенностью его развития и, соответственно, отсутствием в настоящее время гарантий хорошего трудоустройства. Корейский институт оценки и планирования в сфере науки и технологий (KISTEP) подготовил программу обучения и переобучения специалистов для «зеленой» промышленности, куда входят кратко- и среднесрочная подготовка и переподготовка технических специалистов, а также обучение по программам бакалавров, магистров и аспирантов⁴.

Вторая группа проблем, связанных с развитием «зеленой» промышленности в Республике Корея, вызвана международной конкуренцией и потребностью в повышении международной конкурентоспособности южнокорейских компаний. Прежде всего это касается внутренней и международной конкуренции в разработке и приобретении новых экологичных технологий. Сложности в их разработке обусловлены большими затратами времени, высокими рисками, определенной технологической непредсказуемостью и значительной зависимостью от государственной поддержки. Участники отрасли слабо интегрированы между собой и не стремятся сотрудничать до тех пор, пока результаты их разработок не начнут использоваться и приносить прибыль. Решение этой проблемы в РК видят в организации многосторон-

него сотрудничества в исследованиях и разработках, в участии большого числа компаний в проектах, инициируемых государством. Государство также может поддержать компании среднего и малого бизнеса, отдавая предпочтение им при выборе участников проекта, тем самым способствуя сотрудничеству с ними крупных корпораций.

Еще одна сложность заключается в часто неэффективном сотрудничестве компаний и научно-исследовательских институтов. Деловые круги, заинтересованные в быстрой окупаемости проекта, не всегда достигают этого. В свою очередь, институты не всегда получают достаточное финансирование и кредитование от компаний на проведение исследований и разработок для быстрого их внедрения в производство. Решение проблемы может быть в привлечении большего числа участников в реализацию проекта и предоставлении исследовательским организациям кредитов от государства, таких же, как те, что оно предоставляет малым и средним предприятиям на внедрение новых технологий. Создание и поощрение системы сотрудничества и обмена информацией между институтами позволит значительно ускорить технологические разработки. Наиболее перспективными могут стать проекты, объединяющие государство, компании и исследовательские институты, в том числе зарубежные, тем более что подобные проекты уже существуют.

Помимо сотрудничества между южнокорейскими компаниями сложности возникают в поиске зарубежных партнеров и доступе к иностранным технологиям. Наиболее эффективным механизмом получения уже существующих иностранных технологий могли бы стать сделки по слияниям и поглощениям, однако недостаток информации о потенциальных контрагентах замедляет данный процесс. Формирование специализированного «зеленого» фонда могло бы упростить задачу для южнокорейских компаний, а иностранных партнеров могла бы заинтересовать возможность использования южнокорейского рынка в качестве экспериментальной площадки.

Следующая сложность заключается в том, что компании, заинтересованные в получении прибыли, редко интересуются долгосрочными проектами или технологиями «следующего поколения». Государство в такой ситуации может оказывать компаниям

поддержку на этапе разработки идей, а после целенаправленно поддержать компании, идеи которых будут иметь большой потенциал на стадиях технологической разработки и внедрения в производство.

В сфере разработки и использования новых и возобновляемых источников энергии поддержку государства получают только 3 отрасли (производство солнечной энергии, ветровой энергии и топливных элементов) из существующих в РК 11 отраслей. Курс «Низкоуглеродная экономика и экономический рост, основанный на природосберегающих технологиях» был предложен как направление выхода из экономического кризиса и как инструмент решения энергетических и экологических проблем. Использование новых и возобновляемых источников энергии является составной частью предложенного курса, к числу достоинств которого можно отнести высокий потенциал роста и государственную поддержку, однако высокие технологические барьеры, низкая по сравнению с традиционными источниками энергии экономическая эффективность и высокая конкуренция являются препятствиями в развитии отраслей экологических технологий.

Многие компании РК, стремясь выйти на международный рынок «зеленых» технологий, сталкиваются со следующими проблемами.

Прежде всего, технологии, разработанные в Республике Корея, не являются достаточно совершенными. В настоящее время южнокорейские компании стремятся выйти на мировой рынок уже после 1 года применения созданной ими технологии на специализированных экспериментальных площадках, задача которых установить, будет ли технология иметь коммерческое применение и успех. При выходе на международный рынок потенциальные потребители в большей степени интересуются уже накопленным опытом практического использования данной технологии, а результаты деятельности на экспериментальных площадках не являются достаточно убедительными на мировом рынке. Более того, часто компании испытывают сложности, чтобы найти подходящие экспериментальные площадки в самой РК. А процедуры согласований и одобрений с уполномоченными государственными органами отодвигают сроки начала коммерческого использования технологий.

Кроме того, существенным препятствием являются системы технологической сертификации. Система, существующая в РК, и международные системы сертификации существенно различаются, соответственно южнокорейские компании должны пройти несколько процедур сертификации, что приводит к увеличению издержек. В самой Республике Корея сертифицируются лишь уже применяемые в производстве технологии. Технологии «следующего поколения» и технологии, не получившие еще практического использования, в РК не сертифицируются, несмотря на то что в других странах они могут уже использоваться на практике.

Пути решения перечисленных проблем можно объединить в несколько направлений. Для получения опыта использования технологий, необходимого для эффективной конкуренции на международных рынках, государству следует содействовать в создании экспериментальных площадок и комплексов, где можно было бы внедрить новые технологии в производство и впоследствии продемонстрировать результаты деятельности при выходе на мировой рынок.

В связи с этим целесообразным является координация деятельности центральных и региональных властей в предоставлении соответствующей территории и обеспечении инфраструктуры, а наиболее эффективным – выделение кластеров отраслей.

Для обеспечения конкурентоспособности национальных компаний в международной среде, в особенности в тех отраслях, где они имеют технологическое преимущество и возможность занять лидирующие позиции на рынке, Республике Корея следует принимать участие во всемирных программах сертификации и соответствующим образом координировать систему внутренней сертификации.

Рынок экологических производств необходимо сделать более емким за счет предпочтения товаров, произведенных в РК, а не импортных, которые сейчас преобладают на рынке. Стратегия укрепления международной конкурентоспособности южнокорейских компаний представлена на рис. 2.

Финансирование экологичной промышленности и «зеленых» производств может быть осуществлено из частных и государственных фондов, которые выступают в качестве новых финансовых инструментов, также стимулирующих экономический рост.

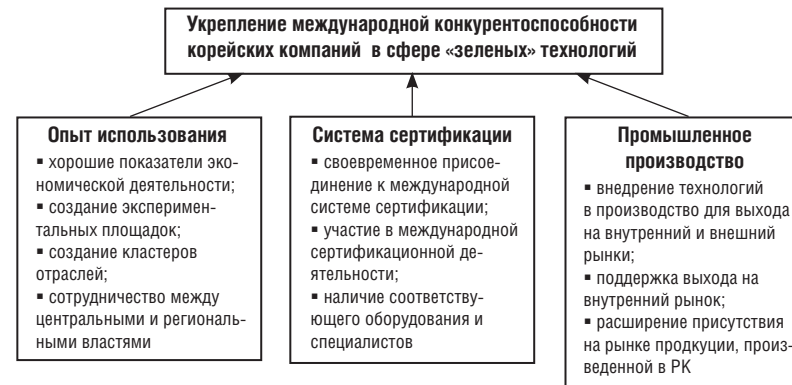

Рис. 2. Стратегия укрепления международной конкурентоспособности корейских компаний, занятых в отрасли «зеленых» техно-

Источник: Kang Heechan. Three Hurdles to Green Growth // Native Expertise on Korea and East Asia: SERI Quarterly. <http://www.seriquarterly.com>

Частные инвесторы не очень охотно финансируют «зеленые» производства из-за высокого риска их экономической эффективности и отсутствия надежных инструментов оценки будущей рентабельности.

Государственные фонды, которые предоставляют кредиты для внедрения природосберегающих технологий, оценивают потенциального заемщика исходя из годовых показателей его экономической деятельности. Кроме того, необходимо предоставление детализированного бизнес-плана, аналитического обзора долгосрочных рыночных тенденций и механизма погашения кредита. Таким образом, долгосрочные экологичные проекты, в том числе в отрасли развития новых и возобновляемых источников энергии, фактически не могут получить требуемого финансирования.

Государство может помочь в финансировании экологичных производств посредством предоставления гарантий будущего внедрения новых экологичных технологий и получения прибыли от данных производств. Эти меры привлекут частных инвесторов и избавят различные фонды от необходимости оценки и проверки потенциальной коммерческой выгоды от внедрения

в будущем новых «зеленых» технологий. Эти технологии могут уже в сравнительно скором времени предоставить возможности для экономического роста Республики Корея. Для форсирования этого процесса требуется конструктивное взаимодействие государства, частных компаний и научно-исследовательских центров.

- ¹ Promotion Act for New & Renewable Energy Development, Utilization & Dissemination. Korea Energy Economics Institute. URL: http://www.keei.re.kr/main.nsf/index_en.html?open&p=%2Fweb_keei%2Fen_Issues01.nsf%2F0%2F6C2439DDEE0B943149256E08001C5AFC&s=%3FOpenDocument
- ² ESCAP Press Release: Korea-ESCAP partnership to promote low carbon green growth. URL: <http://www.unescap.org/unis/press/2008/oct/g48.asp>
- ³ Green Jobs: Towards Decent Work in a Sustainable, Low-Carbon World. UNEP Report, United Nations Environment Program. September 2008. URL: http://www.unep.org/labour_environment/PDFs/Greenjobs/UNEP-Green-Jobs-Report.pdf
- ⁴ Korea Institute of Science and Technology Evaluation and Planning. URL: <http://www.kistep.re.kr/ksp/eng/main/main.jsp>

П.П. Эм*

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ И РАССЕЛЕНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Уровень урбанизации и степень развития системы расселения — одни из ключевых индикаторов социально-экономического развития региона. Активизация процессов урбанизации на юге Корейского полуострова во второй половине XX в. способствовала интенсификации развития системы расселения РК¹.

Основная цель исследования — попытка выявить влияние процессов урбанизации и расселения на развитие экономики Республики Корея. Фактической базой послужили статистические ежегодники, отчеты по переписям населения, а также литература, отображающая общее социально-экономическое развитие страны².

Методы исследования. Урбанизация является многогранным и многокомпонентным процессом, в структуре которого выделяется количественная и качественная составляющие. В работе рассмотрена исключительно количественная сторона урбанизации, выражающаяся в увеличении численности и доли городского населения. Качественные аспекты урбанизации останутся за рамками анализа. Такой подход ограничит полноту исследования, однако поможет выявить основные тенденции развития процесса.

Одной из фундаментальных закономерностей, позволяющей объяснить процессы, происходящие в системе расселения, является зависимость, впервые установленная Ф. Ауэрбахом и известная как правило «ранг — размер». Согласно ей определены взаимосвязи между величиной города и его рангом в системе расселения: численность населения каждого города в системе обратно пропорциональна его порядковому номеру в этой системе:

$$Pr = P / R \quad (1),$$

где Pr — население данного города (ранг),

* Институт географии РАН, Москва.

P – население самого крупного города системы,
 R – ранг города³.

Параллельно с поиском вертикальных закономерностей проводились работы и с выявлением горизонтальных аналогов. В этом нам помогла *теория центральных мест (ТЦМ)*, согласно которой существует определенный механизм, который оказывает влияние на развитие системы расселения и ведет к образованию наиболее рациональной структуры, представляющей собой равносторонние шестиугольники. Геометрическое расположение населенных пунктов в пределах этих шестиугольников задает оптимизацию торговой, транспортной или административной структуры. При этом значение K , указывающее на разновидность структуры, и определяет «число центральных мест более низкого уровня иерархии, подчиненных одному центральному месту, увеличенному на единицу»⁴.

Ключевыми показателями теории центральных мест являются значения *эмпирического* и *теоретического радиусов*. Под первым понимается реальное соотношение расстояний от главного центра до всех центров соответствующего уровня иерархии и теоретических значений этих расстояний, найденных для идеальной решетки как доля отрезка прямой от центра до границы шестиугольника. Теоретический радиус вычисляется по формуле:

$$R'_{ij} = \frac{\frac{P_i^e}{P_i^t} * A_i + \frac{P_j^e}{P_j^t} * A_j}{A_i + A_j} \quad (2),$$

где $P_i^e, P_j^e, P_i^t, P_j^t$ – эмпирическая и теоретическая величина городов разного уровня; A_i, A_j – пропорциональные для данного K доли ответственности во взаимных расстояниях между уровнями⁵.

Теоретическая численность населения определяется с помощью уравнения Бекмана – Парра (формула 3) с вычислением коэффициента для определения гипотетической величины главного города (формула 4):

$$P_h = \frac{P_1}{h} \quad (3),$$

$$h = \frac{2P_1 - P_2}{P_1 + 2P_2} \quad (4),$$

где P_h – гипотетическая величина главного города;
 h – поправочный коэффициент;
 P_1, P_2 – средняя эмпирическая величина городов I и II уровня иерархии⁶.

Классическая ТЦМ не могла дать ответы на многие вопросы. В.А. Шупером в конце прошлого века была предложена *релятивистская модификация ТЦМ*. Она смогла объяснить жизнедеятельность новых форм расселения – городских агломераций. Ее центральным понятием является показатель *изостатического равновесия*. Он позволяет установить функциональную зависимость между характером пространственной организации городского расселения и распределением населения между различными иерархическими уровнями. Уровни иерархии центральных мест подразделяются на *легкие* и *тяжелые* в зависимости от того, имеют ли они население выше или ниже теоретически предсказанного (формула 5). Обычно они чередуются, тем самым «*изостатически уравновешивая*» друг друга. Показателем, характеризующим состояние изостатического равновесия, является *сумма отношений теоретических радиусов к эмпирическим радиусам* для всех выделенных уровней иерархии:

$$\sum \frac{R'_n}{R^n} = m-1 \quad (5),$$

где m – число иерархических уровней в системе центральных мест.

Степень близости к состоянию изостатического равновесия можно интерпретировать как меру устойчивости пространственной структуры систем городского расселения⁷.

Между классической и релятивистской теориями центральных мест существует переходная область. Между этими полюсами располагается обширное пространство, к которому принадлежит подавляющее большинство существующих систем городского расселения, в том числе и система центральных мест Республики Корея.

Урбанизация в Республике Корея. Городом в Республике Корея называют населенный пункт с численностью населения не менее 40 тыс. человек, большая часть которого занята в несельскохозяйственной сфере.

Как свидетельствует статистика, устойчивый рост доли городского населения в Республике Корея наблюдается с момента образования суверенного государства в 1948 г. и продолжается по настоящее время. Одновременно увеличилась и скорость урбанизации, с 1960 г. по 1980 г. превышавшая 3% в год. Если в 1948 г. доля городского населения составляла лишь 21,4%, то в 2010 г. она возросла до 81,9%⁸. В период с 1975 г. по 1980 г. произошло важное событие – уровень урбанизации страны превысил 50%, т.е. страна стала «городской».

Одна из характерных черт урбанизации – большие темпы роста крупного городского населения. С 1950 г. по 1985 г. они превышали 5%. Места концентрации крупного городского расселения создали глубокую дифференциацию социально-экономического пространства страны.

Анализ динамики темпов роста доли городского населения страны в исследуемый период позволяет выделить этапы, отличающиеся по интенсивности урбанизации (рис. 1).

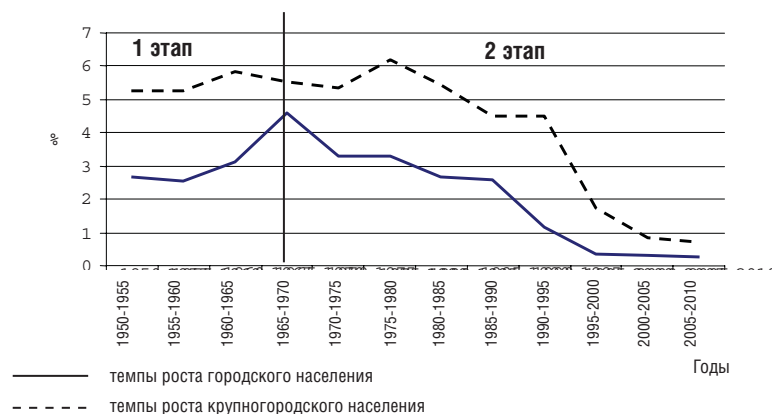

Рис. 1. Темпы роста городского и крупного городского населения в Республике Корея (составлено по расчетным данным)

На первом этапе (1950–1970 гг.) отмечался ускоренный рост урбанизированности, вызванный неравномерностью поступления инвестиций в инфраструктуру провинций и сосредоточение большей их части в Сеуле. Это стимулировало гипертрофированный рост столицы и отставание провинциальных городов. В связи с этим темпы роста городского населения увеличились от 2,66% в 1950 г. до 4,59% в 1970 г.

Для второго этапа (1971–2010 гг.) характерен замедленный рост уровня урбанизации вследствие постепенного устранения провинциальной неравномерности в распределении инвестиций, а также успешного осуществления городской политики в рамках Закона о городском планировании, принятого в 1990 г. С 1971 г. начинается постепенное уменьшение темпов роста урбанизации. Если с 1970 г. по 1975 г. он составлял 3,31%, то с 2005 г. по 2010 г. не превышал уровня в 0,28% (рис. 1). В результате в стране начался процесс децентрализации городской системы и промышленной децентрализации за счет перемещения производств из агломераций в пригороды и города-спутники, а затем – дальше по всей стране.

За исследуемый период значительно увеличилось число крупных городов с населением более 100 тыс. человек. Если в 1950 г. их было всего 7, то в 2009 г. – уже 73. В то же время количество городов-«миллионеров» увеличилось с 1 в 1950 г. до 8 в 2009 г. Доля городского населения, сосредоточенного в этих городах, выросла от 42 до 64,4%.

Сегодня в Республике Корея сформировались два высокоурбанизированных района, расположенных в Столичном регионе и на Юго-Востоке страны. Они, являясь основными экономическими центрами, концентрируют в сфере своего влияния около 70% населения страны⁹.

При значительном росте крупного городского расселения заметно ускоряется рост агломераций. Активное распространение получают процессы субурбанизации, благодаря которым усилились трудовые взаимодействия между ядрами и перифериями агломераций.

Системы расселения Республики Корея. Системы расселения при изменении доли городского населения определенным образом стремятся поддерживать распределение «ранг – размер», выраженное отношением в формуле 1. В работе А. А. Важенина¹⁰

доказано, что это соответствует *правилу Зипфа* и достигает наилучших значений при уровне урбанизации, близком к 50%. Однако в Республике Корея мы видим несколько другую картину.

На рис. 2 представлены тренды реального и идеального иерархического распределения городов Республики Корея, согласно правилу Зипфа, в 1965 г. (А), 1980 г. (Б), 1995 г. (В), а также в 2005 г. (Г). В данном случае наблюдается закономерность: чем выше доля городского населения, тем более увеличивается соответствие правилу «ранг – размер».

На трендах видно, что кривые идеальных распределений в 1965 г. и 1980 г. выше реальных. Это подтверждает приматный тип системы расселения. На тренде 1995 г. заметно сокращается объем фигуры, образованной вышперечисленными кривыми, а в 2005 г. он является минимальным за период наблюдения. Это значит, что распределение «ранг – размер» постепенно выравнивается.

Сравнивая рис. 2-А и рис. 2-Б, можно получить подтверждение суждению, что «чем выше уровень урбанизации, тем большее чис-

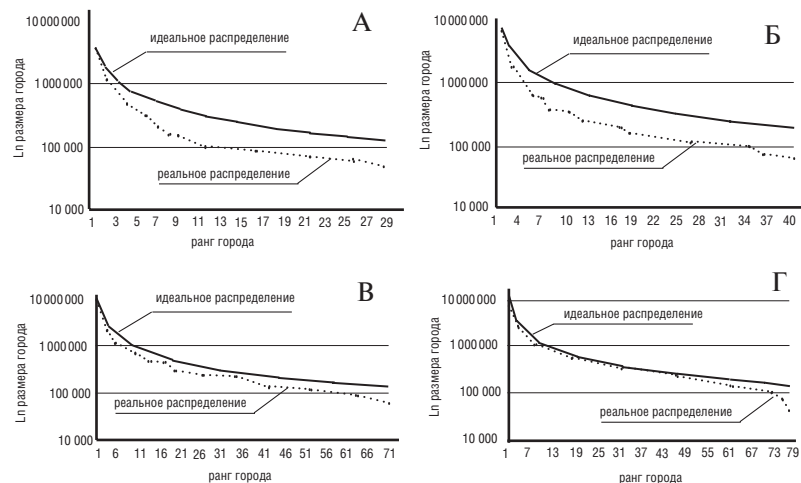

Рис. 2. Изменение размещения городов в Республике Корея согласно правилу Зипфа в 1965 г. (А), 1980 г. (Б), 1995 г. (В) и 2005 г. (Г) (составлено по расчетным данным)

ло крупнейших в системе городов и на большую величину отклоняется от “идеального” значения¹¹. Однако тренды 1995 и 2005 гг. (рис. 2-В, 2-Г) не подчиняются данному суждению. Это связано с началом проведения активной городской политики, направленной на «разгрузку» Столичного региона.

Изменение трендов «ранг – размер» в исследованной системе можно дополнить еще одним показателем, а именно:

$$C_0 = \frac{\text{Ln } P_1}{\text{Ln } N} \quad (6).$$

Во всех случаях была получена величина, близкая к 0,9, которую А.А. Важенин обозначил C_0 ¹². Анализ показателя C_0 (табл. 1) показал, что с 1950 г. по 2010 г., несмотря на значительное повышение как количества, так и доли городского населения, его амплитуда дифференциации от величины 0,9 не превышает 0,04, т.е. C_0 за полвека не претерпел серьезных изменений. Это доказывает, что показатель C_0 абсолютно адекватен и указывает на наличие системной связи между городскими поселениями страны.

Таким образом, распределение «ранг – размер» городов Республики Корея, несмотря на значительный рост урбанизации, на протяжении длительного времени демонстрирует неизменную близость к определенному показателю, а значит, мы имеем возможность сопоставить их с системами центральных мест. Это также доказывает наличие инварианта, задающего размер городских поселений в системах расселения и определяемого только численностью городского населения.

Определение центральных мест по уровням иерархии представляет собой сложную задачу. В данном исследовании были использованы результаты работы А.А. Важенина, который на основании многочисленных расчетов доказал, что соотношения в средних размерах городов разных уровней иерархии при любой модификации системы расселения составляют $1,0 - 0,33 - 0,10 - 0,03 - 0,01$ ¹³.

В довоенный период единая система расселения на Корейском полуострове имела преимущественно экстенсивный характер, при котором была сформирована регулярная сеть поселений

Таблица 1

**Динамика реальной и гипотетической численности населения
главного города в системе расселения Республики Корея
с 1950 г. по 2010 г.**

Годы	Доля городского населения, %	Гипотетическая величина главного города, тыс. человек	Численность населения крупнейшего города, тыс. человек	C ₀
1955	24,4	2745	1574	0,92
1960	27,7	3110	2445	0,9
1965	32,4	3859	3471	0,9
1970	40,7	5436	5433	0,9
1975	48,0	7110	6889	0,91
1980	56,7	8976	8364	0,91
1985	64,9	10146	9639	0,9
1990	73,8	11051	10613	0,89
1995	78,2	11109	10596	0,89
2000	79,6	11057	10373	0,88
2005	80,8	11029	10297	0,88
2010	81,9	11091	10464	0,87

Составлено по расчетным данным.

с обеспечением достаточно устойчивых коммуникаций между ними. Данному типу соответствовало сельское расселение.

Сразу же по окончании Корейской войны в 1953 г. и на протяжении второй половины XX в. на юге Корейского полуострова начался стремительный рост городского населения. В 1955 г. на сравнительно небольшой территории, вследствие разрушения Сеула и быстрого развития Пусана, который был звеном международной торговли, на территории страны формируется полицентрическая система расселения двух практически самостоятельных систем центральных мест во главе с Сеулом (около 1,5 млн человек) и Пусаном (около 1,2 млн человек) с $K = 2$. Несмотря на несовпадение размеров городов с теоретическими значениями, сумма отношений теоретических радиусов к эмпирическим имеет значение 1,93, демонстрируя почти идеальную изостатическую уравновешенность. Что же касается средних расстояний между городами различных уровней иерархии, то расстояние между I и II уровнями в 2 раза больше расстояния между II и III (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика основных характеристик систем центральных мест
Республики Корея**

Годы	Доля городского населения	Тип системы	Число центральных мест на уровне	Средняя численность населения уровней, тыс. человек			
				1	2	3	4
1953	21,4	K = 2	1-1-2	1575	1046	201	-
1985	64,9	K = 3	1-0-4-7	9639	0	895	312
2009	81,9	K = 3	1-0-4-8	23900	0	2259	701

Продолжение табл. 2

Годы	Расстояние для уровней, км			Радиусы			$\sum \frac{R^i}{R^e}$
	I-II	II-III	III-IV	$\frac{R^i_{12}}{R^e_{12}}$	$\frac{R^i_{23}}{R^e_{23}}$	$\frac{R^i_{34}}{R^e_{34}}$	
1953	331	165	-	0,8/ 1,1	1,09/ 0,9	-	1,93
1985	243,3		37,6	0,81/0,75		0,63/0,82	1,85
2009	243,3		26,5	0,81/0,75		0,63/0,78	1,86

Составлено по расчетным данным.

Рост численности населения системы расселения Республики Корея во второй половине XX в. при ограниченной территории привел к тому, что столица начала существенно опережать в росте все другие города. А активизировавшиеся в 1980-е годы процессы агломерирования окончательно закрепили за Сеулом роль безальтернативного центра. Это повлекло за собой в 1985 г. трансформацию системы расселения в моноцентрическую модификацию с $K = 3$. Сеульская агломерация в соответствии с релятивистской теорией была принята главным центральным местом.

Отметим, что при определении иерархического уровня нами учитывались размеры агломераций в тех случаях, когда таковые были сформированы. В остальных случаях за расчетный брался показатель численности населения городов. Так, численность Сеульской агломерации на 2010 г. составила около 23,9 млн человек¹⁴. Следовательно, людность элементов второго уровня иерар-

хии должна составлять около 8 млн человек, но таких агломераций в стране не существует. Это значит, что в системе расселения выпадает II уровень иерархии. Их функции в большей степени на себя взяла Сеульская агломерация. При этом на III уровне иерархии находится 4 агломерации, образованные вокруг Пусана, Тэджона, Тэгу и Кванджу, со средней численностью населения, составляющей около 10% от Сеульской. В то же время размеру агломераций IV уровня соответствует 8 населенных пунктов (Чангвон, Ульсан, Чонджу, Чхонджу, Чхонан, Анъянг, Ансан, Енджин), большинство из которых находится в Столичном регионе. Расположение четырех городов на III иерархическом уровне и восьми – на IV, несмотря на отсутствие второго, доказывает, что система расселения соответствует $K = 3$. При этом соотношение средних размеров городов разных уровней иерархии составило $1 - 0 - 10,8 - 30,9$, что практически идеально соответствует установленным А.А. Важениным пропорциям. Показатель, определяющий изостатическое равновесие, составляет допустимое значение 1,85. В 2009 г. из-за появления дополнительного города на IV иерархическом уровне (расположенного в пров. Кенгидо) величина среднего расстояния, а следовательно и эмпирического радиуса, между городами III и IV уровня уменьшается. Благодаря этому до 1,86 повышается и соответствие состоянию изостатического равновесия (табл. 2). Кроме того, соответствие размеров населенных пунктов разных уровней также повысилось и составило: $1 - 0 - 10,1 - 34$.

Основные выводы. Проведенное исследование показало, что для урбанизации Республики Корея характерна «догоняющая» схема: низкая начальная урбанизированность и очень быстрые темпы роста. Параллельно «городскому буму» прошла и активная «индустриализация» страны. Преодоление в 1977 г. Республикой Корея урбанистического порога явилось дополнительным импульсом в развитии экономики страны. Быстрые темпы роста крупных городов сделали агломерации, концентрирующие подавляющее число жителей страны, основной формой расселения. Самая большая из них – Сеульская – прочно закрепила за собой статус мирового города.

Распределение городов по правилу «ранг – размер» в Республике Корея на протяжении последних 60 лет демонстрирует не-

изменную близость к определенному показателю, что доказывает его устойчивость. При этом сохраняется повышенная гипертрофированность столичной агломерации. По этой причине в системе расселения страны выпадает II уровень городов. Показатели, введенные в релятивистскую теорию центральных мест, доказывают эволюционное развитие системы городского расселения с $K = 2$ в 1953 г. до $K = 3$ в 1985 г. с оптимизацией рыночной структуры. Последняя модификация сохраняется и сегодня, а значит, транспортная структура не оптимизировалась.

¹ Эм П.П. Процессы урбанизации в Республике Корея // Географические и геоэкологические исследования на Дальнем Востоке. Владивосток, 2010. С. 220–221.

² 1966 Population Census Report of Korea. Seoul: 1966. P. 22; Сайт Корейской статистической информационной службы (Korean Statistical Information Service): URL: <http://www.kosis.kr>; Preliminary count of population and housing census 1980. Seoul. 1985. P. 20–21; Preliminary count of population and housing census 1995. Seoul, 1996. P. 30–33; Отчет по мировой урбанистической перспективе за 2009 г. (The World Urbanization Prospects: Revision of 2009). <http://esa.un.org/unup/>

³ Важенин А.А. Эволюционные процессы в системах расселения. Екатеринбург, 1997. С. 14–20.

⁴ Шупер В.А. Самоорганизация городского населения. М., 1995. С. 72.

⁵ Важенин А.А. Указ. соч. С. 28.

⁶ Важенин А.А. Там же. С. 6, 23.

⁷ Шупер В.А. Указ. соч. С. 93–99.

⁸ Отчет по мировой урбанистической перспективе за 2009 г. (The World Urbanization Prospects: Revision of 2009). URL: <http://esa.un.org/unup/>

⁹ Эм П.П. Указ. соч. С. 222–224.

¹⁰ В данном случае упоминается работа: Важенин А.А. Указ. соч.

¹¹ Важенин А.А. Указ. соч. С. 20.

¹² Важенин А.А. Устойчивость распределения городских поселений в системах расселения // Известия РАН. Серия географическая. 1999. №1. С. 56.

¹³ Важенин А.А. Указ. соч. С. 24–25.

¹⁴ Отчет по мировой урбанистической перспективе за 2009 г. Указ. соч.

*Д.Н. Верхотуров**

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ИНДОНЕЗИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Двусторонние отношения между Республикой Индонезия и Республикой Корея в последние годы претерпели весьма интенсивное развитие и быстро дошли до стадии стратегического партнерства. Эти отношения развиваются в условиях довольно резкого и глубокого по своему характеру процесса трансформации экономических связей между двумя странами.

Эти изменения, меняющие роль Индонезии в регионе, бесспорно, со временем окажут определенное влияние и на систему политических отношений между странами в ЮВА. По этой причине следует уделить внимание этому трансформационному процессу.

Политические основы экономических отношений. Дипломатические отношения между Республикой Индонезия (РИ) и Республикой Корея (РК) были установлены в 1966 г. Первым дипломатическим представителем Индонезии стал Генеральный консул РИ Сукамто Саюдиман, который одновременно был военным в звании подполковника. Его преемник, Генеральный консул РИ Леонард Беньямин Мурдани, также был военным в звании майора.

Эти назначения показывают вполне определенный интерес руководства Индонезии в отношении Южной Кореи. Майор Мурдани до своего назначения на пост Генерального консула РИ в Сеуле служил в разведке Командования стратегического резерва Сухопутных войск Индонезии, которое возглавлял Сухарто. Во время поездок последнего за границу Мурдани охранял его, за что даже получил прозвище «sampingan» — побочный. В 1975 г. возглавил Operasi Seroja (Операция Лотос) по вторжению в бывшую португальскую колонию Восточный Тимор¹.

* Агентство Ильбек-Сибирь, Москва.

Первый Чрезвычайный и Полномочный Посол РИ был назначен в 1973 г. Им стал Сарво Эдхие Вибово. Нынешний посол РИ в РК Николас Танди Даммен назначен в 2009 г.² Это обычная для Индонезии картина развития отношений: бурный рост интереса вначале, а затем длительный период охлаждения, связанный с политикой Сухарто, при сохранении, впрочем, формальных связей.

Современный этап двусторонних, в том числе и экономических, отношений начался с поездки президента Индонезии Сусило Бамбанг Юдхойоно на саммит АРЕС, состоявшийся в Пусане 18–19 ноября 2005 г. В течение 2006 и 2007 гг. президенты двух стран обменялись государственными визитами. 23–26 февраля 2008 г. Индонезия была представлена на церемонии инаугурации президента РК Ли Мен Бака вице-президентом Индонезии. В марте 2009 г. президент РК совершил государственный визит в Индонезию³.

Активизация отношений в 2005 г. довольно быстро перешла к развитию сотрудничества в целом ряде областей. В 2006 г. была создана Совместная комиссия, которая на своем первом заседании в Сеуле 9 июня 2006 г. обозначила направления сотрудничества двух стран. Этими сферами стали: лесное хозяйство, энергетика, технологии, оборона.

4 декабря того же года был подписан важный документ — Совместная декларация о стратегическом партнерстве между РК и РИ в интересах мира и сотрудничества в XXI в., — который зафиксировал высокий уровень двусторонних отношений. Помимо РК Индонезия имеет подобные соглашения с Китаем, Японией, Индией, США, Россией и Австралией, однако МИД РИ подчеркивает, что РК активнее всех развивает стратегическое партнерство.

В 2007 г. был учрежден Совместный комитет по экономическому сотрудничеству, в котором было создано 8 групп по различным направлениям. Несмотря на широкий спектр интересов, тем не менее, далеко не во всех сферах удалось добиться значительных достижений. На сегодняшний день наиболее важными сферами являются торговля и инвестиции, энергетика, сотрудничество в сфере безопасности и военной промышленности, а также лесного хозяйства и образования. По другим направлениям договоренности так и остались, в основном, на уровне подписания соглашений.

Особенности сотрудничества в области инвестиций и торговли. Торговля и инвестиционное сотрудничество составляют одну из наиболее важных сфер экономического взаимодействия между РИ и РК. Индонезия всегда выступала как источник сырья (в первую очередь нефти и угля), как большой рынок сбыта для товаров и как страна-реципиент инвестиций. Инвестиции из РК пошли в Индонезию почти сразу же после установления отношений. По данным МИД РИ, всего с 1968 г. Корея инвестировала в Индонезию 5,9 млрд долл. и реализовала 2781 проект. В частности, с 1990 по 2009 г. южнокорейские инвесторы вложили в Индонезию 4,8 млрд долл., реализовав 1195 проектов, на которых было занято 402,9 тыс. человек⁴. Для сравнения: численность рабочих из Индонезии в РК составляет около 30 тыс. человек.

Новый пик инвестиционной активности начался с момента активизации отношений двух стран. По данным МИД РИ на сентябрь 2008 г., в стране было начато 543 корейских инвестиционных проекта на сумму 291,7 млн долл. Инвестиции направлялись в основном в пищевую, текстильную промышленности, в бумажную индустрию и полиграфию, фармацевтическую и химическую промышленности, в металлургию, машиностроение и электронику, транспорт. Все проекты были связаны с использованием индонезийской рабочей силы. Корейские компании предпочитают создавать предприятия в Индонезии, нежели привозить индонезийских рабочих в Корею. 255 инвестиционных проектов на сумму 149 млн долл. было реализовано именно в наиболее трудоемкой обрабатывающей промышленности⁵.

Из этих данных можно сделать несколько выводов. Во-первых, основная масса южнокорейских инвестиций (81%) приходится на время после 1990 г. Во-вторых, это были инвестиционные проекты с невысокой капиталоемкостью — в среднем 2,1 млн долл. на один проект. После 1990 г. в среднем инвестиции на один проект составляли 4 млн долл. В среднем, каждый инвестиционный проект создавал 337 рабочих мест. Средняя стоимость рабочего места составляла 11,8 тыс. долл. Для сравнения: в России стоимость рабочего места в инвестиционных проектах с иностранными инвесторами составляет 170–250 тыс. долл., с российскими инвесторами — 60–160 тыс. долл.⁶

Иными словами, южнокорейские инвесторы создавали в Индонезии небольшие обрабатывающие предприятия с небольшими капитальными вложениями с целью эксплуатации рабочей силы. Инвестиционная активность продолжает развиваться. В марте 2009 г., по данным Совета по координации капиталовложений, было заключено инвестиционных соглашений на сумму около 6 млрд долл. Можно выразить уверенность, что основная часть новых инвестиций будет использована так же, как и предыдущие вложения. Индонезия приветствует рост корейских инвестиций, поскольку он ведет к росту занятости и доходов населения.

Южная Корея также выступает важным источником заемных средств для Индонезии. В 2007 г. РК предоставила Индонезии кредит на сумму 370 млн долл. сроком на 2 года. Кроме того, Южная Корея реализовала 9 программ по предоставлению грантов.

В декабре 2010 г. между странами было заключено новое соглашение о кредите. На этот раз правительство РК предоставило кредит в размере 600 млн долл. до 2013 г. под 0,15–0,2% годовых с длительным сроком его погашения⁷. Этот кредит нацелен на реализацию ряда проектов, связанных с развитием информационных и коммуникационных технологий, инфраструктуры и с развитием изучения окружающей среды.

В целом, определенный интерес РК к инвестированию в Индонезию налицо. Однако корейские инвесторы избегают инвестирования прямо в инфраструктуру в Индонезии, предпочитая инвестиции в обрабатывающую промышленность с более быстрой окупаемостью.

Процесс трансформации экономических связей нагляднее всего иллюстрируется характером двусторонней торговли.

Так, ее объем рос в течение всего периода 2003–2007 гг., причем темп роста, по данным МИД РИ, составлял 15,5% в год. В 2003 г. объем торговли составлял 8,6 млрд долл., тогда как в 2007 г. он вырос до 14,8 млрд долл.⁸; в 2008 г. — до 19,25 млрд долл., но в 2009 г., с наступлением экономического кризиса, сократился до 15,26 млрд долл.⁹

В 2007 г. экспорт в Индонезию составлял 1,55% всего экспорта Южной Кореи, тогда как импорт из Индонезии составлял 2,55% всего его объема. В Индонезию из Южной Кореи экспортировалась сталь, текстиль, химические продукты, электроника, всего на

сумму 5,77 млрд долл. Из Индонезии Южная Корея импортировала топливо, медную руду, никель, концентрированную глутаматовую кислоту, соль, бумагу на общую сумму в 9,11 млрд долл.

Характерной особенностью индонезийской экономической статистики является выделение двух категорий экспорта в другие страны: нефтегазовый экспорт и все остальные категории товаров.

Данные МИД РИ и Посольства РИ в РК показывают на протяжении 2005–2007 гг. быстрое падение доли первой группы в экспорте Индонезии в Корею. В 2005 г. эта доля составляла 79%, а уже в 2007 г. — 44%. Это связано с тем, что в 2004 г. Индонезия превратилась в нетто-импортера нефти и вынуждена теперь закупать большое количество топлива разных марок для внутренних нужд¹⁰. Вместе с тем стоимость экспорта по этой категории выросла с 3,11 млрд долл. в 2003 г. до 4,64 млрд в 2006 г., а затем сократилась до 4,03 млрд долл. в 2007 г. В 2008 г. экспорт по категории *migas* составил 7,12 млрд долл. (63%), а в 2009 г. — 5,36 млрд долл. (58%).

Можно отметить интересное явление: Южная Корея экспортирует в Индонезию товары этой же группы: в 2008 г. их было поставлено на 2,49 млрд долл., а в 2009 г. — на 1,59 млрд долл. Иными словами, Индонезия теперь не является нетто-экспортером нефти и газа в РК, а ведет активную двустороннюю торговлю. В Южную Корею идут поставки сырой нефти, а взамен Индонезия покупает нефтепродукты, в особенности авиационный керосин и судовое дизельное топливо.

Южная Корея располагает высокопроизводительным комплексом по переработке нефти мощностью 143,6 млн т нефти в год. В 2008 г. в РК переработано 117,5 млн т нефти, а в 2009 г. — 113,8 млн т. В структуре производства нефтепродуктов 30% занимает дизельное топливо, 16% — топочный мазут, 15% — авиационный керосин. В 2008 г. произведено 128 млн т нефтепродуктов, а потреблено внутри страны 103,7 млн т; в 2009 г. — 124,5 млн т и 106,2 млн т соответственно. Это позволяет Южной Корее выступать в качестве экспортера нефтепродуктов в двусторонней торговле с Индонезией. В структуре экспорта 39% занимает дизельное топливо, 22,4% — авиационный керосин¹¹.

Индонезия постепенно теряет позиции поставщика нефти в регионе, что видно на примере торговли с РК. Экспорт нефти не демонстрирует стабильных показателей, подвержен резким скач-

кам и рывкам, что говорит о нестабильном положении в нефтегазовом секторе Индонезии. Стране становится все труднее удерживать рынки сбыта, и она постепенно становится ненадежным партнером на нефтяном рынке.

В силу этого Индонезии приходится замещать нефть и газ в своем экспорте другими видами товаров, в частности рудой и бумагой. Большое внимание уделяется переработке древесины и производству бумаги и древесной массы. В 2006 г. экспорт древесной массы составил 4,2 млрд долл., а в 2007 г. — 4,5 млрд долл.¹² В 2008 г. на экспорт поставлялось 2,4 млн т бумаги¹³.

Высокая активность в продаже бумаги привела к тому, что в 2010 г. на ее экспорт из Индонезии были наложены антидемпинговые ограничения, снятые корейской стороной в октябре 2010 г. Сразу же после отмены ограничений один из ведущих поставщиков бумаги — Sinar Mas Group — увеличил объем поставок в Южную Корею на 100 млн долл.¹⁴

Это изменение внешнеторговой специализации Индонезии заставляет развивать сотрудничество в других областях, например в области горнодобывающего комплекса или лесного хозяйства. Индонезия и Южная Корея имеют тесное сотрудничество и ряд проектов в области лесного хозяйства.

Можно сделать следующие выводы. *Во-первых*, процесс трансформации экономических связей между РИ и РК и активизация политических связей есть, видимо, взаимосвязанный процесс. Лишившись в 2004 г. положения нетто-экспортера нефти, Индонезия стала искать в регионе партнеров, на которых можно было бы опираться в процессе трансформации сектора экономики, ориентированного на внешний рынок. За активизацией связей стоит стремление укрепить свою экономику, рассматривая сотрудничество с РК в качестве дополнительной и прочной опоры своего социально-экономического развития.

Во-вторых, Индонезия нащупывает перспективные направления для развития экспортного сектора экономики, коль скоро нефтегазовый сектор утратил роль «валютного цеха». Именно с этим, вероятно, связан столь широкий спектр сфер сотрудничества между РК и РИ, который обсуждался в 2007 г.

В-третьих, процесс трансформации идет уже около 5 лет (с 2006 г.), когда экспорт товаров первой категории стал колебать-

ся около уровня 50%. За этот период Индонезия смогла добиться определенных успехов, постепенно выдвигая на роль одного из главных ведущих секторов целлюлозно-бумажную промышленность в дополнение к традиционным экспортным товарам — каучуку и пальмовому маслу. Однако процесс трансформации еще не завершился и новая структура экспортного сектора экономики Индонезии еще не сложилась.

Вместе с тем отмечаемые изменения уже всерьез затрагивают интересы России. Замена в экспорте Индонезии нефти на бумагу и прочие продукты лесной и целлюлозно-бумажной промышленности потенциально может ударить по экспортным позициям российских ЦБК, которые экспортируют в год примерно 300 тыс. т газетной бумаги, причем в значительной части в азиатские страны (Индию, Пакистан, Иран). Российские и индонезийские производители бумаги конкурируют на одном и том же рынке, и здесь преимущество за индонезийскими компаниями (меньшие издержки на производство и транспортировку, более новые и современные предприятия по выпуску бумаги, а также ввод новых предприятий, по мощности сопоставимых с крупнейшими ЦБК в России).

Газетная бумага была и остается одним из немногих конкурентоспособных экспортных товаров российской перерабатывающей промышленности, и от экспорта бумаги зависит социально-экономическое положение ряда регионов России (Республика Карелия, Красноярский край, Иркутская и Хабаровская области).

Распространение индонезийской бумаги на рынке газетной бумаги, особенно в Азии и на Ближнем Востоке, вполне может потеснить российских производителей с их традиционных зарубежных рынков, что грозит сокращением производства в ряде регионов Северо-Запада и Восточной Сибири, с неизбежным ростом безработицы и социальной напряженности. В силу этого обстоятельства подобные изменения на мировом рынке необходимо отслеживать и тщательно анализировать.

¹ URL: <http://majalah.tempointeraktif.com/id/arsip/2008/02/04/LU/mbm.20080204.LU126265.id.html>

² URL: <http://www.indonesiaseoul.org/theembassy/ambassador1.htm>

³ Kementerian Luar Negeri RI. URL: <http://www.deplu.go.id>

⁴ URL: http://www.tempointeraktif.com/hg/bisnis/2009/03/07/brk,20090307-163665_id.html

⁵ Kementerian Luar Negeri RI. URL: <http://www.deplu.go.id>

⁶ «Модернизация экономики России. Кардинальное улучшение инвестиционного климата». Ежегодный экономический доклад ООО «Деловая Россия». М., 2010. С. 27. URL: <http://www.deloros.ru/FILEB/doklad-2010.pdf>

⁷ URL: http://www.tempointeraktif.com/hg/politik/2010/12/27/brk,20101227-301811_id.html

⁸ Kementerian Luar Negeri RI. URL: <http://www.deplu.go.id>

⁹ Kedutaan Besar RI di ROK. URL: http://www.indonesiaseoul.org/indonesia/ekonomidanindustri/perkembangan_perdagangan_RI_ROK.pdf

¹⁰ *Верхотуров Д.Н.* Россия и Индонезия в поставках нефти в РК // Корея: на пороге перемен. Доклады, представленные на XII научной конференции корееведов России и стран СНГ. М., 2008. С. 207–209.

¹¹ По данным ФГУП «Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса». URL: <http://www.cdu.ru/files/CountryNeft.pdf>

¹² URL: http://www.tempointeraktif.com/hg/ekbis/2007/01/09/brk,20070109-90918_id.html

¹³ *Catoer Wibowo.* Potensi Penghematan Energi Industri Pulp & Paper Indonesia. Jakarta, 2010. Hal. 2.

¹⁴ URL: <http://www.bisnis.com/index.php/industri/agroindustri/1690-sinar-mas-genjol-ekspor-ke-korsel-hingga-us100-juta>

*И.В. Ставров**

ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕЙЦЕВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ**

Формирование корейского населения в Китае началось в XVIII в. В основном семьи переселенцев обосновались на территории современной пров. Цзилинь по берегам р. Тумэньцзян (Туманган). Основной причиной переселения стало аграрное перенаселение в приграничных с Китаем территориях Кореи. К началу XX в. в Северо-Восточном Китае (СВК) проживали 65 тыс. корейцев (1894 г.). В дальнейшем численность корейских переселенцев продолжала расти и достигла 1,4 млн человек в 1943 г.¹ Первая перепись населения КНР (1953 г.) зарегистрировала лишь 1,11 млн корейцев² (см. табл. 1).

До провозглашения КНР права этнических меньшинств не были законодательно защищены. С образованием государства правовое положение неханьцев меняется³. Во-первых, в конституционных актах было провозглашено равенство всех народов Китая. Во-вторых, в местах компактного проживания неханьцев

Таблица 1

**Динамика численности корейцев Китая
(1953–2000 гг.), тыс. человек**

1953 г.	1964 г.	1982 г.	1990 г.	2000 г.	Рост, % (1953 г. = 100%)
1111,27	1339,56	1765,20	1923,36	1923,84	173,12

Составлено по: Чжунго миньцзу тунцзи няньцзянь – 2004 (Статистический ежегодник национальностей Китая – 2004). Пекин, 2004. С. 487–488.

* Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток.

** Работа выполнена при поддержке гранта ДВО РАН, проект № 11-III-B-11-241 и гранта Отделения историко-филологических наук РАН, проект № 09-1-ОИФН-01.

разрешалось образовывать районы национальной автономии. В 1950-е годы были образованы Яньбянь-Корейский автономный округ (ЯКАО)⁴ (3 сентября 1952 г.) и Чанбай-Корейский автономный уезд (15 сентября 1958 г.) в пров. Цзилинь. Помимо собственно национальных районов была введена система национальных волостей. На северо-востоке Китая сейчас насчитывается 30 таких волостей, образованных корейцами.

В настоящее время правовое положение этнических меньшинств регулируется Конституцией КНР 1982 г., Законом о районной национальной автономии (1984 г. и редакцией 2001 г.) и др. Данные законы декларируют принцип равенства всех национальностей, а также закрепляют их права на использование собственного языка в качестве официального в районах компактного проживания, на исповедание традиционной религии, обычаев, традиций и т.п. Законы предоставляют право компактно проживающим неханьцам образовывать районы национальной автономии, в которых они могут пользоваться сравнительно большим самоуправлением, чем население прочих административно-территориальных единиц. В частности, им предоставлено право местного нормотворчества – принятие местных положений об автономии, в которых обозначены специфические особенности национально-территориальной единицы.

В ЯКАО за время существования КНР было принято 2 таких положения. Первое (1958 г.) характеризовалось декларативностью и в целом повторяло основные положения Конституции (1954 г.) и Основных принципов осуществления районной национальной автономии (1952 г.)⁵.

Второе Положение (1985 г.) характеризуется большей конкретностью. Помимо определения статуса корейского языка (ст. 18, 19), функций Народного правительства округа и Собрания народных представителей (ст. 10–13, 19–24), документ обращает внимание на хозяйственную сферу. В частности, местный закон предоставил право на развитие приграничной торговли, реализуя курс на открытость (ст. 40). Также большое внимание уделяется разработке лесных ресурсов и охране лесов, их воспроизводству (ст. 32).

Большое значение Положение уделяет социальным и гуманитарным вопросам. Так, ст. 37 документа регулирует вопросы трудоустройства. В ней отмечается, что «...при найме рабочих...

при равных условиях преимущество отдавать персоналу из национальных меньшинств»⁶. Это законоположение, таким образом, направлено на защиту этнических меньшинств, и в первую очередь корейцев, на рынке труда.

Развитию образования посвящена ст. 51 Положения. В ней указано, что в округе должно вводиться обязательное 9-летнее обучение, что опережало свое время (1985 г.). В национальных районах обязательное 9-летнее обучение начало вводиться с 2001 г. после принятия нового Закона КНР о районной национальной автономии. Такое опережение было обусловлено тем, что среди жителей Яньбяня, особенно корейцев, был повсеместно распространен уровень 6-летнего образования. В целом же уровень образования корейцев занимает 1-е место в стране среди всех национальностей.

Важное место в изучении современного положения корейцев в КНР занимает вопрос об экономическом развитии ЯКАО. К 1978 г. Яньбянь представлял собою относительно развитый по местным меркам регион. До 1949 г. здесь доминировало сельское хозяйство, однако с образованием КНР толчок получило развитие промышленности (в частности металлургической, горнодобывающей, лесной, бумажной, химической и текстильной). Уже в 1952 г. соотношение трех сфер производства (сельское хозяйство, промышленность и сфера услуг) составило 36,0 : 44,0 : 20,0%. Однако, несмотря на то что ВВП региона вырос с 1952 г. по 1978 г. в 3,75 раз, объем его был весьма невелик — 217,32 млн юаней в 1952 г. и 816,51 млн юаней в 1978 г. К началу периода реформ и открытости (декабрь 1978 г.) в Яньбяне возникли серьезные проблемы. Недостаток финансовых средств, выделяемых государством на развитие местных финансов, неразвитость инфраструктуры, чрезмерное потребление и задолженность оказывали серьезное влияние на накопление и расширенное воспроизводство.

На первом этапе экономической реформы (1978—1985 гг.) основной акцент был сделан на развитие сельскохозяйственного производства. В частности, были повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, был введен семейный подряд. В связи с этим за период с 1978 г. по 1985 г. стоимость валовой сельскохозяйственной продукции ЯКАО увеличилась почти в 2 раза — с 285,58 млн до 564,99 млн юаней.

Первый этап реформ способствовал урегулированию острых социально-экономических противоречий в ЯКАО. Рост производства отраслей сельского хозяйства частично разрешил проблемы обеспечения населения необходимым уровнем «тепла и сытости». Однако к середине 1980-х годов назрела необходимость наполнения рынка товарами повседневного спроса. Поэтому на следующем этапе реформы постепенно «переходят в город», т.е. теперь акцент был сделан на развитие промышленности, торговли и сферы услуг.

В Яньбяне за этот период объем ВВП увеличился более чем вдвое — с 1,90 млрд до 4,22 млрд юаней (табл. 2). При этом процентное соотношение трех сфер производства стало следующим: 24,2 : 47,3 : 28,4% в 1985 г. и 19,6 : 52,1 : 27,2 % в 1990 г. Неуклонно сокращалась доля сельского хозяйства в ВВП автономного округа, объем которого за период 1978—1990 гг. уменьшился почти на 10%⁷.

Третий этап реформ начинается с 1992 г. Он характеризуется расширением внешней открытости КНР, особенно приграничных регионов, включая ЯКАО. В 1992 г. приграничный г. Хуньчунь получил статус открытого города. В рамках реализации постановления Госсовета в инфраструктуру Хуньчуна было вложено 400 млн юаней. Район получил около 20 привилегий по налогообложению, привлечению инвестиций, кадров и т.п.

Таблица 2

Объем ВВП ЯКАО (1978—2007 гг.), млрд юаней

Годы	ВВП	1-я сфера	2-я сфера	3-я сфера
1978	0,81	0,23	0,39	0,19
1980	0,99	0,23	0,50	0,25
1985	1,90	0,46	0,90	0,54
1990	4,22	0,83	2,20	1,18
1995	9,43	1,53	3,97	3,91
1999	12,04	2,12	5,05	4,86
2003	17,17	2,45	8,04	6,67
2007	30,72	3,9	13,62	13,2

Составлено по: Яньбянь тунци няньцзянь — 1998 (Статистический ежегодник ЯКАО—1998). Пекин, 1998. С. 29; Цзилинь тунци няньцзянь — 2000 (Статистический ежегодник пров. Цзилинь — 2000). Пекин, 2000. С. 38—39; Цзилинь тунци няньцзянь — 2004. Пекин, 2004. С. 18, 22; Чжунго миньцзу няньцзянь — 2008 (Ежегодник национальностей Китая — 2008). Пекин, 2008. С. 330.

С 1990 г. по 2005 г. внешнеторговый оборот Яньбяня возрос с 36,84 млн до 749,16 млн долл. (рост в 20,33 раза). Основными внешнеэкономическими партнерами стали РК, КНДР и Россия. Основными экспортными товарами являлись изделия из древесины, одежда, обувь, продукция растениеводства, нефтехимии. Импорт составляли металл, морепродукты, макулатура, лес и др.⁸

За период реформ в КНР центральное и местные правительства добились успехов в области экономического строительства в ЯКАО. Организационные меры по подъему хозяйства автономных районов приняты не только в экономических целях, а в первую очередь — социальных, так как развитая экономика является важнейшей предпосылкой роста народного благосостояния.

К основным социальным проблемам, которые пытается решить руководство страны, относятся: значительный демографический рост; проблема занятости населения; низкое качество жизни. Данные проблемы свойственны всему китайскому обществу, и корейцы здесь не исключение.

Как отмечалось партийно-государственным руководством КНР, демографическое давление — главный сдерживающий фактор на пути социального прогресса в Китае. Руководство страны в период с 1978 г. по 2002 г. проводило достаточно жесткую демографическую политику ограничения рождаемости. Тем не менее национальные меньшинства в данном отношении пользовались определенными преимуществами. Все национальности страны были разделены на несколько групп, в отношении которых действовали разные правила. К первой группе народов относились национальности, число которых превышало 10 млн человек. К этой категории применялись такие же правила, как и к ханьскому населению (например, чжуаны и маньчжуры). К следующей группе были отнесены народы, чья численность не превышала 10 млн человек, им разрешалось иметь по двое детей (корейцы). Самым же малочисленным народам разрешалось иметь по три-четыре ребенка⁹.

Тезис о необходимости проведения мероприятий по ограничению рождаемости среди ханьцев был закреплен в принятом в 2001 г. Законе КНР о народонаселении и планировании рождаемости. Так, в ст. 18 говорится, что «национальные меньшинства должны также проводить планирование рождаемости, конкретные

положения устанавливаются народными собраниями провинций, автономных районов, городов центрального подчинения или их постоянными комитетами»¹⁰.

Реализация демографической политики в национальных районах СВК привела к следующим изменениям. Коэффициент воспроизводства в Яньбяне упал с 12,8% в 1980 г. до -0,58% в 2003 г.¹¹ Таким образом, можно констатировать явление депопуляции в национальном районе. Снижение рождаемости среди корейцев и остальных национальностей определялось несколькими факторами. *Во-первых*, это изменение демографического поведения, вызванное ускоренной урбанизацией. Соотношение городского (включая поселковое) и сельского населения в округе в 1978 г. составило 47,88% и 52,12%, а в 1997 г. — 95,17% и 4,83% соответственно, что произошло, с одной стороны, в результате развития промышленности и сферы услуг и миграции сельского населения в более крупные населенные пункты, с другой — превращения деревень в поселки и города. Городские же семьи, как правило, склонны иметь меньше детей.

Во-вторых, действие ограничений, связанных с реализацией демографической политики. Настоящий фактор не может быть признан ведущим, так как еще в 1980-х годах власти пров. Цзилинь предоставляли, например, право обзаводиться вторым ребенком супругам, состоявшим в смешанном браке¹².

В-третьих, сокращение населения в связи с миграцией за пределы округа. Китайские материалы не содержат данных о направлениях миграции. Тем не менее, по сообщениям различных источников, можно составить определенное представление о масштабах перемещений корейцев. Так, корейское население Пекина увеличилось с 7,68 тыс. в 1990 г. до 60 тыс. в 1996 г. и до 80 тыс. — в 1999 г. Число корейцев, переселившихся в прибрежные города пров. Ляонин в 1990-е годы, составило более 70 тыс. человек (правда, источники не содержат информации о месте исхода)¹³. При этом мигрантами в основном являются молодые люди, способные к воспроизводству.

Материалы переписей свидетельствуют о постепенном увеличении доли пожилого населения и сокращении молодого среди национальных меньшинств (см. табл. 3). Особенно сильно данные явления проявились среди корейцев (доля возрастной группы от

Таблица 3

**Возрастной состав корейского национального меньшинства
Северо-Восточного Китая (1990–2000 гг.), %**

Возраст, годы							
0–14		15–59		60–64		Свыше 65	
1990 г.	2000 г.	1990 г.	2000 г.	1990 г.	2000 г.	1990 г.	2000 г.
24,74	15,79	67,91	72,71	7,35	11,50	4,59	7,02

Составлено по: Чжоу Фан, Лэй Цзин. Цзеду «упу» дэ шаошу миньцзу жэнькюу (Комментарий к пятой переписи национальных меньшинств) // Чжунго миньцзу. 2003. № 9. С. 10.

60 до 64 лет возросла на 4,15%, свыше 65 лет – на 2,43%; группа с рождения до 14 лет сократилась на 8,95%). Данная демографическая ситуация говорит о процессах старения населения. Несмотря на то что в настоящее время у всех этнических меньшинств заметна тенденция роста группы от 15 до 60 лет, т.е. лиц, входящих или находящихся в трудоспособном возрасте, тем не менее в будущем это может вызвать ряд социальных проблем.

Возникновение такой демографической ситуации связано с действием нескольких факторов. *Во-первых*, мероприятиями по сдерживанию роста населения (по мнению китайских демографов, идеалом в данной сфере должен быть нулевой прирост¹⁴). *Во-вторых*, эти явления свидетельствовали о частичном завершении демографического перехода, по крайней мере среди части национальных меньшинств (особенно среди корейцев, хотя коэффициент рождаемости снизился в Яньбяне на 12,53% – с 18,2 до 5,67%, а коэффициент смертности практически не изменился, он колебался в пределах 6%). *В-третьих*, это связано с повышением качества жизни населения, а именно – ростом доходов, уровня медицинского обслуживания и т.п.

Рассматривая вопросы демографического развития корейцев КНР, можно прийти к выводу о достаточно успешном, с точки зрения руководства страны, решении проблемы расширенного воспроизводства. Однако сложившиеся тенденции в будущем могут привести к старению населения и новым трудностям.

Ускоренное развитие экономики национальных районов СВК способствовало увеличению доли индустриального производства

Таблица 4

**Структура занятости населения ЯКАО по предприятиям
различных форм собственности (1978–2003 гг.), тыс. человек**

Годы	Всего	Государственные	Коллективные	Индивидуальные городские рабочие	Частные	Индивидуальные волостные рабочие	Другие
1978	707,90	285,26	86,17	-	-	335,96	0,50
1985	961,53	375,16	167,89	25,17	-	389,96	3,32
1990	1104,96	439,15	179,06	39,03	4,65	439,45	2,30
1995	1128,54	453,53	123,94	93,73	13,85	411,52	3,51
1997	1098,47	440,26	99,99	105,66	20,69	391,24	5,64
2003	803,75	193,56	16,84	-	35,50	-	68,98

Составлено по: Яньбянь тунци няньцзянь – 1998. Пекин, 1998. С. 77; Цзилинь тунци няньцзянь – 2000. Пекин, 2000. С. 61; Цзилинь тунци няньцзянь – 2004. – Пекин, 2004. С. 48–49.

и третьей сферы в региональном ВВП, изменению структуры промышленности и, соответственно, структуры занятости населения. Так, за годы реформ (1978–1997 гг.) в ЯКАО численность работающих в первой сфере производства сократилась с 368,65 тыс. до 348,60 тыс. человек (с 52,1 до 31,8%), а во второй и третьей, наоборот, возросла – с 228,78 тыс. до 380,44 тыс. человек (с 32,3 до 34,6%) и 110,46 тыс. до 369,42 тыс. человек (с 15,6 до 33,6%) соответственно. Наибольший прирост наблюдался в третьей сфере¹⁵ (структура занятости представлена в табл. 4).

Реформы в государственном секторе экономики привели не только к изменению структуры занятости, но и росту безработицы. К сожалению, статистические материалы, а также другие источники не содержат данных о численности безработных в ЯКАО. Но это, тем не менее, не означает, что настоящая проблема не затрагивает эти регионы. Одним из показателей социального благополучия является миграция. Как уже было показано выше, ее масштабы (по крайней мере, среди корейцев) относительно высоки. Исследователи выделяют три основных направления корейской миграции: из сельской местности в крупные города СВК (из некоторых поселков пров. Хэйлунцзян выехало до 40% корейского населения); в другие, как правило, прибрежные районы Восточного Китая и столичные города; и третье направление связано с эмиграцией в Южную Корею¹⁶.

Важной проблемой социального развития КНР является поддержание стабильного возрастания доходов граждан, уровня потребления, а также сокращение диспропорций в доходах городского и сельского населения. На первом этапе экономической реформы необходимо было решить проблему по достижению минимального уровня «тепла и сытости», вывести значительную часть населения из нищеты.

В ЯКАО заметны изменения в уровне благосостояния. Средняя заработная плата рабочих государственных компаний и предприятий коллективной формы собственности возросла с 652 юаней в 1978 г. до 2202 юаней в 1992 г., рост составил 3,37 раз¹⁷. В 1990–2000-е годы увеличение доходов населения продолжалось. Так, увеличение средней заработной платы с 1992 по 2003 г. составило 7465 юаня (с 2202 до 9667, рост в 4,39 раз).

Таким образом, современное положение корейцев в Китае обусловлено в значительной мере успехами социально-экономической политики, реализуемой властями КНР как в стране в целом, так и в корейских автономиях в частности. За короткий по историческим меркам срок правительство смогло добиться существенного роста экономики и, как следствие — роста благосостояния населения.

¹ Lee Chae-Jin. China's Korean Minority: the Politics of Ethnic Education // Boulder & L., 1986. P. 20. Подробнее об истории миграции корейцев в Китай см.: Забровская Л.В. Политика Цинской империи в Корее. 1876–1910 гг. М., 1987. С. 96–111.

² Чжунго миньцзу тунци няньцзянь — 2004. Пекин, 2004. С. 487–488.

³ Ханьцы — самоназвание собственно китайцев.

⁴ По-корейски округ называется «Енбен», соответственно сокращенно — ЕКАО.

⁵ Подробнее см.: Ставров И.В. Законодательное регулирование национальной политики и районной национальной автономии КНР // Девятая Дальневосточная конференция молодых историков. Владивосток, 2006. С. 243–258.

⁶ Чжунго фалюй няньцзянь (Китайский юридический ежегодник). Шанхай, 1987. С. 481.

⁷ Подробнее см.: Ставров И.В. Реализация экономической политики КПК в национальных районах Северо-Восточного Китая // Россия и АТР. 2009. № 3. С. 30–41.

⁸ Яньбянь тунци няньцзянь—1997. Пекин, 1998. С. 273; URL: www.spzone.4bb.ru/viewtopic.php&=5

⁹ Москалев А.А. и др. Национальный вопрос в КНР (1949–1994 гг.). М., 1996. Ч. II. С. 53–54.

¹⁰ Народонаселение и экология — ключевые факторы реформ // Информ. материалы ИДВ РАН. Сер. Д. М., 2003. С. 87.

¹¹ Яньбянь тунци няньцзянь — 1998. Пекин, 1999. С. 71; Цзилинь тунци няньцзянь — 2004. Пекин, 2004. С. 40.

¹² Дикарев А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств КНР. М., 1996. С. 57.

¹³ Пискулова Ю.Е. Корейская диаспора в Китае // Корея: новые горизонты. Доклады, представленные на IX научной конференции корееведов России и стран СНГ. — М., 2005. С. 132–136; Kim Si Joong. The Economic Status and Role of Ethnic Koreans in China // The Korean Diaspora in the World Economy. [Б.м.], 2003. P. 106.

¹⁴ См., например, материалы сборника: Народонаселение и экология — ключевые факторы реформ. Указ. соч.

¹⁵ Яньбянь тунци няньцзянь — 1998. С. 78.

¹⁶ Пискулова Ю.Е. Корейская диаспора в Китае. Указ. соч. С. 134.

¹⁷ Яньбянь тунци няньцзянь — 1998. С. 77; Цзилинь тунци няньцзянь—2000. С. 65; Цзилинь тунци няньцзянь — 2004. С. 60.

*В.А. Тен**

ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОЙ ИММИГРАЦИИ В КАНАДУ (конец XX в. — начало XXI в.)

Канада является одной из ведущих стран мира по количеству принимаемых иммигрантов. Начиная с 1990-х годов страна ежегодно принимает примерно 250 тыс. человек на постоянное жительство и более 200 тыс. временных резидентов (иностранцев рабочих и студентов)¹. Иммиграция оказывает существенное влияние на формирование этнической картины канадского общества. Особенно сильно изменился этнический состав Канады за последнюю треть XX в. Если в 1901 г. перепись населения зафиксировала 25 этнических групп, то перепись 2006 г. — 200 групп, из которых 11 насчитывали более 1 млн человек, в том числе две группы неевропейского происхождения: китайцы и североамериканские аборигены численностью более чем по 1,2 млн человек каждая.

В XXI в. иммиграция продолжает оказывать значительное воздействие на рост населения Канады. Она обеспечивала 2/3 прироста населения страны за 2001–2010 гг.² Так, число иммигрантов в Канаду увеличилось с 245 тыс. в 2008–2009 гг. до 270 тыс. в 2009–2010 гг.³

Основная часть прироста населения Канады приходится на иммигрантов неевропейского происхождения, принадлежащих к так называемым «видимым меньшинствам», т.е. национальным меньшинствам неевропеоидной расы и небелым по цвету кожи. Численность «видимых меньшинств» Канады растет намного быстрее, чем ее население в целом: 27% против 5% в период 2001–2006 гг., причем 60% новых иммигрантов прибыли из Азии (включая Ближний Восток). Это положение резко контрастирует с ситуацией 35-летней давности, когда азиаты составляли 12% новых иммигрантов. До начала 1970-х годов большинство иммигрантов прибывали в Канаду из европейских стран.

* Московский государственный областной университет, Москва.

По последней переписи 2006 г. общая численность «видимых меньшинств» составила 5 млн 68 тыс. человек⁴. Соответственно быстро возростала доля «видимых меньшинств» в общей численности населения. За десятилетие 1981–1991 гг. она почти удвоилась — с 4,7 до 9,4%. В 1996 г. она составляла 11,2%, в 2001 г. — 13,4, а в 2006 г. — уже 16,2% всего населения страны. Если эта тенденция сохранится, то к 2017 г. примерно каждый пятый канадец будет представителем «видимых меньшинств»⁵.

Как уже отмечалось, китайцы входят в первую десятку самых многочисленных этнических групп Канады. Они представляли также и самую крупную группу среди «видимых меньшинств». Однако перепись 2006 г. показала, что с начала XXI в. иммиграция из Южной Азии шла более интенсивно, чем из Китая. Поэтому переселенцы из Индии, Пакистана, Бангладеш и Цейлона стали крупнейшей группой (1 млн 263 тыс.) среди канадских «видимых меньшинств», впервые опередив по численности китайских жителей Канады (1 млн 217 тыс.). На третьем месте находятся «чернокожие». Далее по убыванию численности идут филиппинцы, латиноамериканцы, арабы, уроженцы Юго-Восточной и Западной Азии, корейцы и японцы⁶.

История корейской иммиграции в Канаду довольно коротка. После реформы канадских иммиграционных законов в 1966 г. началось относительно массовое переселение корейцев в эту страну. К 1980 г. их численность выросла с 70 человек (1965 г.) до почти 20 тыс. За 1980-е годы дальнейший приток корейских иммигрантов почти удвоил корейское население Канады. Правда, с середины 1990-х годов наблюдалось значительное сокращение притока эмигрантов из РК: в США — с 8,5 тыс. человек в 1995 г. до 4,7 тыс. в 2004 г., в Канаду — с 9,3 тыс. в 2000 г. до 4,5 тыс. человек в 2004 г.⁷

Уменьшение эмиграции из Южной Кореи за этот период подтверждается и данными Министерства иностранных дел и торговли РК: 8,3 тыс. граждан РК навсегда покинули страну в 2005 г.; 9,8 тыс. — в 2004 г.; 11,6 тыс. — в 2001 г. против 15,9 тыс. человек в 1995 г. Это почти двукратное сокращение по-видимому, связано с южнокорейским экономическим ростом и продолжающимся ужесточением иммиграционных правил зарубежных стран. Действительно, в канадских переписях населения 1981, 1991,

1996 г. Южная Корея не упоминалась среди ведущих стран — поставщиков иммигрантов в Канаду.

Тем не менее в 1990—е годы корейская иммиграция в Канаду продолжалась. Так, если до 1991 г. в стране насчитывалось 26,5 тыс. корейцев, а между 1991 и 1996 гг. из РК в Канаду иммигрировали только 13,5 тыс., то в следующее 5-летие — более 23,2 тыс. человек. В 2001—2006 гг. в Канаду переселились уже 35,4 тыс. корейцев⁸.

Таким образом, с началом XXI в. корейская иммиграция стала снова возрастать. США и Канада остаются для южнокорейских работников наиболее предпочтительными странами-реципиентами. Из 125 тыс. южнокорейских граждан, эмигрировавших в 1995—2005 гг. за рубеж, почти половина (61,0 тыс.) поселились в США и около 52 тыс. — в Канаде. О росте иммиграции из Республики Корея в последнюю свидетельствует и то, что по переписям 2001 и 2006 гг. РК вошла в первую десятку стран-источников иммиграции в Канаду, заняв соответственно 9-е и 6-е места⁹.

В 2001 г. в Канаде жило примерно 102 тыс. уроженцев РК. Они составляли 0,3% ее населения и 2,5% общей численности «видимых меньшинств»¹⁰.

В 2006 г. 146,5 тыс. канадцев указали на свое корейское происхождение, включая около 9 тыс. лиц смешанного происхождения¹¹. На 2008 г. в Канаде насчитывалось 125 тыс. корейцев: постоянно проживали 98 тыс. граждан РК и обучались 27 тыс. южнокорейских студентов¹². Но если учитывать нелегальных иммигрантов, то численность корейцев в Канаде, возможно, близка к оценке канадской журналистки Карен Ллойд, которая полагает, что в 2008 г. в стране проживали 216,6 тыс. корейцев¹³.

Корейская диаспора в США имеет гораздо более длительную историю, чем в Канаде. Первая волна массовой эмиграции из Кореи в Америку началась в 1903 г., но она была недолгой и относительно малочисленной. После Корейской войны 1950—1953 гг. и до отмены дискриминационного антиазиатского иммиграционного законодательства США в 1965 г. в страну въехали еще несколько тысяч жителей Корейского п-ва. Переписи населения США 1960 и 1970 гг. зафиксировали соответственно 11,2 тыс. и 38,7 тыс. корейских иммигрантов. Затем наблюдалась следующая динамика роста численности американских корейцев в США: 1980 г. — 354 тыс., 1990 г. — 798 тыс., 2000 г. — 1 млн 42,5 тыс. (1 228 427 человек с учетом метисов)¹⁴.

С началом XXI в. численность корейских иммигрантов в США также возрастала. К 2007 г. она увеличилась по сравнению с 1960 г. в 93 раза, а с 1970 г. — в 27 раз. По оценкам американской статистики, в 2007 г. в США насчитывалось 1 млн 77 тыс. выходцев из Кореи. В последующие годы приток корейцев в США продолжался, хотя и в меньшем количестве (в 2009 г. — 5 тыс. вновь прибывших)¹⁵.

Корейцы стали седьмой по величине иммигрантской группой населения США, уступая уроженцам из Мексики, Филиппин, Индии, Китая, Сальвадора и Вьетнама. И если в 1960 г. корейские иммигранты составляли лишь 0,1% всех уроженцев зарубежных стран в США, то эта доля выросла до 2,1% в 1980 г. и до 2,9% в 1990 г. Затем доля корейских иммигрантов в общей численности иммигрантов сократилась до 2,8% в 2000 г. и до 2,7% в 2007 г., а в общей массе населения США возросла незначительно: 0,03% (1990 г.) против 0,38% (2007 г.), т.е. на 0,08%. С учетом лиц смешанного происхождения численность американских корейцев составляла 1 млн 227 тыс. человек, а их доля в населении страны — 0,44%¹⁶.

В начале XXI в. значительно — на 31% — увеличилась нелегальная иммиграция из Южной Кореи в США. Количество нелегальных корейских иммигрантов в этой стране возросло со 180 тыс. до 230 тыс. человек¹⁷. Следовательно, численность корейцев в США может оцениваться не ниже 1,3—1,5 млн человек. Таким образом, десятикратно превосходя своих канадских соотечественников по численности, американские корейцы составляли немногим большую долю в населении США, чем канадские — в Канаде.

Как и большинство новых иммигрантских сообществ, *канадские корейцы* представляют собой молодую по возрасту популяцию. Пожилые люди старше 65 лет составляют всего 5% канадских корейцев, тогда как среди белого населения Канады их насчитывается 13%. Среди американских корейцев когорта лиц пожилого возраста составляет 6,2%. Примерно 55% канадских корейцев находятся в наиболее активном трудоспособном возрасте — от 25 до 54 лет. Статистики США посчитали долю трудоспособных среди американских корейцев равной 69,6%, но для когорты от 18 до 64 лет. Медианный возраст обеих групп отличается несущественно, являясь значительно меньшим, чем среди неиммигрантского населения США.

Многие канадцы корейского происхождения знают официальные языки Канады на уровне, достаточном «для общения». 89% ответили в 2001 г., что могут говорить и общаться вне дома на английском или французском языках (82% — только на английском, 6% — на обоих языках и только 1% — на французском). Корейский язык является родным для 85% проживающих в Канаде корейцев. В то же время 11% не могут говорить ни по-английски, ни по-французски. Говорят дома только на корейском языке 67%, и только 3% в семейном кругу говорят по-корейски в сочетании с английским или французским языком. Кроме того, и на работе 12% говорят по-корейски, а еще 3% — в комбинации с английским или французским языком¹⁸.

Корейские иммигранты представляют одну из самых высокообразованных групп населения Канады. Они имеют самую высокую среди «видимых меньшинств» долю — 37% людей старше 15 лет, обладающих учеными степенями бакалавра и выше. В такой же возрастной группе белого населения страны этот показатель равен 14%, что почти в 3 раза меньше, чем у канадских корейцев. Выпускников университетов больше среди корейских мужчин, чем среди женщин. При этом лишь 3% канадских корейцев от 15 лет и старше не окончили общую среднюю (9-летнюю) школу.

Американские корейцы также относятся к высокообразованному слою американского общества. 44% из них обладают учеными степенями бакалавра и выше, что почти вдвое больше, чем в среднем по США. Но в отличие от канадских соотечественников по доле выпускников университетов среди азиатских меньшинств Америки они занимают не 1-е место, а делят 4-5-е места с филиппинскими иммигрантами. Доля лиц старше 24 лет, не окончивших полную среднюю школу, среди американских и канадских корейцев, по-видимому, примерно одинакова, но существенно меньше, чем в среднем по США¹⁹.

Корейцы на канадском рынке рабочей силы представлены 50,3 тыс. человек, что равно 0,3% всего этого рынка и 2,3% трудоспособных среди «видимых меньшинств». Канадцы корейского происхождения имеют меньшую занятость, чем остальное население страны. В 2001 г. имели работу чуть больше половины всех корейских иммигрантов в возрасте от 15 лет и старше, или 51% против 62% других жителей Канады такого же возраста²⁰.

Доля занимающих менеджерские должности среди всех работников корейского происхождения больше, чем среди работающих канадцев в целом: 27% против 10%. Чаще всего они занимают позиции средних менеджеров (24%), «профессионалов» (18%), высококвалифицированных работников торговли и персонального обслуживания (14%), других обученных работников этой сферы (12%). На долю этих профессиональных групп приходится 68% всех работающих корейцев в Канаде. Канадские корейцы чаще других канадцев работают в торговле и сфере обслуживания, а также занимают должности высококвалифицированных специалистов в естественных и прикладных науках. Но в промышленном производстве корейские иммигранты представлены меньше, чем остальные работающие канадцы²¹.

Значительно больше, чем остальные трудоспособные канадцы, корейцы заняты по системе самозанятости. В 2001 г. 31% канадских корейцев работали на самих себя по сравнению с 12% остальных участников канадского рынка труда. При этом среди корейцев и Канады, и США непропорционально велика доля неоплачиваемых рабочих — членов семьи. В 2001 г. 2% всех таких работников в Канаде составляли корейские иммигранты, тогда как работники-корейцы составляли только 0,3% трудовых ресурсов Канады²².

Корейские иммигранты в США также находятся среди иммигрантских групп с наивысшими показателями самозанятости. В 2001 г. каждый 4-й корейский иммигрант работал в собственном бизнесе, тогда как среди иммигрантов в целом так работал только каждый 10-й иммигрант. Примечательно, что около 30% иммигрантов-бизнесменов являются выпускниками университетов²³. Следует учитывать, что самозанятость иммигрантов, (как правило, в мелком бизнесе) обуславливает невысокие доходы и неоплачиваемый труд членов семьи. Немалая доля самозанятых американских корейцев живет ниже черты бедности США. Отметим, что уровень самозанятости корейских иммигрантов в США ниже, чем в Канаде.

В Канаде корейские иммигранты больше страдают от безработицы, чем другие участники канадского рынка рабочей силы. В 2001 г. уровень безработицы в стране составлял 7,4%, а среди канадских корейцев — 8,9%. Еще более высокий уровень безра-

ботицы характерен для молодежи в возрасте от 15 до 24 лет: 16% среди юношей и 13% среди девушек. В целом, канадские корейцы имеют более высокий уровень безработицы (8,7%), чем белые национальные группы Канады (7,1%), хотя он и меньше, чем среди небелых меньшинств (9,5%)²⁴.

Исследователи выделяют подобные канадским профессиональные группы и среди работающего населения США. Менеджеры и «профессионалы» составляют 38,7% американских корейцев, работники сервиса — 14,8%, офисные и торговые работники — 30,2%. Доля занятых в промышленном производстве и транспорте равна 12,2%, а доля работающих в строительстве, добыче полезных ископаемых и обслуживании — 3,9%. Сравнение этих цифр с отраслевым распределением работающих американцев в целом позволяет говорить об их приблизительном равенстве. Отметим, что наибольшую занятость в сфере менеджмента и высокопрофессиональной деятельности имеют индийские иммигранты — почти 60%, китайцы — 52% и японцы — почти 51%.

Но в сравнении с остальными иммигрантскими группами в США мужчины-корейцы больше заняты в информационных технологиях (4,3% против 3,8%), прикладных и технических науках (6,6% против 3,9%), в сфере социальных и юридических услуг (4,3% против 1,1%), образования и профессионально-технического обучения, средствах массовой информации (7,3% против 3,3%). Корейские иммигранты обоих полов заняты в сфере сбыта и продаж в 2 раза чаще, чем иммигранты в целом (20% против 9%)²⁵.

Канадские корейцы зарабатывали в среднем 35 400 долл. при условии постоянного места работы в течение всего 2000 г. Их доход был равен лишь 81% дохода среди белого населения²⁶. Но разрыв в доходах между работниками-иммигрантами и работниками канадского происхождения постоянно увеличивается на протяжении последних 25 лет. В 1980 г. мужчина-иммигрант получал 85% зарплаты канадского рабочего за одинаковую работу, в 2000 г. — 67%, а в 2005 г. — 63%²⁷.

Канадские исследователи объясняют это явление условиями прихода иммигрантов на канадский рынок труда в 1990—1994 гг. Первая половина 1990-х годов характеризовалась резким экономическим спадом, за которым последовал замедленный рост занятости. Это имело долговременные последствия для заработков

иммигрантов, начинавших трудовую деятельность в условиях высокой безработицы. Лишь после 2000 г. в Канаде наблюдается более быстрый рост зарплаты, особенно у иммигрантов с учеными степенями²⁸.

В целом доходы канадских корейцев ниже среднего годового дохода в Канаде. В 2000 г. средний доход от всех источников у канадских корейцев старше 15 лет был чуть больше 20 тыс. долл., т.е. почти на 10 тыс. меньше, чем соответствующий показатель по стране в целом.

Относительно большая доля канадцев корейского происхождения получают низкие доходы и попадают под категорию бедности по методике статистических органов Канады. В 2000 г. доходы 43% корейской общины в Канаде находились ниже официальной черты минимально необходимого дохода. Среди населения страны в целом этот показатель равнялся 16%²⁹.

Средний годовой заработок американского рабочего-корейца примерно на 1,7 тыс. долл. больше, чем заработок среднего американского работника, и составлял в 2000 г. около 38,8 тыс. долл. Видимо, материальное положение корейских работающих иммигрантов несколько лучше, чем положение их канадских соотечественников. Но к началу XXI в. корейцы в США уже утратили статус так называемого «образцового меньшинства», как их там называли во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов. Так, средний заработок азиатского работника-мужчины превышал заработок корейского работника примерно на 1 870 долл. Разница в среднегодовом заработке корейских работниц в США была еще больше. Самые высокооплачиваемые рабочие места занимали индийские иммигранты и американские японцы, получавшие соответственно по 52 тыс. и 51 тыс. долл. в год. Американские корейцы оказались на 5-м месте, значительно уступая китайским и пакистанским иммигрантам.

Материальное положение корейских иммигрантских семей в США также хуже, чем у ряда других азиатских групп. Их средний годовой доход меньше 48 тыс. долл., тогда как у одной семьи азиатских иммигрантов он превышает 59 тыс. долл., а у среднестатистической американской семьи равен 50 тыс. долл. Таким образом, средний доход американских корейцев составляет около 96% дохода обычной американской семьи. По годовому семейному до-

ходу американские корейцы находятся на 7-м месте. Они уступают американским японцам и индийцам с доходом свыше 70 тыс. долл., филиппинцам (65 тыс. долл.), китайцам (60 тыс. долл.), а также выходцам из Пакистана и Таиланда³⁰.

Есть еще два показателя, свидетельствующие о значительном ухудшении положения корейцев в США к началу XXI в. Первый — это владение собственным жильем, второй — уровень бедности. Так, доля американских корейцев — владельцев собственного жилища равна 40%, что на 26% ниже, чем среди населения США в целом, и на 13% ниже, чем у азиатских иммигрантских групп. По уровню бедности корейцы в США находятся на 6-м месте среди 11 учитываемых азиатских меньшинств. Почти 15% американских корейцев против 12,4% населения США в целом оказываются ниже установленного на 1999 г. порога бедности в 17 тыс. долл.³¹

Основные характеристики корейских иммиграционных меньшинств в Канаде и в Соединенных Штатах Америки не имеют существенных отличий. Их присутствие среди населения обеих стран и на рынке рабочей силы примерно равны, как и по квалификации и распределению по сферам занятости. В Канаде корейцы считаются наиболее высокообразованной этнической группой неевропейского происхождения, в США входят в число пяти самых высокообразованных таких групп. Корейские иммигранты чаще представителей других этнических групп и населения стран вселения работают на должностях дипломированных специалистов сферы управления, прикладных и социальных наук, профессионального образования и торговли, а также современных информационных технологий. Но при этом их мало в промышленном производстве, добывающей промышленности, строительстве и на транспорте. Доля «белых воротничков» среди корейских иммигрантов выше, чем среди населения в целом. Однако показатели занятости, заработков и доходов у выходцев из Кореи намного ниже, чем среди населения стран-реципиентов и даже ряда других иммигрантских групп. Вероятно, это обусловлено тем, что многие корейцы недостаточно владеют английским языком и знают его значительно хуже по сравнению с иммигрантами из Индии, Филиппин и Пакистана. Уровень безработицы в обоих меньшинствах, особенно среди молодежи, также существенно превышает общенациональные уровни США и Канады. Высокий показатель

«самозанятости» корейских иммигрантов также не влияет положительно на рост их доходов до среднего уровня населения принимающих стран. Таким образом, поддерживаемый рядом исследователей тезис об американских корейцах как «образцовом меньшинстве» и успешной интеграции корейских иммигрантов в общества североамериканских стран не только устарел, но и не соответствует современным реалиям жизни корейских иммигрантских групп как в Канаде, так и в США.

¹ Annual Report to Parliament on Immigration, 2010. URL: <http://www.cic.gc.ca/english/resources/publications/annual-report2010/section1.asp>

² URL: <http://www12.statcan.ca/census-recensement/2006/as-sa/97-557/index-eng.cfm>

³ URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/91-215-x/2010000/aftertoc-aprestdm1-eng.htm>

⁴ URL: <http://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/index-eng.cfm>

⁵ Statistics Canada. 2005. Population Projections of Visible Minority Groups, Canada, Provinces and Regions, 2001-2017. Catalogue no. 91-541-XIE

⁶ URL: <http://www12.statcan.ca/census-recensement/2006/dp-pd/hlt/97-562/>

⁷ URL: <http://www.asianpacificpost.com/news/topnews/article/marriageandmigrati-ona>

⁸ URL: <http://www12.statcan.ca/census-recensement/2006/as-sa/97-557/p3-eng.cfm>

⁹ URL: <http://www12.statcan.ca/census-recensement/2006/as-sa/97-557/table/t1-eng.cfm>

¹⁰ A Profile of Koreans in Canada. URL: http://www.hrsdc.gc.ca/eng/lp/lo/lsw/ee/ee_tools/data/eedr/annual/2001/DGProfiles/KoreansProfile.shtml

¹¹ Canada's Ethnocultural Mosaic, 2006 Census: National picture. URL: <http://www12.statcan.ca/census-recensement/2006/as-sa/97-562/p6-eng.cfm>

¹² URL: <http://www.newcanada.com/node/695>

¹³ *Lloyd K.* Korean wave. URL: <http://www.canadianimmigrant.ca/culture/community-profiles/article/7034>

¹⁴ *Тен В.А.* Корейская диаспора в США: формирование и адаптация. М., 2000. С. 221, а также см.: *The Asian Population: 2000 Census 2000 Brief.* Issued February 2002. P. 9.

¹⁵ *Monger R.* U.S. Legal Permanent Residents: 2009//Annual flow Report. April, 2010. DHS Office of Immigration Statistics. P. 4.

¹⁶ *We the People: Asians in the United States.* U.S. Census Bureau. 2002. P.1.

¹⁷ *Terrazas A.* Korean Immigrants in the United States//Migration Information

Source, January 2009. URL: /http://www.migrationinformation.org/USfocus/display.cfm?id=716.

¹⁸ URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/89-621-x/2007014/t/4182190-eng.htm>

¹⁹ Terrazas A. Op cit.

²⁰ URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/89-621-x/2007014/t/4123293-eng.htm>

²¹ The Korean Community in Canada. <http://www.statcan.gc.ca/pub/89-621-x/89-621-x2007014-eng.htm#tphp>

²² Ibid.

²³ Batalova J., Dixon D. Foreign-Born Self-Employed in the United States.//Migration Information Source, April 2005. URL: <http://www.migrationinformation.org/USFocus/display.cfm?ID=301#6#6>

²⁴ URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/89-621-x/2007014/t/4123293-eng.htm>

²⁵ Terrazas A. Op cit.

²⁶ A Profile of Koreans in Canada, 2001 Census. URL: http://www.hrsdc.gc.ca/eng/lp/l0/lswewe/ee_tools/data/eedr/annual/2001/DGProfiles/KoreansProfile.shtml

²⁷ URL: <http://www12.statcan.ca/census-recensement/2006/as-sa/97-563/p12-eng.cfm>

²⁸ URL: <http://www12.statcan.ca/census-recensement/2006/as-sa/97-563/p13-eng.cfm>

²⁹ The Korean Community in Canada. URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/89-621-x/89-621-x2007014-eng.htm#12>

³⁰ We the People: Asians in the United States. Op cit. P. 15–16. URL: http://usa.usembassy.de/etexts/soc/we_asians_2000.pdf

³¹ We the People: Asians in the United States. Op cit. P. 17–18. URL: http://usa.usembassy.de/etexts/soc/we_asians_2000.pdf

SUMMARY

POLITICS

Zhebin A. Z.

U.S. Geopolitical Interests in Northeast Asia and Some Issues of the Korean Settlement

The U.S.A. for the last 60 years gave priority to its bilateral alliances with some countries in the region compared with multilateral security arrangements. This course is conducted no matter what administration—Republican or Democratic—was in power and is seen as fundamental to the preservation of military and political domination of the United States in the region. The incumbent B.Obama’s administration also sticks to this line. In these circumstances, the possibility of achieving acceptable to all interested states settlement in Korea is very limited.

Vorontsov A. V.

The Korean Peninsula Nuclear Problem against a Background of North-South Relations’ Aggravation

2010 year saw several negative incidents in relations between two Koreas: a mysterious sinking of the South Korean corvette Cheonan in the Yellow Sea in March, the shelling in the disputed territorial waters on November 23, which was about to turn into a large-scale military conflict between the North and the South. Russia condemned North Korea’s shelling of the South Korean island of Yeonpyeong, which caused casualties. At the same time Russia urged the Republic of Korea to refrain from military measures to prevent the escalation of the conflict. Also in a statement dated December 17, 2010, Russia’s Foreign Ministry urged all the countries involved in the conflict to refrain from any steps, which could cause the aggravation of the situation. All things considered, Pyongyang’s recent initiatives on reconciliation with Seoul including the confirmation of its readiness to come back into “six-party talks” in Beijing look quite timely.

Asmolov K. V.

Threats from the Korean Peninsula: Reality and Delusion

Dealing with the number of threats, related to Korean Affairs, we had to distinguish real challenges from the propaganda-inspired delusions. Analyzing of most agitation-wielding so-called problems, one may realize that those which most-spoken about are less dangerous and able to happen. The role of irrational and random factors, raised in the atmosphere of tension, was stressed accordingly.

Dmitrieva V.N.

Role of Culture and Language in Forming the ROK's Image

Concept of a country's "international image" entered into academic research as a reflection of the country, nation or political figure's image. In the ROK the projects such as "Establishing of international information net about Korea and Korean studies", "Improvement of country's image through the correction of the mistakes which were made in educational literature", "Elaboration and popularization information about Korea for foreigners" were established. One image is establishing for internal policy, another for the world. Images can be changed because of the changing in the international relation's sphere.

Kim En Un

The Evolution of the Russia's Image and Role in Korea

Image of a state in the world and the real country may differ in times and space. Image also differs from activity and role the state plays in world and to the "country-respondent". Close political, economical and cultural cooperation between states are not guaranties of positive image. Image of Russia in Korea developed through various stages from suspicious (initial period of relations, second half of XIX century, and 2006-2010 in DPRK), to great hope (end of XIX – beginning of XX century), ardor (1917–1945), imitation (1945 – in South Korea, 1945–1957 in North Korea and DPRK), great distrust (1946–1988 in South Korea, ROK, 1988–1998 in DPRK), again hope (1988–1991 ROK, 2000–2006 DPRK), arrogant attitude (1993–2001 in ROK), pragmatic-consumer's attitude of the ROK with establishing of strategic partnership relations. Some of these reasons connected with objective situation and role of Russia in the world, some – with role of Russia in Korea.

Samsonov D.A.

Looking at Each Other: Results of Survey at the Exhibitions Dedicated to the 20th Anniversary of Establishment of Diplomatic Relationships between Russia and Republic of Korea

In 2010 Russia and the Republic of Korea celebrated the 20th anniversary of the establishment of diplomatic relationships between the two countries. To mark the event a number of important activities aimed at acquainting people of Russia and Republic of Korea with cultures of our two countries were organized. Special place among those events was occupied by the exhibition "The Wind in the Pines" which presented cultural treasures from the funds of the National Museum of Korea to the attendants of the State Hermitage Museum in summer 2010. In the following autumn Seoul hosted the exhibition called "Russia and Korea: a New Meeting of Old Neighbors" dedicated to Russian-Korean relationships. The report gives analysis of professional sociological researches made during the exhibitions. Those results are obvious evidences of peculiarities of relationships between our nations that enable us to speak about main tendencies in our interrelations and see best ways for further development of interaction and co-operation between Russia and Republic of Korea.

Lee B. S.

Culture in Business and Economics (experience of communications with Koreans)

South Korea has in Uzbekistan more than 350 joint ventures and 90 Korean firms' branches. Since 2006 Agreement on strategic partnership between two countries is acting. Free industrial economic zone in Navoiy city costing 1 billion USD and project at Karakalpakistan connected with gas deposit, costing 3 billion USD are the latest large contracts. But on the way of effective economic cooperation collision and conflict of cultures appear, many conflicts at enterprises are connected with difference in cultures. Korea is a country of etiquette, culture in Korea is a distant one, when one prefers to bow than to hug somebody. Any meeting with Korean businessmen is meeting with some roles. Great attention is paid to elderly, to age as consequence of Confucian moral. Basing on materials of student polls some examples of cultural shock

under meeting with South Koreans are presented. There are no bad cultures, but all cultures are different. A specialist in external economic activity or in Korean language must educate himself tolerance to alien language and culture and to adjust himself to foreign language and culture.

Kurbanov S. O.

Historical Inertia in inter-Korean Relations of the 2nd Half of 2000s

Historical changes are results of a complex of factors. Generally this complex consists of two big categories: 1) factors of general laws of historical transformation (correlated with historical processes) and 2) factors of isolated casual events (coinciding or not with general laws of historical transformation / historical processes). One of these general laws of historical changes is the Law of Historical Inertia. History of inter-Korean relations of the 2nd half of 2000s gives demonstration of effect of the Law of Historical Inertia. First half of 2000s was characterized by rapprochement between two Koreas. In 2008 new President of the Republic of Korea Lee Myung-bak has proclaimed new “pragmatic” policy in inter-Korean relations based on the principle of “denuclearization – opening – 3000”. Otherwise inter-Korean relations has not stopped or changed immediately. They have witnessed both freezing of activities in some spheres (for example, stopping of South Korean tours to Geumgang Mountains) and continuous cooperation or even rapprochement in other spheres (visit to Pyongyang of the President of the Hyundai Group Ms. Hyeon Jeongeun in August 11 – 17, 2009; President Lee Myung-bak’s meeting with North Korean delegation on August 23, 2009, etc). Thus the paper presents analysis of major events of inter-Korean relations in the context of efficiency of the Law of Historical Inertia.

Kazaryan R. L.

On the Issue of Sunshine Policy’s Actuality

The paper looks back at the Sunshine policy in the context of modern developments on the Korean peninsula. After Lee Myun Bak’s administration had changed its political course in relations with North Korea -major political achievements of the previous administrations

were virtually dismantled. As a result tensions and overall instability returned to the region. Despite criticism, the Sunshine policy proved to be obviously effective in bringing peace on the Korean peninsula and trust between the two states. It was based on principles that had been worked out together by North and South and thus fit the framework of peaceful unification strategies agreed by the leaders of both states. Author argues that current hostility and threatening atmosphere in the region as well as intensification of North Korea’s weapon of mass destruction development were instigated by South Korea’s abrupt refuse to fulfill its obligations stipulated in historical declarations of 2000 and 2007 signed by Km Dae Jung, Roh Moo Hyun and Kim Jong Il. Sunshine policy - or any similar strategy based on mutually agreed principles - remains the only real peaceful way to achieve unification of Korea.

Zakharova L. V.

Gaeseong Industrial Complex: Practical Aspects of its Operation at the Current Stage

Gaeseong Industrial Complex (GIC) is the only joint project of North and South Korea that keeps operating at the current stage of the bilateral economic relations. GIC now accounts for 70% of inter-Korean trade. Gaeseong output keeps growing despite the fact that the political and military relations between the DPRK and the ROK have been tense since 2008 and that in 2010 Seoul took a series of measures aimed at freezing inter-Korean trade. The paper considers practical aspects of GIC operation, challenges that arise in this process and the prospects of GIC development at the current stage.

HISTORY AND CULTURE

Akulenko V. S.

“The Age of Goguryeo” Nationalist Historical School of the ROK

Nationalist Historical School is the dominant historical school of the Republic of Korea. Under the influence of recent developments - the opening of the territory of Central Asia, Mongolia, Russia and China for

ROK's historians - on the one hand, and with the launching of China's Northeast Project - on the other hand, representatives of the Nationalist Historical School with direct support of government and public funds have started actively engaging in studying the history of Goguryeo, while at the same time, the history of the state of Silla, recently was studied less intensively. It makes an amazing contrast to the situation in historical researches during the rule of Park Chon Hee. Over the past 10 years the number of publications on the history of Goguryeo the first time exceeded the number of publications on the history of Silla. That fact allows us to ascertain the beginning of "The Age of Goguryeo" in Nationalist Historical School in the ROK.

Pastukhov A.M.

Sino-Japanese War 1894–1895 and Korea

The war between Qing and Japan Empires in 1894-1895 was the result of the aggressive policy of Japan in attempts to push out Qing Empire from Korea and to establish its own political and economical domination in Korea. The paper is devoted to the study of the real participation of Korea in the war. Japanese used pro-Japanese Korean politicians to mask their aggression in Korea and even to pretend to be legal in their actions. But even using the puppet pro-Japanese Government of Korea led by Kim Hongjip they had failed to attract the majority of Koreans to anti-Chinese actions. The main part of Korea's population supported the Qing Empire actively in spite of colonial policy of Li Hongzhang and Yuan Shikai in respect of Korea as the vassal state and the violence performed by the troops of Qing General Wei Rugui in the province of P'yongan. Nowadays the political situation on the Korean peninsula worsened. So the certain political order to show the role of China as the negative one exists. It is embodied in popular articles where the war of 1894-1895 is presented as the war between the coalition of Korea and Japan against China.

Musinova I. A.

Korean Question in Russian Diplomacy (the end of XX – the beginning of XXI century)

The paper is devoted to the problem of Russo-Korean relations at the end of 19th – the beginning of 20th centuries in American historiography.

Special attention is paid to characteristics of Korean Studies in the USA, its origins and genealogy, main theories and paradigms of American scholars who worked in this field.

Lynsha O. B.

The Russian Orthodox Church's Missionary Schools for the Koreans of the Southern Ussuriysk Krai at the End of the XIX Century

In the 1870s, Russian orthodox church began its missionary activity among the Koreans in the Southern Ussurisk krai. Missionary schools for the Koreans were to play an important part in the process of the integration of Korean village communities into the Russian state structure. At the end of the 1880s – the beginning of the 1890s of the XIX century, such schools were commenced in the places of the concentration of Korean settlers. In these schools, Korean pupils studied, first of all, Russian language and God's Law. It helped immigrants to adapt themselves to the new cultural, social, and political environment. The establishment of schools in all large Korean villages prepared the preconditions for the higher level of education in the early 20th century (the two-course schools, girl's schools, and emergence of the qualified Korean teachers).

Pak A. V.

The Penetration of Protestantism in Korea: An Initial Stage

The history Protestantism in Korea totals no more than hundred with superfluous years that is insignificant by way of historical chronology. It has not attracted due attention on the part of the Russian Orientalists. Meanwhile the Protestant direction of Christianity, alongside with a Catholicism and Orthodoxy, has brought great contribution to formation of modern South Korea. Protestant missionaries were the first, who at the end of XIX - the beginning XX centuries have introduced on ground progressive ideas of the western way of life: the European medicine, education, equality of women, elements of the western culture etc. The Korean Christian leaders also were active participants of struggle for independence against the Japanese colonial occupation and today in epoch of world globalization occupy an active position.

Ovchinnikova L. V.

Colonial Korea Reflected in the Documents of Japanese Colonial Administration

Documents presented are secret documents of Japanese colonial administration published by Governor General's Office, Police and Court in Korea in the 1920–1940s. Written for pragmatic or practical purposes and being used by senior Japanese colonial officials (most of them are marked “Secret” or “Top secret”), they are believed to be more or less authentic. These books provide us an original source of scientific research and a broad framework of enquiry concerning situation and various aspects of history of colonial Korea, as well as strategy and tactics of Japanese rule, methods of liberation movement suppression. Scientific data and facts concerning colonial Korea are quite scarce, and that is why these documents can be regarded to be one of the most important and significant source of scientific research of Korean colonial history (end of 1910–1945).

Kim N. N.

Colonial Korea's social structure: in search of research methodology

The socio-economic policy of the Japanese colonial government had double consequences for Korean national economy. In the late colonial period there were evident the impressive advances in the industrial production, development of transport and communication systems as well as in the field of formal education. Colonial modernization developing market relations and capitalistic form of property promoted the creation of new social structure based on class principle. The natural evolution of the traditional privileged estate social structure of the Korean society could bring about the formation of the west European social system if it was not obstructed by the grave economical policy of the Japanese colonial government. From the social point of view colonial modernization provoked the deep polarization between the different social groups depending on its status, massive pauperization of the working groups and other negative social phenomena deteriorating the inner climate of the Korean society. The load of socio-economic problems of the late period of Japanese colonialism was placed as a heavy burden on the occupation authority after liberation. Many social problems which aroused in the transitive period of the Korean history

(1945–1948) appeared for the first time in the process of aggressive colonial modernization.

Sharafetdinova A. I.

Main Objects of the DPRK's Cultural Heritage

It should be recognized that, despite the lack of funding, North Korea has taken a fairly effective measures to create conditions for preservation of monuments of historical and cultural heritage. Contrary to the unfavorable international environment, which is compounded in recent years around the DPRK in connection with the nuclear-missile issue, the country continues to pay serious attention to maintaining contacts in the cultural sphere, including through UNESCO. Thus, through the promotion of cultural heritage the North Korean leadership expects to reinforce the ideological tenets of the “juche” model socialism, relying not only on domestic but also external audiences.

Lee San Youn

Female Themes in Modern Literature of the Republic of Korea, Japan, and China

In modern South Korean, Japanese, and Chinese literature, including so-called female prose, a number of common tendencies may be found. At the beginning of its rise such literature discusses social aspects related to the role of a woman in family and society, her evolving self-consciousness, establishment of her personality. In subsequent years, female writers address the issues of the inner world of a woman, her relationship with a man. They write about love, desires, and increasing demands of their heroines. At the same time the theme of dissatisfaction, loneliness, and alienation is becoming one of the major issues expressed in the prose of the three neighboring countries. These issues are raised by the life itself, by the history of these countries.

ECONOMICS

Suslina S. S.

The Role of Innovation Factors in the Current Economic Development of the ROK

During past two decades the main attention in the Republic of Korea is focused on the problems of innovation development of the

national economy. South Koreans see in stimulation of the innovation modernization of the whole economical structure and, particularly, industrial and infrastructural sectors, possibility to speed-up economic growth, to keep world competitiveness, to occupy higher position among the leading economics of the world.

Samsonova V. G.

Modern Situation in Science-Technological Development in Russia and the Perspectives of Russia-South Korea's Cooperation in This Sphere.

Russia and South Korea's scientific and technical cooperation is the important component in the relationships between our countries. The both countries consider each other as perspective partner in development of the mutual scientific and technical cooperation, which includes the different fields such as space, pharmaceuticals, laser techniques, optics, power, biotechnology. There are more than 90 projects between our countries in this sphere.

Sinyakova A. F.

South Korea: Green Technology as a New Growth Engine

South Korea's Green Deal is regarded as a new growth engine, solution of energy needs, and pathway to addressing global warming. However, economic inefficiency, high technological barriers, and excessive competition remain stumbling blocks to acquire green technology. Better coordination and sharing among companies and research institutions is needed in Korea to commercialize green technology and to maximize their earnings potential and positive environmental impact.

Em P. P.

The Influence of Urbanization and Settlemental Factors upon the Economic Development in the Republic of Korea

The paper analyzes the evolution of cities and urban settlement system evolution as one of indicators of country's economic development. The acceleration of urbanization in the second half of XX century on the Southern part of the Korean Peninsula was conducive to explosive economic development of this country. Today we witness decreased speed

of urban population's growth along with active processes in settlement's system in the Republic of Korea.

Verkhoturov D. N.

The Transformation of Economic Relations between Indonesia and Republic of Korea

The economic relations between Republic of Indonesia and Republic of Korea have become intensive in recent years and are achieving the level of strategic partnership. This development is going on in conditions of rapid and deep process of the transformation of economic relations between countries.

Stavrov I. V.

The Koreans Minority Status in Contemporary China

The paper discusses the legal status of Koreans in China, shows the specific of legislative realization of region's ethnic autonomy at Yanbian Korean Autonomous Prefecture (YKAP). It also provides an overview of socio-economic development of Korean autonomies at the turn of XX-XXI centuries. The YKAP's role in the development of Russian-Chinese and Korean-Chinese cross-border relations is revealed.

Ten V. A.

On the Peculiarities of Korean Immigration to Canada (the end of XX – the beginning of XXI century)

History of Korean immigration to Canada has 40 years, a little less than the one to the USA. Now there are 150 thousand Koreans in Canada and 2 million in the USA. The process of Korean immigration to Canada was equable, unlike the one to the USA. But Koreans in Canada have not achieved the same social and economic status as Korean Americans have. Their income is lower than the national average. The paper analyses the reasons causing this difference between two immigrant communities in North America.

Научное издание

Корея: десятилетие новых возможностей
Доклады, представленные
на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ
Москва, 24–25 марта 2011 г.

Редактор Н.И. Иванова
Корректор С.А. Суднищикова
Оригинал-макет С.А. Суднищковой
Оформление Т.В. Иваншиной

Учреждение Российской академии наук
Институт Дальнего Востока РАН
117218, Москва, Нахимовский проспект, 32.

Подписано к печати 02.08.2011.
Формат 60 x 84/16.
Печ. л. 17,5. Тираж 200 экз.
Заказ № 17.